
*Прот. Л. А. ВОРОНОВ,
доцент Ленинградской духовной академии*

ВОПРОС ОБ АНГЛИКАНСКОМ СВЯЩЕНСТВЕ В СВЕТЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ*

«Каждому из нас дана благодать по мере дара Христова... доколе все придем в единство веры».
(Ефес. 4, 7, 13)

«Православному христианину, по духу любви, свойственно и вне пределов Православной Церкви с радостью находить в некоторых отношениях сохранение благодати, равно как с печалью примечать ее оскудение».

(Митр. Филарет. О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви).

Русская Православная Церковь, у которой с давних пор установились сердечные, дружественные взаимоотношения с Церковью Англиканской, всегда с чувством глубокой симпатии относилась к тем деятелям англиканства, которые ставили своей целью сближение с Православной Восточной Церковью. Она всегда охотно и с готовностью участвовала и теперь участвует в попытках углубить дружбу между церквями и найти путь к еще более тесному сближению, основанному на тщательном и беспристрастном взаимном ознакомлении и обсуждении имеющихся разногласий в духе искренности и истинно-христианского миролюбия.

Вождеденное единство Церквей составляет предмет усердных молитв и высоких упований Святой Православной Церкви, но она отдает, конечно, себе ясный отчет в том, что на пути к этому единству лежит не мало пока еще трудно преодолимых препятствий.

Послужить в какой-то мере благословенному делу сближения Церквей хотел и автор настоящей работы, принимаясь за труд изучения и освещения ряда важных и актуальных вопросов, затрагивающих самые основы междупереховных отношений, и, в частности, вопроса о взгляде Русской Церкви и русских богословов на англиканское священство.

* Главы из работы «Изучение возможностей сближения между Православием и Англиканством на пути к единству веры».

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, каких результатов достигла *viribus unitis* русская православная богословская наука в вопросе о природе и характере священства Англиканской Епископальной Церкви, а также о действительности англиканских хиротоний на протяжении 100 лет — от приснопамятного митрополита московского Филарета до ныне здравствующего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, — и как, в свете лучших достижений этой науки, должно смотреть на духовных лиц дружественной нам Англиканской Церкви.

Желая, в меру своих сил, практически содействовать быстрейшему сближению взглядов Англиканской Церкви с учением Православной Церкви об истинном христианском священстве, автор в одной из следующих глав делает попытку детального сопоставления — шаг за шагом — верований и взглядов обеих сторон по отдельным, наиболее важным, пунктам догматического учения о священстве.

Глава I

Очерк состояния вопроса об англиканском священстве в Русской Православной Церкви и русской православной богословской науке с 60-х годов XIX века до наших дней

Сто лет прошло с тех пор, как пред иерархами Русской Православной Церкви самой жизнью был поставлен вопрос о необходимости как-то определить свое практическое отношение к англиканским хиротониям. В сентябре 1861 года Санкт-Петербургская духовная консистория получила из Ниццы донесение священника местной русской православной церкви о. Димитрия Васильева о том, что 8(20) сентября 1861 года им был присоединен к Православной Церкви, через св. миропомазание, великобританский подданный, бывший пастор Англиканской Церкви, Вильям Вооз Ричардсон, с наречением имени Афанасий¹. Уже чрез месяц после присоединения Ричардсон писал митрополиту московскому Филарету о своем желании принять рукоположение во священника по чину Православной Церкви. Согласно рекомендации митр. Филарета, вскоре после этого Св. Синод постановил — поручить митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому «по собранию потребных сведений об ищущем рукоположения в священный сан бывшем пасторе Англиканской Церкви Ричардсоне, сделать сообразно сим сведениям дальнейшее распоряжение к удовлетворению благочестивого желания Ричардсона»². По-видимому, рукоположение состоялось бы, если бы неожиданная тяжелая болезнь не заставила самого просителя отказаться от своего намерения.

Сам по себе вопрос о чиноприеме и о последующем рукоположении Ричардсона, как видим, не был сопряжен с какими-либо трудностями или недоумениями. Принятие англиканского клирика чрез миропомазание не было новостью для Русской Церкви. Известно, например, что в 1734 году «по чину ея» был присоединен к православию бывший англиканский пастор Михаил Франциск Малард³. Что же касается предполагавшегося совершения над Ричардсоном хиротонии, то решение о закономерности такого акта представляется естественным и логическим

¹ «Духовная беседа», 1862. Церковная летопись, стр. 357—358.

² Образцов П. О попытках к соединению Английской Епископальной Церкви с Православной. «Прав. обозрение», 1866, март, стр. 247—249.

³ «Православное обозрение», 1866, январь, стр. 65. Нужно иметь в виду, что в период времени между соборами 1718 и 1756 гг. чрез миропомазание принимали и католиков и протестантов (в том числе англикан). Еп. Сергий (Серафимов). Правила и практика церкви относительно присоединения к православию неправославных христиан. Кострома, 1882, стр. 139—140.

следствием из факта принятия его чрез миропомазание¹. При всем том мудрый московский святитель счел необходимым предусмотрительно обратить внимание Синода на возможность появления в будущем более сложных ситуаций. В письме к обер-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому митр. Филарет писал о Ричардсоне: «Если бы он просил признать его священником, это был бы трудный вопрос... Разрешение оного должно зависеть от другого вопроса: сохранила ли Англиканская церковь преемство епископского рукоположения непрерывно? Это подлежит сомнению»².

В 1864 году Россию посетил пастор епископальной (Англиканской) Церкви в Америке Юнг, имевший неофициальное поручение от нескольких американских епископов — выяснить возможности сближения англиканства с Русской Православной Церковью. Будучи в Москве, Юнг имел несколько встреч с митрополитом Филаретом, на которых были затронуты, между прочим, и вопросы о трудностях, лежащих на пути к желаемому соединению церквей. Упоминая об этих встречах и беседах, митрополит указывал, что по крайней мере 5 пунктов являются в данный момент «средостением между Православной и Англиканской Церквями». Среди этих пунктов были отмечены следующие два: ...«доказана ли непрерывность апостольского преемства в Англиканской Церкви?» Ответ на это, — замечает Владыка, — пишет г. Стоббс (Stubbs), ...«каково учение Англиканской Церкви о таинствах?» Ответное сочинение обещал г. Казену (Casenow)³.

В 1866 году появилась в печати статья под заглавием «О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви», написанная митрополитом Филаретом по поводу полученного им письма Вильяма Стоббса «Об Апостольском преемстве в Английской Церкви»⁴. Статья была написана в духе христианского миролюбия и снисходительности и отличалась чрезвычайной осторожностью в критике и в выводах. Основная мысль статьи заключалась в том, что при настоящем положении вещей вопрос о действительности англиканской иерархии не мог быть решен безоговорочно ни в положительном, ни в отрицательном смысле и требовал дальнейшего настойчивого, внимательного и беспристрастного изучения. Выдвигавшиеся в то время возражения против англиканской иерархии, по мнению митрополита Филарета, не были вполне опровергнуты учеными доводами Стоббса. По-прежнему казались недостаточно доказанными исторические факты рукоположения Паркера и особенно Барлоу. Худшие опасения, что Англиканская Церковь не удержала в чистоте древнецерковное учение о священстве, нашли себе прямое подтверждение в данных самого Стоббса. Возникло сильное сомнение: не утратила ли Английская Церковь веру в таинственно-благодатное значение хиротонии? Не низводит ли она значение рукоположения до уровня простых церемониальных обрядов? Подтверждение такой мысли митр. Филарет видел не только в том, что англичане перестали называть священство таинством, но и особенно — в факте неверия в благодать священства Кранмера (рукоположившего двоих из четырех рукополагателей Паркера: Скори и Ковердаля) и Барлоу (главного рукоположителя Паркера).

«Известно, — писал митр. Филарет, — что сие таинственное действие (т. е. епископское рукоположение. — Л. В.) Английская Церковь, отде-

¹ «По древним правилам Церкви, принимаемые в своих степенях священства не миропомазывались». Еп. Сергий. Правила и практика..., стр. 173, примеч. (а).

² Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам. Изд. высокопр. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского. Тверь, 1888, стр. 110 (письмо № 54, от 26 февр. 1862 г. к обер-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому).

³ Образцов П. О попытках... «Православное обозрение», 1866, март, стр. 264.

⁴ «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 85—94.

ляясь от Римской, лишила наименования таинства... Не потому ли, что решено не признавать в оном таинственного благодатного действия, а признавать оное только простым, обрядовым, церемониальным действием, без Апостольского значения и силы? И, таким образом, с прекращением веры в действительную силу Апостольского рукоположения, не пресеклось ли внутреннее действие сего рукоположения, хотя и сохранился вид рукоположения? — В сем есть не малое сомнение»... Если Кранмер и Барлоу, рассуждает далее митр. Филарет, не верили благодати епископства, «если, рукополагая, сознательно совершали такой незначительный обряд, без которого можно было бы обойтись, следовательно такой обряд, который как своим отсутствием ничего не лишал, так и своим присутствием ничего не преподавал, то можно ли найти здесь продолжение благодатного тока апостольского епископского рукоположения? Не прегражден ли он и пресечен?»¹

Обращает на себя внимание вопросительная форма этих рассуждений. Митрополит Филарет как бы ожидает еще услышать из уст защитников англиканства удовлетворительный ответ, способный рассеять высказанные им недоумения. «Может быть, это не преграда на пути ко взаимному общению несостоящих в общении церквей? По крайней мере, это есть камень преткновения на сем пути. И желательно видеть, как снимут его с дороги истолкователи учения английской церкви»². Под вопросительной формой своих высказываний высокопреосвященный автор хочет, по-видимому, предложить общему вниманию церковных деятелей мудрый совет: не спешить с приговором в столь трудном и важном деле. Прежде всего богословская наука должна сделать все, что в ее силах, для освещения всех сторон вопроса. Но и этого будет еще недостаточно. Допустим даже, что в результате таких всесторонних исследований выяснится с несомненностью, что Англиканская Церковь в самом деле утратила на некоторое время веру в благодать священства, подобно Кранмеру и Барлоу. Можно ли и в таком случае категорически утверждать, что *eo ipso* англиканские хиротонии утратили свою действительность? Нет, как бы отвечает нам на это святитель, задавая свои вопросы. Даже и в таком случае последнее решающее слово будет принадлежать не богословам, не отдельным иерархам и даже не отдельным поместным церквам, а только непогрешимой Вселенской Христовой Церкви.

Итак, вопрос о действительности англиканских посвящений, по мнению митр. Филарета, продолжал оставаться вопросом. Практика принятия англиканских клириков чрез миропомазание должна была по необходимости сохранять свою силу. Но нужно было подумать и о том, что рано или поздно Церковь должна будет решительно высказаться по вопросу о действительности англиканских хиротоний, или признав эту действительность, или отвергнув ее бесповоротно. Размышляя об этом, митр. Филарет и пришел к мысли предложить в случае воссоединения совершать хиротонии над англиканскими клириками условно. Он полагал, что вопрос о непрерывности внешнего иерархического преемства в Англиканской Церкви может так и остаться навсегда неразрешимым вопросом. «От неразрешенного сомнения какой может быть путь английскому епископству к общению с Православной Церковью? — При невозможности разрешить сомнение, действительно ли совершилось крещение кого-либо, правило церковное повелевает совершить крещение условно, еще не крещен есть. С сим сообразно было бы, при невозможности разрешить сомнение, действительно ли совершилось посвящение епископа, совершить посвящение в епископа условно, еще не посвящен есть». При этом Владыка прибавляет: «не трудно понять, что

¹ «Православное обозрение». 1866, февр., стр. 87, 92—93.

² Там же, стр. 87.

на сие трудно согласиться епископу английской церкви»¹. Заключает свою статью митр. Филарет призывом к труженикам русской богословской науки: «кто может, кому дарует Бог, да откроет более удобный путь желаемого общения и единения церквей»².

На протяжении почти 30 лет после появления упомянутой статьи митр. Филарета в русской православной богословской литературе господствовал отрицательный взгляд на англиканское священство.

Архиепископ Платон в своем «Сокращенном изложении догматов веры» (Кострома, 1869, стр. 221) писал: «Англиканцы удержали у себя священноначалие в степенях епископа, пресвитера и диакона. Впрочем, священство они не признают таинством и не могут доказать непрерывного преемства его от Апостолов; посему оно не имеет благодати таинства».

Протоиерей лондонской посольской церкви Е. И. Попов, приведя в статье под заглавием «Нечто о преемстве апостольского рукоположения в Англиканской Церкви» заявление архиепископа Secker'a, что «в Holy orders нет никакого таинства, ибо возложение рук in ordinatione требуется и употребляется не для того, чтобы преподать какой-либо духовный дар (grace), но для того, чтобы преподать право (right) совершать такое-то служение (office) в Церкви Христовой», — спрашивает: «Если священство не есть таинство, то откуда взяты истинному священству?» Далее о. Е. И. Попов приводит следующее рассуждение: «Что принял Паркер при посвящении его, совершенном Барлоу? Во всяком случае, не благодать таинства, потому что ни он, ни Барлоу не видели в акте посвящения таинства. Паркер не думал принимать таинство, а Барлоу не думал совершать оное. И тот и другой одинаково отвергали таинство священства... Заключение очевидно: посвящение Паркера, если было, то было как «приличный обряд, не необходимый сам по себе, а как требовавшийся только ради доброго порядка и благовидности» («Христианское чтение», 1870, янв., стр. 195—198).

Архиеп. Сергей (Спасский) отмечает в беседе 28-й (Об Англиканской Церкви), что «из протестантов, отступивших в XVI столетии от Римской Церкви, англичане имеют священноначалие с тремя степенями: епископа, священника и диакона, но это священноначалие их сомнительно». Обосновывая свое утверждение, он указывает, что еще неизвестно, действительно ли рукоположен законными истинными епископами Матфей Паркер. Кроме того, англичане несправедливо унижают таинство священства, эту «матерь других таинств», заявляя, будто оно неодинакового свойства с крещением и причащением, ибо не имеет видимого знака, заповеданного Господом в Евангелии. Далее, англичане имеют неправильное понятие о таинствах вообще, и в частности о таинстве миропомазания. Миропомазание заменено у них обрядом конфирмации, надобность которого многими отрицается. «Отсюда выходит, что самые епископы, не приемля миропомазания, как таинства в собственном смысле, не имеют тех даров Св. Духа, которые в Православной Церкви считаются необходимыми для каждого члена ее». Наконец, англичане не призывают в молитвах святых Божиих, не почитают ни свв. икон, ни свв. мощей, считают, что вселенские соборы погрешили в деле веры, и держатся многих иных догматических заблуждений. Архиеп. Сергей отмечает в заключение, что «вопрос о законно-

¹ Св. Синод в 1904 году рассматривал это предложение митр. Филарета, применительно к вопросу о пересмотре существовавшей тогда (да и до сих пор существующей) практики приема отдельных англиканских клириков чрез миропомазание, но нашел такой пересмотр нецелесообразным и предписал рукополагать присоединившихся англиканских пасторов без всяких условий. На основании указа Св. Синода преосв. Тихон, архиеп. Алеутский (впоследствии патриарх Московский), в 1905 году рукоположил священника американской епископальной церкви, д-ра Ирвайна. «Церковный вестник», 1905, № 51—52, ст. 1637—1638).

² «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 94.

сти священноначалия Англиканской Церкви подлежит тщательному обсуждению и исследованию» (Беседы об основных истинах святой православной веры. Москва, 1893, стр. 249—257).

Еп. Иоанн аксайский, возражая известному защитнику действительности англиканских хиротоний проф. В. А. Соколову, писал: «Нельзя нам защищать английскую иерархию, так как у нее не было и нет основы ни догматической, ни канонической»¹. «Св. апостол Павел преемнику своему завещавал: яже вверена суть тебе, сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити (2 Тим. 2, 2)... Англиканские епископы вполне ли — с достодолжной покорностью приемлют Апостольские предания?» Что же касается канонической стороны вопроса, то «англиканские епископы так нарушали канонические правила Церкви, что, ежели перебирать все эти нарушения, то можно потерять и счет им». Очень важными нарушениями канонов еп. Иоанн считает отмену безбрачия епископов и вмешательство королевской власти в дело поставления архиепископа Паркера. «Королевская власть не могла возвратить епископам того, что они потеряли, задумав отпадение от Церкви, от своего церковного главы — вообще от канонов церковных» (Открытое письмо по вопросу об англиканской иерархии Иоанна, еп. Аксайского, В. А. Соколову «Богосл. вестник», 1897, июль, стр. 69—74).

Протоиерей русской посольской церкви в Берлине А. П. Мальцев усматривает существенное препятствие к признанию апостольского преемства у англикан не только в том, что последние лишили священство значения таинства (в XXXIX членах), но и в отрицании Англиканской Церковью сакраментального характера всех вообще таинств. В силу этого, говорит Мальцев, англиканские епископы не имеют намерения передавать своим преемникам такую существенную для первосвященства власть, как власть совершать все семь таинств, а также власть приносить божественную Жертву за живых и умерших². Церковь, которая признала бы действительность англиканских посвящений, тем самым, по мнению Мальцева, поставила бы под сомнение действительность своего собственного священства (см. в кн. проф. Соколова И. П. О действительности англиканской иерархии, СПб., 1913, стр. 25, примеч. 1-е).

Проф. Казанской дух. академии В. А. Керенский обращает внимание на то обстоятельство, что с точки зрения англиканской вероисповедной системы невозможно прийти к убеждению, будто Англиканская Церковь считает священство таинством в собственном смысле, хотя и не таким по природе, как крещение и причащение. «Все вообще символические книги Англиканской Церкви, начиная с первой и кончая последней, не признают в существе дела благодати священства... Отсюда говорить о действительности англиканских посвящений с точки зрения англиканской вероисповедной системы, на наш взгляд, крайне затруднительно» (К вопросу о действительности англиканских посвящений. «Православный собеседник», 1897, ч. 1, стр. 724—725).

Чтобы закончить с отрицательными отзывами об англиканском священстве в русской богословской литературе, приведем еще два отзыва, относящиеся к концу XIX и началу XX века³.

¹ Заметки преосв. Иоанна, еп. Аксайского, по поводу статьи об англиканской иерархии В. С. «Богословский вестник», 1896, сент., стр. 403.

² На отрицание англиканами жертвенной власти священников, как на существенное препятствие к признанию действительности англиканских хиротоний, указывал еще раньше Т. Серединский. «У англикан осталось название духовных лиц священниками, но это название без бескровной жертвы и таинственного рукоположения священительского не имеет смысла и остается одним именем без самой вещи». Серединский Т. Общественное богослужение у протестантов. Рига, 1889, стр. 41, примеч. 1-е.

³ Первый из них принадлежит, собственно, XIX веку (дата не может быть установлена), хотя в печатном виде он стал известен лишь с 1902 года.

Известный канонист проф. А. С. Павлов следующим образом высказался об англиканской иерархии: Англиканская Церковь «хотя и признает свою иерархию за особое состояние в церкви, но так как эта иерархия не есть продолжение прежней католической иерархии, ведущей свое начало от Апостолов, а установлена королем Генрихом VIII, принявшим реформацию, то она, с точки зрения православного и католического церковного права, не может быть признаваема за истинную иерархию... Лица, принадлежащие к духовенству Англиканской Церкви, принимаются в Православной и Католической Церкви за мирян» (Курс церковного права. Посмертное издание редакции «Богосл. Вестника», 1902, стр. 516).

Прот. Н. Малиновский, рассмотрев вопрос об англиканском священстве, приходит к следующему выводу: «Конечно, окончательный приговор по вопросу о действительности англиканской иерархии может произнести только вся Вселенская Церковь своим соборным определением, или по согласию своих главных представителей. Но надеяться на признание ее действительной со стороны Кафолической Церкви нет достаточных оснований» (Очерк правосл. догм. богословия. 2-е изд. Вып. второй. Сергиев посад, 1912, стр. 244).

Переходя к благоприятным для англикан мнениям и отзывам русских богословов об англиканском священстве, отметим сначала также два отзыва, которые, впрочем, нельзя признать характерными для русской православной богословской науки, особенно того периода, к которому эти отзывы принадлежат.

Епископ Сергей (Серафимов) писал в своем историко-каноническом исследовании, посвященном вопросам чиноприема в православие: «Не погрешает наша Православная Церковь, когда признает действительным и неповторяемым священство таких неправославных церквей, в которых признаются и совершаются все таинства и в которых священство сохраняется по преемству от Апостолов. Кроме римских католиков, сюда, конечно, относятся и клирики церквей Англиканской и Армянской, хотя о них и нет прямых и положительных узаконений в нашей Церкви» («Правила и практика Церкви относительно присоединения к православию неправославных христиан». Кострома, 1882 (2-е изд.), стр. 179 и примеч. (б))¹.

Епископ Сильвестр. этот, по выражению проф. А. Бронзова, «осторожнейший православный богослов»², дал следующий отзыв о священстве протестантов вообще, и особо об англиканском священстве: Протестантские «пасторы, только народом избираемые и поставляемые, но не получающие никакого посвящения от Бога, в существе дела суть не что иное, как те же миряне и, следовательно, как и они, не имеющие никакого права на совершение того, что принадлежит одному богочрежденному священству. В этом отношении между другими протестантскими обществами сравнительно более последовательной оказалась одна Англиканская, так наз. епископальная, Церковь, которая вместе с принятием крещения и евхаристии, по крайней мере, удержала у себя еще и таинство священства (!), с целью посвящения лиц,

¹ Не касаясь взгляда еп. Сергея на англиканское священство по существу, заметим, однако, что утверждение его о принятии англиканских клириков «в сущем сане» ошибочно, так же как ошибочно и его указание, будто Православная Церковь принимает «без крещения и миропомазания, чрез одно покаяние с отречением обращающихся от заблуждений — римских католиков, армян, исповедников Англиканской Церкви (?)», миропомазанных от своих епископов» (там же, стр. 143). В «Курсе церковного права» проф. А. С. Павлова читаем: «Что касается до лютеранских и реформатских пасторов, а также до духовенства Англиканской Церкви... то они принимаются в Православной и Католической церкви за мирян» (стр. 516). Ср. также стр. 229, примеч. 1-е.

² Проф. Бронзов А. «Преложение и пресуществление». Петроград. 1916, стр. 4.

необходимых для совершения крещения и евхаристии» (Опыт правосл. догм. богословия. Том IV, Киев, 1897, стр. 388).

Фундаментальные исследования, посвященные выяснению вопроса о законности и действительности англиканской иерархии, принадлежат профессорам трех духовных академий: В. А. Соколову (Моск. дух. академия), И. П. Соколову (Петерб. дух. академия) и А. И. Булгакову (Киевская дух. академия). Их работы, охватывающие период около 20 лет (с 1894 по 1913 г.), представляют собой ценнейший вклад в сокровищницу русской православной богословской науки. Сделанные ими выводы, в общем благоприятные для англиканства, служили в дальнейшем необходимым основанием для решения того же вопроса в новых условиях: в частности, при обсуждении его на состоявшемся в 1948 году в Москве Совещании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей. Профессор Московской дух. академии В. С. Вертоградов, выражая точку зрения Русской Православной Церкви¹ в своем докладе «Об английской иерархии», широко пользовался трудами и выводами профессоров В. А. Соколова и А. И. Булгакова².

Следует заметить, что при работе трех упомянутых нами ученых имело место как бы разделение труда, сложившееся, впрочем, без всякого предварительного согласования. В. А. Соколову в его труде более всего удалась та часть, которая была посвящена исторической стороне вопроса, т. е. доказательству внешней непрерывности преемства епископских рукоположений в Английской Церкви. И. П. Соколов с особенной тщательностью и точностью в выводах рассмотрел догматическое учение англиканства о священстве, восполнив этим слабые места в соответствующих рассуждениях В. А. Соколова. Наконец, А. И. Булгаков более других остановился на канонических аспектах проблемы, облегчив, тем самым, в значительной мере, труды тех, кому предстоит еще в будущем решать «до чрезвычайности сложный» — по выражению Святейшего Патриарха Алексия³ — вопрос о каноничности англиканских хиротоний.

В 1894 году И. П. Соколов окончил курс Петербургской дух. академии, представив кандидатское сочинение на тему: «Вопрос об апостольском преемстве иерархии в Англиканской Церкви», заслужившее весьма лестный отзыв рецензента проф. И. Е. Троицкого. Сочинение это, к сожалению, утрачено, по-видимому безвозвратно, но в отзыве проф. И. Е. Троицкого⁴ сохранились выводы, к которым пришел в своем исследовании И. П. Соколов. Приводим их полностью:

1) Факт рукоположения архиепископа Кентерберийского Паркера 17 декабря 1559 года исторически засвидетельствован удовлетворительно.

2) Отвергать факт рукоположения епископа С.-Давидского Барлоу в 1536 году нет достаточных оснований.

3) Историческое преемство англиканской иерархии во время реформации в Англии нарушено не было.

4) Форма, по которой был посвящен Паркер, может быть сама по себе достаточной.

5) Учение Англиканской Церкви о священстве (orders) включает элементы и правые и ложные.

¹ См. Речь Святейшего Патриарха Алексия на пленарном заседании Совещания глав и представителей автокеф. Правосл. Церквей 9 июля 1948 г. — Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания..., том II, 1954, стр. 121.

² Проф. Вертоградов В. С. К решению вопроса об англиканской иерархии. Москва, 1948.

³ Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи... т. II, 1954, стр. 121.

⁴ Журналы совета СПб. дух. академии за 1893/94 учебный год, стр. 239—241.

6) Нельзя утверждать, что посвящение Паркера было одной формальностью.

7) Вопрос о действительности англиканских посвящений, начиная с Паркера, подлежит обсуждению Вселенской Церкви.

Хотя сам И. П. Соколов писал впоследствии¹, что «в 1897 году вышло у нас первое специальное исследование об англиканской иерархии, принадлежащее лучшему у нас знатоку англиканства, профессору Московской духовной академии В. А. Соколову», однако вряд ли мы сделаем ошибку, если припишем приоритет в этом деле Соколову И. П. Более всего укрепляет нас в таком мнении то соображение, что И. П. Соколов писал свое сочинение еще прежде появления на свет известной книги Denny E. et Lacey T. A. «*De hierarchia anglicana dissertatio apologetica*». Londini, 1895, содержащей в себе много ценнейших исторических сведений и документов,— книги, которой уже мог воспользоваться и действительно весьма широко пользовался проф. Соколов В. А.²

На протяжении 1896—97 гг. в «Богословском Вестнике» печаталось частями, а в 1897 г. вышло отдельным изданием исследование В. А. Соколова «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви». Выводы автора, в общем, напоминают выводы Соколова И. П., но сделаны слишком смело, вследствие чего и подвергались довольно суровой критике в целом ряде журнальных статей. Приводим их текст:

1) Исторический факт апостольского преемства в Англиканской Церкви можно признать доказанным, ибо и рукоположение архиепископа Паркера не подлежит сомнению и возражения против совершителей этого рукоположения не выдерживают критики.

2) Англиканский чин посвящения удовлетворяет требованиям Православной Церкви, а потому преподаанные и преподаваемые по этому чину рукоположения могут быть признаны действительными.

3) Несомненные догматические заблуждения Англиканской Церкви таковы, что не уничтожают безусловно благодатную силу рукоположений, а потому, по усмотрению Православной Церкви, эти рукоположения могут быть признаны действительными.

4) Единственным, по существу, препятствием к такому признанию служит лишь недостаточно выясненное в англиканстве учение о таинствах, и это препятствие может быть устранено только благоприятным заявлением самой Англиканской Церкви.

В. А. Соколов добавляет к этим выводам следующее важное заключение:

«Что же тогда? Что если Англиканская Церковь действительно соборным определением заявит свою правую веру в учении о таинствах? Должен ли православный человек преклонить тогда главу пред англиканским иерархом и благоговейно принять его благословение, как несомненного носителя Божественной благодати? — Нет... Англиканская иерархия может получить признание со стороны Православной Церкви лишь в таком случае, если между Православной и Англиканской Церквами установится предварительно единение веры. По установлении такого вожделенного единения, признание действительности англиканской иерархии, как не представляющей по существу своему никаких к тому препятствий, будет зависеть единственно от усмотрения Святой Православной Церкви. Ежедневно возносит она к Престолу Всевышнего свои молитвы «о мире всего мира, благостоянии Святых Божиих

¹ Соколов И. П. О действительности англиканской иерархии. СПб., 1913, стр. 25.

² Свящ. Попов Н. Г. Разбор книги г. Соколова «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви». Москва, 1900, стр. 5—6, 29 и др. Ср. Чистяков С. Единственный путь к единению Англиканской Епископальной Церкви с Православной. «Духовнополезное чтение», 1898, сент., стр. 171—172.

Церквей и соединении всех», а потому «ради мира и пользы Церкви», «к очевидной пользе душ братий», для «споспешествования католическому соединению» и «дабы не было поставляемо ему никакия преграды», без сомнения соделает все возможное, чтобы еще раз проявить великую силу своей любви»¹.

Важное для науки значение имеют помещенные в журнале «Странник» две статьи И. П. Соколова, содержащие в себе ценные критические замечания относительно труда В. А. Соколова «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви»².

И. П. Соколов останавливает свое внимание на следующем утверждении В. А. Соколова: «С одной стороны,— книга общих молитв в своем чине посвящения приписывает рукоположению все признаки таинства, а с другой — член веры заявляет, что священство таинством считать не должно»³. «Мы думаем,— пишет И. П. Соколов,— что между книгой посвящения и XXV членом веры нет такого противоречия в учении о священстве, как представляет автор. Автор слишком неточно выражается, утверждая, что книга посвящения придает священству все признаки таинства (стр. 252, 254, 258, 262, 263). Книга посвящения не придает священству первого же из трех указываемых автором (стр. 252) признаков таинства, именно «божественного установления». Она упоминает об установлении Богом «различных степеней служителей Его Церкви», т. е. о божественном установлении иерархии, и вообще ничего не говорит о божественном установлении таинства священства. Полагаем, что это не одно и то же. Божественное установление церковного служения со всей решительностью признают и протестанты, как лютеране, так и реформаты, что не препятствует им, однако, отвергать таинство священства»⁴.

В главе XI своего исследования, посвященной рассмотрению учения Англиканской Церкви о таинстве священства, В. А. Соколов пришел к следующему заключению:

«В существующих доселе вероизложениях (Англиканской Церкви) есть, как мы видели, некоторое несоответствие, и вообще учение об этом предмете изложено в них так неясно, что, с православной точки зрения, оставляет место сомнению. Если Англиканская Церковь желает устранить это сомнение, то пусть она благоволит привести свои вероизложения в полное согласие и выяснить свое учение о священстве и таинствах вообще... Англиканские богословы уверяют, что их Церковь, выставляя свое учение о двух таинствах, имеет в виду лишь выразить ту мысль, что именно эти таинства имеют преимущественную важность и видимый знак, установленный Самим Христом Спасителем; но вместе с тем она всегда признавала и признает, что и остальные пять суть также таинства, хотя имеющие меньшую важность, но необходимо сообщающие Божественную благодать. Если такое уверение соответствует действительности, то Англиканская Церковь на своем соборе имеет полную возможность, если, конечно, пожелает, заявить, что она всегда так веровала и теперь так верует и исповедует в слух всех. Подобным заявлением было бы устранено самое главное препятствие к признанию действительности англиканской иерархии с православной точки зрения»⁵.

¹ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, Сергиев посад, 1897, стр. 361—362.

² «Странник», 1898, ноябрь. Новые книги. «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви», проф. В. А. Соколова — Заметка И. Соколова (стр. 569—588). «Странник», 1899, апр., стр. 763—776, май, стр. 177—194. И. Соколов. В ответ на статью проф. В. А. Соколова в «Богословском вестнике».

³ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 254.

⁴ «Странник», 1898, ноябрь, стр. 581; ср. 1899, май, стр. 186—194.

⁵ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 266, 269.

И. П. Соколов не согласен с таким мнением В. А. Соколова. «Что бы ни говорили позднейшие англиканские богословы,— говорит он,— в признаваемых Англиканской Церковью вероизложениях учение о священстве обстоит так, что все основания за то, чтобы книгу посвящения толковать XXV членом, а не наоборот. Во всяком же случае учение о том, что священство не есть истинное таинство, настолько твердо и решительно выражено в содержании XXV члена, что даже и при обратном толковании его трудно приблизить к истинному учению о священстве. Поэтому и «заявление» Англиканской Церкви (стр. 269) потребовалось бы, по нашему мнению, не в смысле разъяснения «несоответствия» или «противоречия», которое здесь очень сомнительно, а в смысле отречения от ясного, но ложного, учения XXV члена о таинствах и замены его новым, истинным... Но если бы даже и такое заявление было сделано, суду Церкви подлежал бы еще вопрос, не слишком ли поздно оно сделано; с прекращением в английской церкви веры в таинственную силу рукоположения «не пресеклось ли уже, по выражению митр. Филарета, внутреннее действие сего рукоположения?»¹.

И. П. Соколов указывает, что повреждение англиканами учения о священстве не исчерпывается отрицанием таинственно-благодатного характера хиротоний. Не признавая священство таинством, Англиканская Церковь отказывается, в то же время, мыслить о священнике, как о лице, имеющем полномочие освящать и приносить в жертву Тело и Кровь Христовы. Между тем В. А. Соколов в сущности «оставил без рассмотрения» вопрос о верованиях Англиканской Церкви касательно власти освящать и приносить бескровную Жертву. Характерно, что, упомянув об отрицании XXVIII и XXXI членами англиканского вероизложения *transsubstantiatio* и *sacrificium propitiatorium super altare* (стр. 352—353), В. А. Соколов явно недооценивает значение этих заблуждений, помещая их под рубрикой «некоторых заблуждений относительно таинства евхаристии» (стр. 358) и ставя приблизительно на один уровень с заблуждением энкратитов, «допускавших крупную неправильность при совершении Евхаристии (на воде) и, тем не менее, принимавшихся иногда в церковное общение с сохранением их сана». И. П. Соколов, возражая автору «Иерархии Англиканской Епископальной Церкви», утверждает, что долг всякого православного исследователя, рассматривающего англиканское учение о священстве,— четко ответить на вопрос: «когда Англиканская Церковь неправильно учит об Евхаристии, то совершенно ли искажает истинное священство, или только повреждает его?» С своей стороны И. П. Соколов делает попытку показать, что Православная Церковь, хотя и не сводит, подобно католикам, существо священства к жертвоприношению, однако всегда признавала и признает существенную связь между жертвой и священством².

Результаты своих двадцатилетних размышлений и исследований вопроса об англиканском священстве И. П. Соколов изложил в реферате, читанном им в «Обществе ревнителей сближения Англиканской Церкви с Православной» 24 апреля 1912 года³.

«Православная богословская мысль, рассматривая препятствия к признанию англиканской иерархии действительной, останавливается преимущественно на неправильном учении Англиканской Церкви о священстве, как таинстве. Можно сказать, что главное возражение с православной стороны против англиканской иерархии направлено именно

¹ «Странник», 1898, ноябрь, стр. 583, 588.

² «Странник», 1899, май, стр. 181—185.

³ Проф. И. П. Соколов. О действительности англиканской иерархии. СПб., 1913.

на это учение... Что касается учения Англиканской Церкви о посвящении в иерархические степени, то большинство православных авторов утверждает, что Англиканская Церковь не признает священство таинством, и что поэтому ее рукоположения по меньшей мере сомнительны, и лишь очень немногие держатся того мнения, что учение Англиканской Церкви в данном пункте не вполне определено и несколько противоречиво, и потому для отрицательного приговора над англиканской иерархией не имеется твердого основания...» И. П. Соколов считает необходимым признать, что «какой бы смысл ни влагали в XXV член англиканские комментаторы, по прямому своему и буквальному смыслу этот член содержит учение о пяти таинствах, не отличающееся существенно от общепротестантского, т. е. не придает этим таинствам достоинства таинств в собственном смысле»... Далее:

«Из учения Англиканской Церкви об Евхаристии и евхаристической Жертве и для учения этой Церкви о священстве получается то следствие, что содержание священной власти не мыслится там заключающим в себе полномочие освящать и приносить в жертву Тело и Кровь Христовы в собственном смысле, а разве лишь полномочие приносить такую жертву, какая возможна без действительного присутствия Тела и Крови Христовых на жертвеннике, т. е. жертву хвалы и благодарения или жертву воспоминания о крестной смерти Господа».

«Таким образом, в своих официальных вероизложениях Англиканская Церковь не признаёт священство таинством и не учит о приношении на Евхаристии истинной умиловительной Жертвы. Оба эти отклонения (от православного учения) при всей недоговоренности в изложении засвидетельствованы настолько достаточно, что поддерживать принятую у нас формулу ответа на вопрос об англиканской иерархии, т. е. ту, что учение Англиканской Церкви о священстве неопределенно, и потому решение вопроса зависит от того, как выскажется окончательно Англиканская Церковь, по моему мнению, было бы трудно. Вопрос об англиканской иерархии есть вопрос о том, какие следствия должны были иметь эти заблуждения для действительности посвящений этой Церкви; другими словами, о том, совместимо ли с ними сохранение в англиканском исповедании подлинного иерархического строя в том смысле, в каком его вообще можно допускать за пределами Православной Церкви...»

«Указанные догматические заблуждения Англиканской Церкви, касающиеся священства, являются, вообще говоря, очень серьезными и делают действительность англиканской иерархии сомнительной».

Заметив далее, что «решение вопроса может принадлежать, разумеется, только Церкви», И. П. Соколов высказывает несколько соображений, которые, по его мнению, «оставляют некоторую возможность думать, что указанные неправо учения Англиканской Церкви касательно священства не уничтожают совершенно таинство священства в этой Церкви и не исключают безусловно возможности признания англиканских посвящений действительными».

«Англиканская Церковь, не уча о действительном присутствии Тела и Крови Христовых в Евхаристии и ослабляя тем содержание и силу евхаристической Жертвы, повреждает учение об очень существенной части власти священства, но все же только о части, и (есть основание думать), что это повреждение не означает еще безусловно полного уничтожения священной власти. В учении Англиканской Церкви о священстве, как богоустановленном служении, и в ясно преподаваемой при поставлении в пресвитера власти отпускать и удерживать грехи, проповедовать слово Божие и совершать таинства можно усматривать такие условия, которые оставляют некоторую возможность сохранения в Англиканской Церкви иерархического строя и при указанном отклонении от истины в понимании содержания священной власти».

«Лишение священства его прежнего положения, как особого установленного Богом средства освящения, без сомнения, означает умаление его достоинства, так как священство теперь низводится на степень лишь вспомогательного обряда поставления служителей, состоящих при таинствах. Однако новое учение о священстве не отразилось так сильно, как можно было ожидать, на внутреннем содержании обряда посвящения в англиканстве. Епископальный строй, удержанный в Англиканской Церкви, и, может быть, в связи с этим большое уважение к иерархии вообще предохранили лишенное сакраментального характера священнодействие от полного превращения в простую обрядовую церемонию. Англиканская Церковь видит в посвящении нечто большее, чем простой обряд. В молитвах и формулах англиканского чина посвящения предполагается и прямо выражается дарование посвящаемому благодати или Св. Духа... По внутреннему своему содержанию, с каким оно является в англиканском чине посвящения, священство занимает, можно сказать, некоторое среднее положение между таинством и обрядом. В протестантскую схему вдвинут обряд, довольно близкий в некоторых отношениях по содержанию к православному и римско-католическому. Эти-то сохранившиеся в чинопоследованиях посвящения черты правильного понимания священства, свидетельствующие о том, что Англиканская Церковь и после своего уклонения к протестантским верованиям хотела продолжать у себя чрез преемственное епископское рукоположение священство, как благодатное служение, обладающее властью отпускать и удерживать грехи и совершать таинства, в связи с засвидетельствованным с достаточной достоверностью фактом сохранения внешнего преемства рукоположения, и могут подавать некоторую надежду на то, что заблуждениями Англиканской Церкви касательно таинства священства, сколь ни существенно повреждают они истинное учение об этом таинстве, не уничтожены совершенно все условия для сохранения в ней действительного иерархического строя, и что если бы Церковь Православная признала за благо применить к англиканской иерархии снисхождение (*oikonomia*), она могла бы найти по крайней мере некоторые точки опоры для благоприятного приговора о действительности этой иерархии»¹.

Проф. А. И. Булгакову принадлежат две работы, касающиеся вопроса о действительности англиканской иерархии: первая относится к 1898 году («К вопросу об англиканской иерархии». Труды Киевской дух. академии, 1898, № 8), вторая — к 1906 году («О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви». Вып. 1. Киев, 1906)². Кроме того, им составлена статья «Иерархия англиканская» в Православной Богословской Энциклопедии, т. VI (составл. под ред. проф. Н. Н. Глубоковского. СПб., 1905).

Большое значение А. И. Булгаков придает выяснению вопроса: «Верует ли англиканство в священство, в древнецерковном смысле этого слова, и признает ли оно необходимым существование в Церкви Христовой — кроме священства всех христиан («священства духовного», — по выражению «Православного Исповедания»³) — еще священства иерархического («священства таинственного» — по выражению «Православного Исповедания»)»⁴. При этом он имеет в виду не столько официальные вероизложения Англиканской Церкви, сколько фактические верования англикан, особенно высокоцерковного направления. По-видимому, А. И. Булгаков намеревался обстоятельнейшим образом сопоставить древнецерковное учение о священстве со взглядами и ве-

¹ Соколов И. П. О действительности англиканской иерархии, СПб., 1913, стр. 32—48.

² Сочинение не закончено, вышел только первый выпуск.

³ Отв. на вопр. 108.

⁴ Православная Богословская Энциклопедия, т. VI, стр. 267.

рованиями англикан на всем протяжении послереформационного периода, но, к сожалению, труд его остался незаконченным.

Мы уже упомянули о том, что А. И. Булгаков более других исследователей уделил вниманию канонической стороне вопроса об англиканских хиротониях. Вывод, к которому он пришел, сводится в основном к следующему утверждению:

«С точки зрения канонов Древней Церкви иерархия англикан, поскольку она ведет свое начало от У. Барлоу, Д. Годжинса, Д. Скори и М. Ковердаля, должна быть признана незаконной, хотя в этом деле есть данные и для того, чтобы такой приговор над ней был не только смягчен, но даже и совсем отменен»¹.

Следует отметить, что в освещении догматической стороны вопроса А. И. Булгаков обнаруживает некоторые колебания и иногда впадает в противоречие с самим собой. Так, например, в статье «Иерархия англиканская» (Православная Богословская Энциклопедия, т. VI, стр. 266)² он пишет: «Отрицая священно-таинственный характер рукоположений на служение в Церкви, вероизложение англикан (XXXIX членов) дает основание видеть в англиканской иерархии не древне-вселенское священство или жертвоприносящее служение, а простое служение, подобное другим служениям в человеческой общественной жизни: иерархия не представляется собственно учреждением божественным (*de jure divino*), необходимым для церковной жизни. Не является она такой и с точки зрения книги рукоположений англиканских». Уже в следующем (1906) году в своем главном труде, посвященном вопросу об англиканском священстве, А. И. Булгаков утверждает нечто совсем иное: «Из чинопоследований рукоположения англикан в разные степени служения в Церкви видно, что они склонны признать за этими действиями священно-таинственный характер, а самые служения рассматривать, как служения, имеющие происхождение от Бога, или от Иисуса Христа» (О законности и действительности... Киев, 1906, стр. 25).

По меньшей мере неосторожно следующее утверждение А. И. Булгакова: «Рукополагавшие М. Паркера, среди которых один был рукоположен по чину Римско-Католической Церкви, были сами рукоположены с целью (намерением) передачи им благодати священства, и Паркера рукоположили с намерением сообщить ему сей дар благодати»³. Хорошо известно, что Кранмер (рукоположивший Скори и Ковердаля) и Барлоу (рукоположивший Паркера) «не верили благодати епископства» (митр. Филарет)⁴.

В 20-х годах текущего столетия вопрос об англиканском священстве приобрел особую остроту в силу того, что за рубежом отдельные автокефальные православные церкви одна за другой стали делать официальные заявления по поводу признания ими действительности англиканских хиротоний.

В 1922 году Константинопольский патриарх Мелетий IV Метаксакис, вместе со своим синодом, счел возможным признать действительность англиканских рукоположений наравне с рукоположениями, совершаемыми в церквях римской, старокатолической и армянской. Об этом решении он поставил в известность архиепископа Кентерберийского д-ра Рэндала Дэвидсона своим письмом от 22 июля 1922 года (см. Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Пра-

¹ Проф. Булгаков А. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви. Вып. 1. Киев, 1906, стр. 18—19.

² О принадлежности этой статьи А. Булгакову см. Соколов И. П. О действительности англиканской иерархии. СПб., 1913, стр. 27, подстрочн. примеч. 1-е.

³ Булгаков А. К вопросу об англиканской иерархии. «Т.К.Д.А.». 1898, № 8, стр. 33.

⁴ См. «Странник», 1899, май, стр. 177—178 (ст. И. П. Соколова).

вославных Церквей... Москва, 1949. Том I, стр. 309—310). Решение это сопровождалось, впрочем, оговоркой о необходимости согласия с ним остальных православных церквей (стр. 317—318).

В 1923 году последовали аналогичные заявления Иерусалимского патриарха Дамиана, Кипрского архиепископа Кирилла (стр. 317), а вскоре затем — предстоятелей Греческой и Сербской Церквей (том II, стр. 251).

В 1930 году действительность англиканской иерархии признала Церковь Александрийская, возглавлявшаяся в то время бывшим Константинопольским патриархом, упомянутым уже Мелетием Метаксакисом (том I, стр. 317).

Наконец, в пользу признания англиканских хиротоний высказалась в 1936 году и Церковь Румынская, хотя признание это и было объявлено условным (том I, стр. 317; том II, стр. 239—240, 276).

В то время, когда происходили эти сепаратные действия, на страже интересов вселенского Православия стоял приснопамятный Патриарх (тогда — патриарший Местоблюститель) Сергей (Страгородский). Мудрая осторожность и тактичность этого выдающегося первоиерарха Русской Православной Церкви, в сочетании с глубокой ученостью, а также авторитет, которым он пользовался во всем православном мире, позволили ему верно наметить и уверенной рукой осуществлять твердый и весьма успешный — как это показало будущее — курс в области междуцерковных отношений, курс на укрепление подлинного церковного единства, основанного на началах строжайшей верности Православию. В частности по отношению к Церквам, допустившим упомянутые сепаратные действия и заявившим о своем признании, хотя и условном, действительности англиканских хиротоний, Патриарх Сергей нашел себя вынужденным занять твердую позицию. Он отклонил запоздалое приглашение к участию в обсуждении этого вопроса, ответив в том смысле, что «вопрос этот имеет не местный интерес, а затрагивает самую нашу веру, наше общецерковное достоинство, вверенное единству всех православных автокефальных церквей» (Ответ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии — от 30 сентября 1931 года. «Ж.М.П.», 1932, № 7—8, стр. 6). Коснувшись здесь же проблемы соединения церквей, он подчеркнул, что вопрос этот «требуется величайшей осмотрительности. Действительную ценность имеет лишь то соединение, которое поконится на полном единстве упования» (там же, стр. 6—7).

В своей статье «Значение апостольского преемства в инославии» (Ж.М.П., 1935, № 23—24) Патриарх Сергей затронул многие важные стороны проблемы взаимоотношений Православия с Англиканством. «Церковь понимает под апостольским преемством, несомненно, не одну внешнюю, механическую передачу самого акта рукоположения, но и веру, соединяемую с этим актом, т. е. сохранность в данном обществе апостольского учения о благодати священства» (стр. 5).

В противовес унионистским идеям англикан Патриарх Сергей подчеркивал необходимость глубочайшего единства веры, служащего единственной подлинной основой законного общения в таинствах. «Церковь — не сумма разных по достоинству и разьединенных по жизни частей, а единое монолитное общество, связываемое единой Евхаристией. Вне этого общества — лишь церковные осколки, не имеющие самостоятельного значения» (стр. 10).

Важно отметить, что Патриарх Сергей, будучи одним из выдающихся ученых-канонистов¹, находит возможным указать очень суще-

¹ Еп. Гурий (Егоров). Патриарх Сергей как богослов. — «Патриарх Сергей и его духовное наследство». Москва, 1947, стр. 100.

ственное смягчающее обстоятельство, которое должно учитываться при рассмотрении канонической стороны вопроса о действительности англиканских хиротоний. «Англиканство отложилось от Рима, когда он сам представлял собой раскол. Его отложение было в сущности выходом из раскола, хотя и не увенчавшимся доселе воссоединением с Церковью. Англикан упрекать нужно не за отложение, а скорее за то, что они так долго не отлагались» (стр. 7).

Очень интересно также следующее высказывание Патр. Сергия: «Если бы пресловутое сближение Англиканской Церкви с Православной шло своим нормальным, церковным путем; если бы англикане, как общество, действительно болели исканием истинной Церкви и богатного священства; если бы их искания по временам не путала мысль: добиться прежде всего признания их иерархии (которую в свое время так грубо осудил римский папа), чтобы, в случае чего, спокойно оставаться при всем своем,—то воссоединение англикан с Православной Церковью очень могло состояться и вопрос об иерархии, вероятно, был бы разрешен в положительном смысле» (стр. 7).

Чрезвычайно ценной по содержанию является также статья Патриарха Сергия под заглавием «Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее обществам» (см. «Ж. М. П.», 1931, №№ 2, 3, 4 или «One Church», 1955, №№ 1, 2). В ней дано блестящее догматико-каноническое освещение вопроса о том, как могут существовать в инославных обществах некоторые «действительные» таинства, составляющие неотъемлемое достояние одной лишь истинной Христовой Церкви.

Преемнику Патриарха Сергия ныне благополучно здравствующему Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, как инициатору, почетному председателю и участнику первого Всеправославного Собрания глав и представителей автокефальных православных Церквей, состоявшегося в Москве в 1948 году, предназначено было Промыслом Божиим оказать важную услугу Православию в деле «утверждения и благовествования мира, любви и согласия» в среде «православных церквей мира» при разрешении ряда важнейших вопросов, «вставших пред лицом Православной Церкви во всей своей значительности и остроте»¹. В повестке дня Собрания стоял и вопрос об отношении Православной Церкви к англиканским хиротониям.

«Все мы,—говорил в своей речи перед открытием Собрания Святейший Патриарх Алексей,—имеем братские отношения с Английской Церковью. Всего лишь год назад Русская Православная Церковь получила от Его Милости Архиепископа Кентерберийского послание с просьбой о рассмотрении нашей Церковью вопроса о признании действительности хиротоний Английской Церкви. При этом послание сообщало, что таковые уже признаны, каждым в отдельности, православными патриархами: Константинопольским, Александрийским, Иерусалимским, Румынским. Позже мы узнали о частно оформленном признании английских хиротоний и Болгарской Православной Церковью. Располагая лишь краткими материалами относительно признания, мы не увидели в них догматических, канонических и церковно-исторических доводов в пользу признания. Ввиду такой сложности вопроса и отсутствия оформленного единства в понимании его всей совокупностью поместных православных церквей, мы решили, в целях соблюдения должного уважения к собрату нашему о Христе, Архиепископу Кентерберийскому, просить об общем святительском богомудром братском едином решении»².

Собрание внимательно рассмотрело доводы, которые приводились в докладах и прениях, как в пользу признания действительности англи-

¹ Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания..., т. II, 1954, стр. 119—120.

² Там же, стр. 121.

канских хиротоний, так и против такого признания. Защитниками признания выступили представители Румынской Православной Церкви (епископ Бузеуский Антим, проф.-протоиерей П. Винтилеску). Они утверждали, что «с канонической точки зрения рукоположение Паркера вполне соответствовало историческому или фактическому принципу апостольского непрерывного преемства»¹, что «рукополагатель Паркера был епископ, и этого вполне достаточно»², что «Ординал Эдуарда VI сохранил два существенных момента в чине рукоположения, а именно: возложение рук и молитву о призвании Св. Духа», а потому «действительность англиканского рукоположения не может быть оспариваема и с точки зрения внешней формы»³.

«При рассмотрении канонической стороны вопроса о посвящении,—говорил епископ Антим,—надо иметь в виду, что существуют каноны догматические и дисциплинарные. Догматические каноны были соблюдены, дисциплинарные же не были соблюдены, но это не нарушает действительности посвящения»⁴. В докладе прот. Винтилеску было сказано: «Оставляя в стороне все замечания, касающиеся некоторых формальных недочетов (!?) (как, например, что ни один из четырех епископов, совершавших рукоположение, не имел в то время канонической юрисдикции), которые, впрочем, оправдываются тем обстоятельством, что Англиканская Церковь образовалась, выйдя из лона схизматической церкви, действительность англиканских рукоположений не может подвергаться сомнениям с канонической точки зрения»⁵.

Румынская делегация особенно подчеркивала то обстоятельство, что «Англиканская Церковь достаточно доказала, что она неудержимо стремится к духовным сокровищам Православной Церкви» и сделала «смелые и решительные шаги в области православной догматики, представляющие нам картину распростертых объятий, перед чем мы не можем оставаться безразличными и равнодушными и тем более пренебрежительно отвращаться от них»⁶.

По мнению румынской делегации, хотя «Англиканская Церковь несет на себе печать протестантизма» и «положение ее в плане догматическом запутано и исполнено противоречий по отношению к положениям веры, преданиям и концепции Православной Церкви»⁷, однако, учитывая затруднительность положения Англиканской Церкви (главенство короля, обязанного приносить присягу о соблюдении XXXIX Членов, сильное противодействие евангеликов и модернистов, т. е. Low—Broad—Church Parties) и практическую невозможность для нее в скором времени официально изменить свое вероучение в духе приближения к Православию,—«можно прибегнуть к принципу церковной икономии всякий раз, когда англиканские клирики пожелали бы войти в лоно Православной Церкви, в ряды ее служителей»⁸.

Предлагая стать на ту точку зрения, что «англиканские хиротонии могут рассматриваться по уподоблению с хиротонией в церкви латинской и в инославных церквях Востока»⁹, румынская делегация призвала Московское Собрание «рекомендовать этот путь всем Автокефальным Церквям для того, чтобы таковые дали свое согласие на разрешение этого вопроса в таком духе, сообщив о выраженном согласии со стороны их Синодов Вселенской Константинопольской Патриархии, которая в свою очередь доведет ее до сведения Англиканской Церкви,

¹ Деяния Собрания глав и представителей..., т. I, стр. 322—323.

² Деяния..., т. II, стр. 238.

³ Деяния..., т. I, стр. 323.

⁴ Деяния..., т. II, стр. 239.

⁵ Деяния..., т. I, стр. 323.

⁶ Там же, стр. 333—334.

⁷ Деяния..., т. II, стр. 279—280.

⁸ Деяния..., т. I, стр. 335—337, т. II, стр. 281.

⁹ Деяния..., т. II, стр. 240.

как единодушный ответ всей Православной Церкви по вопросу о действительности англиканских рукоположений»¹.

Совещание не нашло возможным согласиться с мнением румынской делегации (совпавшим в общих чертах с позицией тех иерархов и богословов, которые участвовали в сепаратных сношениях с англиканами в 20—30-х годах текущего столетия) и не стало на предложенный этой делегацией путь. Опираясь на выводы православной, и в особенности православной русской, богословской науки, действуя в духе христианской любви и искреннего братолюбия, но в то же время сознавая всю ответственность за сохранение неповрежденной чистоты Православия, оно единодушно приняло следующую резолюцию, которую и следует считать последним словом Православной, в частности Русской Православной, Церкви по вопросу об англиканском священстве:

Резолюция по вопросу «Об англиканской иерархии»

Заслушав доклады «Об англиканской иерархии», Совещание Предстоятелей и Представителей Православных Автокефальных Церквей с чувством христианского расположения и братской любви к англиканским христианам в их исканиях пути к признанию действительности англиканской иерархии постановляет:

1. Вероучение, содержащееся в «39 членах» Англиканской Церкви, резко отличается от догматов, вероучения и предания, исповедуемых Православной Церковью; а между тем, решение вопроса о признании действительности англиканской иерархии должно, прежде всего, иметь в своей основе согласованное с Православием учение о таинствах. Частные выражения согласия англиканской иерархии на изменение учения этих «членов» о таинствах в сторону приближения к Православию не могут служить основой для решения вопроса в положительном смысле. Поэтому, если Православная Церковь не может согласиться на признание правильности англиканского учения о таинствах вообще и о таинстве священства в частности, то она не может признать действительными и произведенные англиканские хиротонии. Если Церкви Константинопольская, Иерусалимская, Кипрская, Румынская и другие Автокефальные Церкви дали свой положительный отзыв о признании действительности англиканских хиротоний, то мы имеем сведения, что это признание было условно.

2. Вопрос о признании действительности англиканской иерархии может быть рассматриваем только в связи с вопросом о единстве веры и исповедания в Православной Церкви, при наличии авторитетного об этом акта Англиканской Церкви, исходящего от собора, или съезда священнослужителей англиканского вероисповедания, с последующим утверждением его Главой Англиканской Церкви, какового акта пока не имеется. В связи с этим мы выражаем пожелание, чтобы Англиканская Церковь изменила свое вероучение с точки зрения догматической, канонической и экклезиологической и в особенности свое подлинное понимание святых таинств и более специально — таинства хиротонии.

3. Со всем вниманием и симпатией относясь к современному нам движению среди многих представителей англиканства, направленному к восстановлению связей и общения верующих Англиканской Церкви с Вселенской Церковью, мы определяем, что современная англиканская иерархия может получить от Православной Церкви признание благодатности ее священства, если между Православной и Англиканской Церквами установится формально выраженное (как сказано выше) единство веры и исповедания. При установлении такого вожде-

¹ Деяния..., т. I, стр. 340—341.

ленного единства признание действительности англиканских хиротоний может быть осуществлено по принципу Икономии, единственно авторитетным для нас соборным решением всей Святой Православной Церкви.

Мы молимся о том, чтобы сие, по неизреченной милости Божией, совершилось и чтобы Господь даровал духа любви и благоволения, подвигающего на благие труды во славу Его Святой Церкви.

Глава II

Вопрос о непрерывности преемства епископского рукоположения в Англиканской Церкви

В настоящей главе вопрос об иерархическом преемстве в Англиканской Церкви будет выясняться исключительно с внешней стороны, то есть с точки зрения установления простого исторического факта: получили ли епископы — родоначальники новой англиканской иерархии, возникшей в период реформации и существующей доныне, рукоположение от епископов римско-католических?

Положительное решение этого вопроса, само собой разумеется, далеко не достаточно для признания англиканской иерархии «действительной», ибо и при наличии внешне-непрерывного преемства могут иметь место такие нарушения воли или намерения Церкви, которые лишают это преемство всякого значения. Преемство, — говорит св. Григорий Богослов, — надо понимать преимущественно как преемство в благочестии, а не в занятии кафедры, «ибо единомыслие делает и единопрестольными, разномыслие же разнопрестольными; одно преемство бывает по имени только, а другое самым делом»¹.

Отрицательное же решение вопроса о внешнем преемстве сделало бы беспредметным и ненужным всякое дальнейшее исследование о значимости и достоинстве англиканского священства, ибо, как бы ни был снисходителен суд Церкви, он, однако, не может признать «действительной» такую иерархию, которая никогда не получала божественной благодати священства.

«С пресечением рукоположения пресекается ток иерархической благодати, и фука, не орошенная благодатию свыше, не может передать другим того, чего сама не приняла»².

§ 1. Рукоположение М. Паркера

В эпоху первого парламента королевы Елизаветы (который начал свои заседания 25 января 1559 года), из общего числа 27 епархий в Англии лишь 16 имели правящих епископов; остальные 11 кафедр были вакантны, главным образом, по причине скоропостижной кончины епископов, последовавшей во время эпидемии, охватившей страну в год смерти королевы Марии (1558 г.).

Начиная дело восстановления реформированной при Генрихе VIII († 1547) и Эдуарде VI (1547—1553) Английской Церкви, упомянутый парламент первым же своим статутом обязал всех должностных лиц королевства, в том числе и духовенство, принести над св. евангелием так называемую «супрематическую» присягу (Oath of Supremacy), т. е. клятвенно отречься от признания какой бы то ни было чужеземной церковной власти (имелась в виду власть римского папы) и признать ко-

¹ Св. Григорий Богослов. Слово 21-е, похвальное, Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому (Творения, в русском перев., ч. 2-я, Москва, 1889, стр. 148).

² Филарет, митрополит Московский. О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви. — «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 86.

ролеву единственной верховной правительницей государства и Церкви. Из 16 наличных правящих католических епископов лишь один или два согласились подчиниться новому порядку, остальные же, во главе с Гитом, архиепископом Йоркским, и Боннером, епископом Лондонским, были объявлены низложенными. По данным Денни и Ласи, после октября 1559 года продолжали занимать свои кафедры только: Китчин, еп. Лландафский, и Стэнли, еп. Содор-Мэнский¹. Естественно, что правительство Елизаветы сочло себя вынужденным принять срочные меры для восполнения столь сильно сократившейся в числе иерархии. Королева сама наметила будущего архиепископа Кентерберийского и прimateа всей Англии², в лице д-ра Маттью Паркера (род. 1504 — ум. 1575), и предписала декану и капитулу Кентерберийского собора избрать его на вакантную первенствующую кафедру страны. 9 декабря 1559 года состоялась церемония утверждения избранного, а 17 декабря того же года Паркер принял епископское рукоположение в домовый церкви Ламбетского архиепископского дворца.

Рукополагателями Паркера были 4 лица, которые занимали некогда епископские должности, но были лишены их при королеве Марии (1553—1558), причем причиной низложения было отчасти их брачное состояние³, а отчасти их неправый, с римско-католической точки зрения, образ мыслей⁴. Предстоятельством при хиротонии и был, таким образом, главным совершителем священнодействия Уилльям Барлоу, бывший епископ Бат-Уэльский. В качестве епископов-ассистентов (cooperators) участвовали: Джон Скори, б. Чичестерский, Майльс Ковердал, б. Экзетерский, и Джон Годжкинс, суффраган Бедфордский⁵. Посвящение совершалось по реформированному чину, установленному при Эдуарде VI в 1550 году.

Через несколько дней после своего рукоположения, а именно с 21 декабря 1559 года, архиепископ Паркер уже начал вместе со своими рукополагателями (Барлоу, Скори и Годжкинсом) поставлять новых епископов для вакантных епархий Англии⁶, и, таким образом, иерархия Англиканской Церкви с той поры прочно утвердилась и непрерывно продолжается до настоящего времени.

Все члены новой иерархии, естественно, приняли супрематическую присягу и, тем самым, заявили себя последовательными преемниками казенного в царствование Марии вождя английской реформированной Церкви архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера (1533—1556) и его единомышленников, которые при Генрихе VIII в 1534 году окончательно отделились от союза с Римом, торжественно отреклись от своего прежнего церковного главы — римского папы и создали свою

¹ Denny E. et Lacey T. A. De hierarchia anglicana dissertatio apologetica. Londini, 1895, p. 8.

² Последний католический архиепископ кентерберийский, папский легат, кардинал Реджинальд Поль скончался от злокачественной лихорадки 18 ноября 1558 года.

³ Епископы реформированной Англиканской Церкви, по примеру протестантских суперинтендентов, стали вступать в брак еще во времена Генриха VIII, но официальное дозволение на такие браки было дано лишь при Эдуарде VI — в статутах 1548 и 1551 годов. Соколов В. Реформация в Англии. Москва, 1881, стр. 431 — 433.

⁴ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви. Сергиев посад, 1897, стр. 85.

⁵ Денни и Ласи относят Джона Годжкинса к числу «епископов-суффраганов или коадьюторов, которые охотно приспособились к новым порядкам» при начале царствования Елизаветы, откуда можно заключать, что он исполнял свою должность и во времена Марии. Однако те же авторы приводят свидетельство автора одной анонимной брошюры времен Елизаветы о том, что суффраган Бедфордский был при Марии низложен, подобно Барлоу, Скори и Ковердалю. См. Denny et Lacey, p. 8, 22.

⁶ 21 декабря 1559 года были рукоположены: Гриндэль Лондонский, Кокс Элийский, Мэйрик Бангорский и Сендис Уорчестерский, которые также стали принимать участие в посвящении новых епископов. Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 83.

собственную независимую национальную церковь (Established Anglican Church) ¹ под верховным главенством английского короля ².

§ 2. Достоверность факта посвящения Паркера в Ламбетской капелле по установленному в Английской Церкви чину

В 1604 году иезуит — ирландец Голивуд издал в Антверпене книгу о Церкви, в которой, ссылаясь на показания некоего д-ра Томаса Ниля (капеллана епископа Боннера), утверждал, что первые «лжеепископы» реформированной Англиканской Церкви явились в результате кощунственной церемонии, совершенной над несколькими протестантами монахом Скори, выдававшим себя за епископа, в лондонской гостинице «Лошадиная голова».

Рассказ этот был охотно подхвачен враждебными англиканству католическими писателями, и на протяжении почти двух десятилетий (1604—1618) его с усердием разрабатывали в деталях, так что возникло несколько вариантов этой нелепой легенды. Во многом противореча друг другу, авторы всех этих рассказов имели, однако, очевидную общую цель: через карикатурное изображение церемонии, якобы проделанной монахом — отступником и самозванцем Скори над Паркером и другими кандидатами в «сектантские епископы», — унижить в общем мнении новую, отделившуюся от Рима, иерархию и убедить читателей в ее полной недействительности и ничтожности.

Басня о «Лошадиной голове» до половины XIX века не сходила со страниц полемических сочинений против англиканства, но в настоящее время может считаться уже оставленной, и ни один серьезный католический писатель теперь не решится повторить ее ³. Неизвестно, многие ли легковверные читатели оказались в плену этой недалекой выдумки, зато с несомненностью можно утверждать, что науке она принесла одну лишь пользу, так как побудила защитников англиканской иерархии обыскать многие архивы, в результате чего был собран большой запас доказательств в пользу факта посвящения Паркера в церкви и по установленному чину.

Обстоятельное описание и критическую оценку целого ряда современных событий документов и свидетельств приводит на страницах своей книги «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви» (в главе III) проф. Московской дух. академии В. А. Соколов ⁴. Первое по

¹ Соколов В. Томас Крамер, архиепископ Кентерберийский. — «Православное обозрение», 1882, октябрь, стр. 275—278. Соколов В. Реформация в Англии, стр. 196—197, 205—207.

² Именно этот момент, т. е. отречение клира Англии от всякого повиновения римскому престолу (1534 год), проф. А. С. Павлов принимает за начало бытия реформированной англиканской иерархии, когда говорит, что эта последняя «установлена королем Генрихом VIII, принявшим реформацию» — проф. Павлов А. С. Курс церковного права (посмертное издание редакции «Богословского вестника», выполненное под наблюдением доц. Моск. дух. академии И. М. Громогласова). Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1902, стр. 516.

³ Соколов И. П. О действительности англиканской иерархии. СПб., 1913, стр. 7.

Характерно, что известная булла папы Льва XIII «Apostolicae Curae», объявившая англиканские рукоположения совершенно недействительными и вполне ничтожными, не упомянула об этой легенде ни единым словом. Напротив, в тексте буллы, по-видимому, дается понять, что в настоящее время Римско-Католическая Церковь не придает уже серьезного значения указаниям «на рукоположение Паркера с теми особенностями, которые ему приписывались» прежде. См. Соколов В. Иерархия..., стр. 139.

⁴ Заметим попутно, что книга эта, несмотря на отличающую автора сильную тенденцию идеализировать и «оправославливать» англиканство, по отзыву самых взыскательных критиков, представляет собой весьма ценный труд, вводящий читателей во все тонкости сложного вопроса об англиканской иерархии. См. отзыв свящ. П. Г. Попова об исследовании В. А. Соколова «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви», помещенный в библиографическом отделе журнала «Русский вестник», 1898, сентябрь, стр. 298.

значению место среди таких документов занимает, так называемый, Ламбетский регистр Паркера, т. е. журнал официальных записей архиепископа, в котором на девяти листах, со всеми подробностями, зафиксировано всё, касающееся процедуры избрания, утверждения, посвящения и вступления Паркера на архиепископскую кафедру. Подлинность Ламбетского регистра была доказана английским ученым A. W. Haddan¹. В. А. Соколов, хотя и не имел возможности непосредственно ознакомиться с его трудами, однако все наиболее существенное, что в них содержится по вопросу о рукоположении Паркера, изложил в своей книге, пользуясь монографией Денни и Ласи «*De hierarchia anglicana dissertatio apologetica*».

Совершенно сходное с регистром подробное описание рукоположения Паркера сохранилось и в других, современных событию, манускриптах, из коих один хранится в библиотеке одного из колледжей Кэмбриджского университета, а другой — в государственном архиве. Список Кэмбриджского университета разнится от Ламбетского лишь в мелочах совершенно ничтожного свойства, так что может рассматриваться, как почти копия последнего. Список же государственного архива имеет довольно много отличий от регистра и является, надо полагать, проектом его, который был прислан Паркером на просмотр государственному секретарю, Уильяму Сесилу.

Большой интерес представляет запись современника, некоего Генри Мачина. Это был лондонский горожанин, торговавший сукном и занимавшийся, главным образом, украшениями при погребальных и иных церемониях. С 1550 по 1563 год он вел дневник, в котором записывал то, что ему представлялось наиболее интересным, а именно разные церковные процессии. В записях 1559 года Мачин, между прочим, отмечает: «В 17-й день декабря новый епископ (Кентерберийский), доктор Паркер, был поставлен (*was made*) в Ламбете». Это краткое свидетельство человека, стоявшего совершенно в стороне от спорных церковных вопросов, имеет, конечно, очень существенное значение. тем более, что оно ясно и точно указывает и время и место рукоположения Паркера.

Английский писатель XVII века Мэсон передает ставшее известным ему устное заявление лорда-адмирала Чарльза Гоуарда, сделанное в 1616 году. Опровергая распространенную тогда легенду о гостинице. Гоуард рассказал своим собеседникам, как он сам лично, в молодые годы, присутствовал при рукоположении Паркера в Ламбетской капелле, а затем, в качестве родственника нового архиепископа, был приглашен на обед, состоявшийся после церемонии.

Нельзя пройти молчанием и следующий знаменательный факт. Многие католические писатели 2-й половины XVI века (Гардинг, Стапльтон, Риштон и др.) в своих произведениях выставляли на вид всевозможные доказательства, чтобы убедить своих читателей, что новая англиканская иерархия незаконна и не имеет никакого значения. Однако ни один из них ни разу не сделал ни малейшего намека на то, о чем рассказывала легенда о гостинице. Не очевидно ли отсюда, что эта легенда есть «позднейшее изобретение, шестнадцатому столетию неизвестное и появившееся после рукоположения Паркера лишь почти полвека спустя?»².

¹ Соколов И. Критический отзыв о кн. В. А. Соколова — «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви» — «Странник». 1898, ноябрь, стр. 572.

В деле установления факта посвящения М. Паркера наибольшее значение имеют следующие труды A. W. Haddan'a: его примечания к сочинению I Bramhall'a: *Consecration of Protestant Bishops vindicated* (The Works of I. Bramhall, vol. III. Oxford. 1844) и его собственное сочинение: *Apostolical Succession in the Church of England*. 1869.

² Соколов В. Иерархия..., стр. 34—35.

Один из упомянутых писателей (Стапльтон), между прочим, ясно указывает, по какому чину было совершено посвящение Паркера и других англиканских епископов. «Епископы,— говорит он,— были рукоположены не по акту Генриха, а по акту, установленному во дни короля Эдуарда, отмененному королевой Марией»¹.

На основании изложенного, а также принимая во внимание наличие многих других убедительных свидетельств, можно утверждать, что факт посвящения М. Паркера, совершенного 17 декабря 1559 года четьрьмя рукополагателями (Барлоу, Скори, Ковердалем и Годжкинсом) в Ламбетской капелле по чину, установленному при Эдуарде, является в настоящее время вполне доказанным.

§ 3. *Что известно о рукоположении самих рукоположителей Паркера (т. е. Барлоу, Скори, Ковердала и Годжкинса)*

В 1616 году Чампней обратил общее внимание на отсутствие каких-либо документальных записей относительно епископского рукоположения Уилльяма Барлоу — главного рукоположителя М. Паркера. В регистре архиепископа Кранмера говорится лишь об избрании и утверждении его, сначала епископом С.-Асафским (23 февраля 1536 года), а затем С.-Давидским (21 апреля 1536 года); о рукоположении же его там нет ни слова. Опираясь на это обстоятельство, противники англиканской иерархии стали утверждать, что Барлоу и в самом деле никогда не был рукоположен, ибо не желал подвергать себя церемонии, которую считал совершенно излишней. Эту последнюю свою догадку они имели возможность подкрепить ссылкой на следующие немаловажные факты. 11 января 1537 года² против Барлоу были поданы обвинительные пункты, один из которых состоял в заявлении, будто он в проповеди утверждал, что если король, в качестве верховного главы Англиканской Церкви, изберет и назначит какого-либо ученого мирянина епископом, то избранный таким образом и без всякого поставления (without mention made of any orders) будет епископом, столь же действительным, или даже лучшим, чем он сам и другие епископы Англии³. По другим сведениям, Барлоу около 1536 года открыто проповедовал: «мирянин может епископствовать» (might be a bishop) и «где двое или трое, хотя бы сапожников или ткачей, собрались во имя Божие, там и Церковь Божия»⁴. Что эти доносы не были простым нареканием или клеветой, явствует из собственного заявления Барлоу, сделанного им в комиссии 1540 года, занимавшейся, по повелению Генриха VIII, подготовкой нового общеобязательного изложения веры. На вопрос о том, требуется ли в Новом Завете какое-либо посвящение (consecration) епископа и пресвитера, или достаточно одного назначения (appointing) на должность,— Барлоу ответил, что достаточно одного только назначения⁵. Неудивительно, — заявляли вышеупомянутые противники англиканской иерархии, — что при таких убеждениях Барлоу вовсе не стремился получить епископское рукоположение; скорее он должен был избегать его, как акта, противоречащего его убеждениям. По существовавшим тогда обычаям, лица, избранные на епископскую кафедру и утвержденные в этом избрании, еще прежде их рукоположения пользовались правами по управлению епархией, епископским титулом, и могли распоряжаться материальными средствами епархии; благодаря такому порядку, случалось, что рукоположение отлагалось иногда на очень продолжительное время, а избранный и утвержденный «епископ»

¹ Соколов В. Иерархия..., стр. 49.

² См. «Странник». 1899, апрель, стр. 768.

³ Соколов В. Иерархия..., стр. 56.

⁴ Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603 гг.). Казань, 1894, стр. 159, примечание 1-е.

⁵ Соколов В. Иерархия..., стр. 56.

широко и беспрепятственно пользовался предоставленными ему правами. Что касается архиепископа Кранмера, который в порядке надзора мог напомнить своему подчиненному о необходимости принять посвящение, то с этой стороны Барлоу мог чувствовать себя вполне спокойно. Кранмер, подобно ему, в той же самой комиссии 1540 года заявлял, что «назначаемый быть епископом или пресвитером не нуждается ни в каком посвящении»¹, и, следовательно, зная о желании Барлоу уклониться от рукоположения, охотно шел ему навстречу и не обращал никакого внимания на ненормальное с общецерковной точки зрения явление; таким-то образом, год шел за годом, а С.-Давидский (а затем Бат-Уэльский, и наконец Чичестерский²) епископ продолжал оставаться епископом лишь по имени.

Оценивая силу изложенных нами доводов, приводившихся противниками англиканства в доказательство того, что Барлоу якобы никогда не принимал епископского рукоположения, мы не можем признать их достаточно убедительными.

Конечно, наличие у Кранмера и Барлоу резко отрицательных взглядов на священство (отрицание необходимости рукоположения и неверие в таинственно-благодатное значение акта хиротонии) не только не подлежит сомнению, но и должно рассматриваться как серьезный довод не в пользу признания «действительности» англиканских посвящений, поскольку оба эти епископа принимали самое деятельное участие в организации и восполнении реформированной англиканской иерархии: Кранмер совершил 28 епископских хиротоний, Барлоу — не менее 7³.

Если Кранмер и Барлоу, — писал митр. Филарет, — не верили благодати епископства, «если, рукополагая, сознательно совершали такой незначительный обряд, без которого можно было бы обойтись, следовательно такой обряд, который как своим отсутствием ничего не лишал, так и своим присутствием ничего не преподавал, то можно ли найти здесь продолжение благодатного тока апостольского епископского рукоположения? Не прегражден ли он и пресечен?»⁴.

С крайним легкомыслием подошел к этому вопросу В. А. Соколов, в своем исследовании «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви» отделившийся от него буквально несколькими совершенно неубедительными фразами. «Всего естественнее думать, — говорит он на стр. 65, — что крайние, отрицательные, воззрения на священство, высказывавшиеся Кранмером и Барлоу в комиссии, были у них результатом лишь случайного и кратковременного увлечения. Относительно религиозных воззрений то было, как известно, смутное время, представлявшее на каждом шагу многочисленные примеры быстрых перемен и резких переходов. Нисколько не удивительно, если Кранмер и Барлоу на некоторое время поддались одному из таких увлечений и высказывали такие взгляды, которые им самим ни прежде, ни после того не казались основательными. При более серьезном рассмотрении вопроса эти крайние взгляды, не встретив себе поддержки и в окружающих, были, конечно, оставлены и высказавшие их снова возвратились к тому, что представлялось им справедливым и прежде»⁵.

Приведенное нами место из книги В. А. Соколова заслуженно подверглось уничтожающей критике со стороны Соколова И. П. (впослед-

¹ Соколов В. Иерархия..., стр. 57.

² С.-Асафским епископом Барлоу числился лишь номинально (с 23 февр. по 21 апр. 1536 г.), будучи в это время в командировке, в Шотландии. С.-Давидскую кафедру он занимал с 1536 по 1549 год; в 1549 году переведен на бат-уэльскую кафедру. В 1554 г., спасаясь от преследований Марии, удалился в Германию. Вернулся в Англию в 1559 г. С 1559 г. до смерти († 1568) занимал чичестерскую кафедру.

³ Соколов В. Иерархия..., стр. 66—67.

⁴ О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви. «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 92—93.

⁵ Соколов В. Иерархия..., стр. 65.

ствии профессора Санкт-Петербургской дух. академии). Тщательно исследовав все, что известно науке о взглядах Барлоу, Соколов И. П. самым убедительным образом доказал, что крайние отрицательные воззрения на священство были отнюдь не результатом «случайного и кратковременного увлечения» Барлоу, а, напротив, выражали постоянный образ его мыслей и настроений¹.

Впрочем, отрицательное отношение Кранмера и Барлоу к учению о благодатном характере новозаветного священства нельзя рассматривать как серьезный аргумент в пользу отрицания самого факта епископского посвящения, полученного Барлоу. Хорошо известно, что в Англии времен Генриха VIII существовал прямой государственный закон, в силу которого каждый избранный и назначенный епископ непременно должен был получить посвящение, а виновным в нарушении этого закона определены были строгие кары. В статуте 1533 года² говорилось, что если какой-либо архиепископ или епископ откажется исполнить волю короля и в продолжение 20 дней после получения королевских грамот о назначении кого-либо на епископскую кафедру не посвятит избранного, то он со всеми его пособниками, советниками и подстрекателями подлежит наказанию и карам по статутам «of provisors» 25-го года Эдуарда III и «of praemunire» 16-го года Ричарда II. Кары эти состояли в личном аресте, конфискации имущества и лишении покровительства законов.

При существовании такого закона уклоняться от принятия епископского рукоположения, или потворствовать такому уклонению, значило бы для Барлоу и Кранмера подвергать себя страшной опасности. Противники Кранмера (например, хитрый и осторожный Гардинер, еп. Винчестерский, или кто-нибудь из его сторонников) не замедлили бы воспользоваться столь благоприятным обстоятельством и довести до сведения короля о вопиющем нарушении утвержденного им статута. Столь умный и предусмотрительный человек, как Кранмер, конечно, прекрасно понимал, что малейшая неосторожность с его стороны грозила ему неисчислимыми бедствиями.

Известный историк Häusser говорит о Томасе Кранмере, что это был «прекрасно образованный богослов... осторожный, обходительный человек, по характеру чуждый резких крайностей, но совершенный лютеранин в душе»³. Едва ли не с самого начала своего приматства Кранмер уже строил планы церковных преобразований в духе протестантизма, умножал число своих единомышленников среди духовенства и пытался, насколько мог, проводить протестантские идеи даже и в практику. В то же время он ясно видел, что Генрих VIII, добившись поставленных им целей (расторжения брака с Екатериной Арагонской, отторжения Английской Церкви от Рима и провозглашения себя ее главой), хотел оставаться «католиком» и не имел ни малейшего желания идти по следам континентальной реформации или покровитель-

¹ См. «Странник», 1898, ноябрь, стр. 573—575; 1899, апрель, стр. 768—772; май, стр. 177—179.

² Статут этот, упомянув, что король есть глава Английской Церкви по признанию прелатов и клира (причем об известной оговорке: «quantum per Christi legem licet», сделанной архиеп. Уортемом в 1530 г., не говорилось ни слова), предоставлял ему право замещения по своему усмотрению архиепископских и епископских кафедр Англии. Упомянутые в статуте наказания предназначались, главным образом, для того, чтобы сломить всякую оппозицию со стороны еще довольно сильной римско-католической партии. Однако в любую минуту этот закон мог быть обращен и против упорствующих протестантов. С точки зрения Генриха VIII и паписты и протестанты одинаково были достойны казни, если они не хотели подчиняться установленным законам: паписты, как изменники — за отрицание королевской супрематии, протестанты, как еретики — за уклонение от удержанных в Англии догматов католицизма.

³ Häusser. История реформации. Пер. под редакцией Виктора Михайловского, 1882, стр. 173.

ствовать протестантской «ереси». Естественно, что архиепископ не был в душе искренним поклонником тех церковных порядков, которые угодно было устанавливать его государю. Но так как Генрих VIII всем был хорошо известен за человека, с которым шутить нельзя и гнев которого часто не знает пределов, то и Кранмер действовал с замечательной осмотрительностью и постепенностью, опасаясь, как бы одним каким-нибудь неосторожным шагом не погубить и свое дело и самого себя, что весьма легко могло случиться при своенравном короле-деспоте. «Только благодаря своей уклончивости, уступчивости, изворотливости, скрытности и умению применяться к обстоятельствам, Кранмер и смог уцелеть при Генрихе и не сложил своей головы на плахе..., но продолжал пользоваться монаршим благоволением до конца жизни Генриха»¹.

Характерный пример осмотрительного и дипломатичного поведения Кранмера представляет его поступок в комиссии 1540 года. Дав в письменной форме ответы на все 17 предложенных членам комиссии вопросов, в том числе и известный уже нам ответ, где отрицается необходимость посвящения для лиц, назначаемых на должность епископа или пресвитера,— Кранмер сделал в конце следующую приписку: «Такое мое мнение и суждение в настоящее время, которое я не стану дерзко утверждать, но вполне предоставляю решение Вашему Величеству»². Заявление мало уместное в устах «примаса» независимой поместной Церкви (!), но вполне объяснимое, если учитывать обстановку того времени и личный характер Генриха VIII.

Сказанное выше позволяет нам утверждать, что если бы даже Барлоу действительно делал попытку уклониться от посвящения после своего назначения на епископскую должность, то со стороны Кранмера непременно последовало бы внушение ему о необходимости подчиниться установленному порядку во избежание гнева короля и в интересах самого «дела» церковной реформы. Замечательно, что так именно поступил Кранмер по отношению к протестанту — Гупэру, назначенному на Глочестерскую епископскую кафедру, когда тот не соглашался принять епископское рукоположение, так как установленные в этом случае священные одежды и обряды с его пуританской точки зрения представлялись ему соблазнительными. Архиепископ не только не дозволил Гупэру остаться без рукоположения, но даже, вопреки настояниям светских властей, никак не соглашался допустить какие-либо послабления и, победив, наконец, упорство Гупэра и убеждениями и мерами строгости, совершил над ним епископское рукоположение с соблюдением всех установленных обрядов³. Если так было при Эдуарде (назначение Гупэра состоялось в июле 1550 года), когда реформационным стремлениям открыт был наибольший простор, то тем более настойчиво поступил бы Кранмер во время царствования Генриха в отношении к епископу, желающему удержать за собой должность и права без всякого посвящения, вопреки строжайшему предписанию закона.

Несколько позволяют судить о Барлоу сохранившиеся, не слишком многочисленные, сведения относительно его церковной деятельности,— это был человек весьма близкий к Кранмеру, разделявший его убеждения и отличавшийся, подобно ему, трезвым взглядом на вещи. Вскоре после 30 марта 1533 года, т. е. дня, в который Кранмер по воле Генриха VIII стал во главе Английской Церкви, мы встречаем в числе ближайших помощников нового архиепископа приора августинских каноников Барлоу, которого В. Диксон называет «законоведцем, бывшим

¹ Потехин А. Очерки из истории борьбы..., стр. 14.

² Соколов В. Иерархия..., стр. 65.

³ Там же, стр. 66—67.

всегда под рукой у Кранмера»¹. В 1535—36 годах, когда обстановка в Англии сильно благоприятствовала распространению и усилению пропаганды протестантских идей², Барлоу выступал, согласно его собственному выражению³, «с чистой проповедью Евангелия Христова против антихриста и его союзников», в результате чего и подвергся преследованию со стороны епископа и клира с.-давидских⁴. Эта ревность Барлоу к распространению протестантских идей обратила на себя внимание могущественного покровителя реформаторов государственного секретаря и вице-герента Томаса Кромвеля, результатом чего и было упомянутое выше избрание и утверждение Барлоу в качестве епископа, сначала С.-Асафской, а затем С.-Давидской епархии. С 1537—38 года, после того, как стала выясняться бесплодность сношений Англии с континентальными протестантами по вопросу об образовании протестантской лиги во главе с английским королем, Генрих VIII довольно круто изменил курс своей церковной политики в направлении сближения с католицизмом; вследствие этого партия сторонников «католичества без папы», во главе с Гардинером, епископом Уинчестерским, приобрела большую силу и влияние. В этой изменившейся обстановке Барлоу действует столь же осторожно, как и его высокий покровитель — архиепископ Кранмер. В июле месяце 1537 года (то есть всего полгода спустя после того, как Барлоу высказывал уже известные нам отрицательные взгляды на священство) конвокация получила от короля предписание составить «ясное и верное изложение учения», с каковой целью и был организован особый комитет из епископов и богословов. В работе этого комитета принимали участие и Кранмер и Барлоу. Результатом деятельности комитета, где католическая партия действовала весьма энергично, было составление так называемого «Наставления христианину» (*The Institution of a Christian Man*), утвержденного королем и конвокацией и получившего в народе известность под именем «епископской книги». Это изложение веры отличалось сравнительно большой близостью к католицизму, хотя не было чуждо и некоторых уклонений в сторону протестантизма. О таинстве священства в «Наставлении» говорилось в духе близких к католичеству взглядов. Отмечалось, что священство «может быть в собственном смысле названо таинством, потому что оно установлено Христом и имеет существенные принадлежности таинства. Видимая сторона его состоит в молитве и возложении рук, а невидимая — в сообщении благодати, преподающей священническую власть». Ясно говорилось в «Наставлении» и о существовании в Церкви непрерывного иерархического преемства, причем прямо заявлялось, что «епископам дана от Спасителя власть продолжать преемство в иерархии»⁵. В числе подписей под «Наставлением» находятся и следующие: «*Thomas Cantuariensis*» и «*Willelmus Meneviensis*», т. е. подписи Кранмера и Барлоу⁶. Таким образом, Барлоу, вместе с Кранмером и другими членами конвокации, в 1537 году скрепил своей подписью документ, содержащий в себе совсем иное учение о священстве, чем то, которое он проповедовал в своей епархии за полгода пред тем.

¹ Диксон В. Г. Две королевы. Екатерина Арагонская и Анна Болейн. СПб., 1875. т. IV, стр. 286.

² В это время Генрих VIII, по совету Кранмера, вел оживленную переписку с германскими протестантами, видя в них союзников в борьбе с Римом. Он приглашал даже Меланхтона приехать в Англию, обещая ему свое содействие в устройстве церковных дел. — Соколов В. Реформация в Англии, стр. 286.

³ В письме Томасу Кромвелю.

⁴ «Странник», 1899, апр., стр. 768.

⁵ Соколов В. Реформация в Англии, стр. 310—314.

⁶ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 63, ср. стр. 59.

Нечто подобное видим и в 1539—43 годах. В мае 1539 года по инициативе Генриха палата лордов была вынуждена обсуждать 6 вопросов, ответы на которые, как потом оказалось, были заранее уже составлены самим королем в чисто католическом духе. Три дня Кранмер настойчиво добивался принятия ответов на предложенные вопросы в духе реформы; при этом деятельную поддержку себе он находил со стороны ряда протестантски настроенных епископов, в том числе и Барлоу¹. Но когда в палату явился сам Генрих и лично стал опровергать сторонников реформы, то Кранмер со всеми державшими его сторону епископами, за исключением Латимэра Уорчестерского и Чакстона Солсберийского², отказался от своей оппозиции. Он понял, что дальнейшее сопротивление опасно, — и не ошибся. Вскоре затем был утвержден статут под заглавием «Акт, уничтожающий разнообразие мнений» (*An acte abolishing diversity in Opynions*), включавший в себя, в виде 6 членов, желательные для Генриха ответы и определявший жесточайшие наказания (вплоть до сожжения) за попытки противодействия учению, изложенному в этих ответах. Статут этот получил в народе название «кровавого статута» и открыл собой период настоящего гонения на упорствовавших сторонников реформы. Начались ужасные казни. Недовольные протестанты-богословы (в том числе один из будущих рукополагателей Паркера Майльс Ковердаль³) вынуждены были удалиться за границу.

В апреле 1540 года Генрих VIII назначил комиссию, в состав которой вошли оба архиепископа, 6 епископов (в том числе Барлоу) и 11 ученых богословов. Эта комиссия должна была заняться рассмотрением ряда вопросов, волновавших Английскую Церковь, и подготовить такое изложение веры, которое можно было бы утвердить и обнародовать в качестве обязательного для всех подданных королевства. Генрих, по-видимому, ничего не имел против того, чтобы обсуждение таких вопросов велось с полной свободой, т. е. так, чтобы каждый член комиссии выразил свое мнение чистосердечно и беспрепятственно; однако результат работы комиссии был предreshен заранее: новое вероизложение должно было сложиться на основании «6 членов» 1539 года. В этой-то комиссии Кранмер и Барлоу высказали письменно свои чисто протестантские взгляды на священство, о которых было сказано выше. Труды комиссии 1540 года послужили основой для составления нового пространного вероизложения — так называемого «Учения, необходимого для каждого принявшего крещение» (*A necessary Doctrine and Erudition for any Christened Man*), утвержденного конвокацией и обнародованного в апреле 1543 года. В народе оно получило название «королевской книги»⁴. Этот документ (подписанный и Барлоу) отразил в себе главнейшие черты «Статута шести членов», и по характеру своих мыслей был «наиболее католическим» из всех вероизложений эпохи Генриха VIII.

Мы видим, таким образом, что Барлоу в царствование Генриха VIII постоянно держался той же линии поведения, что и Кранмер, то есть избегал таких поступков, которые могли бы навлечь на него гнев короля. Правда, такое поведение было не искренним: тотчас после смерти Генриха епископ Гардинер уже доносил на Барлоу, что он «восставал против установленных в царствование Генриха VIII учений»⁵. Тем не

¹ Соколов В. Реформация в Англии, стр. 322.

² Эти два епископа вынуждены были отказаться от своих кафедр (Соколов В. Реформация в Англии, стр. 400). Латимэр же за порицание кровавого статута попал в тюрьму, где и находился до смерти Генриха (Потехин А. Очерки..., стр. 15).

³ Ковердаль вернулся в Англию при Эдуарде и в 1551 г. принял рукоположение в епископа.

⁴ Так как Генрих VIII лично просматривал каждый пункт документа до утверждения его конвокацией; им же было составлено и предисловие к вероизложению.

⁵ Соколов В. Иерархия..., стр. 77—75.

менее, самый факт весьма осторожного поведения Барлоу на протяжении многих лет (1537—1547) не подлежит сомнению и служит решительным подтверждением того, что этот ближайший помощник и сотрудник Кранмера и не пытался уклоняться от принятия епископского посвящения, хотя в душе и отрицал необходимость такого акта.

Известно, что Барлоу, по крайней мере, 7 раз был участником при совершении рукоположений над новоизбранными епископами. Две из этих хиротоний были совершены им в царствование Генриха VIII (23 ноября 1539 года — рукоположение Скипа, епископа Герефордского; 19 февраля 1542 года — рукоположение Булькли, епископа Бангорского). Представляется совершенно невероятным, чтобы при Генрихе VIII никто из представителей «католической» партии не возвысил голоса против столь возмутительного явления, как рукоположение епископа лицом, которое само не получило епископского сана. Но так как никто ни разу не сделал подобного заявления, то можно с уверенностью сказать, что Барлоу был рукоположен в епископа.

Знаменателен также следующий факт. Рукоположение Булькли, епископа Бангорского, было совершено на основании грамоты архиепископа Кранмера, адресованной Джону Салькоту, епископу Салисбурийскому. Этому епископу предоставлялось по собственному усмотрению пригласить остальных епископов для участия в священнодействии. Одним из приглашенных оказался Барлоу. Между тем Салькот был человеком, в своих религиозных воззрениях далеко не сходящимся с Кранмером и Барлоу; даже в католическое царствование Марии он удержал за собой епископскую кафедру с согласия самого папы. Очевидно, что в глазах Салькота Барлоу был законно рукоположенным епископом¹.

Намек на то, что Барлоу был рукоположен в сан епископа, можно, кажется, усмотреть даже в его собственных словах, о которых упоминают поданные против него в 1537 году обвинительные пункты. «Если король... изберет и назначит какого-либо ученого мирянина епископом, то избранный таким образом и *без всякого поставления* будет епископом, *столь же действительным*, или даже лучшим, чем он сам (т. е. Барлоу) и другие епископы Англии». Здесь, как кажется, четко выражена мысль о безразличии между нерукоположенным мирянином, которого назначит король, и рукоположенным епископом (каков сам Барлоу или любой другой епископ Англии).

Что же касается отсутствия записи о посвящении Барлоу в регистре архиепископа Кранмера, то, как справедливо отмечает В. Соколов, это обстоятельство могло бы иметь силу доказательства только в том случае, если бы все епископские посвящения были записаны в регистрах с неизменной точностью и лишь об одном Барлоу такой записи не было. Между тем в действительности регистры вовсе не отличаются безукоризненной полнотой. Тщательное исследование архиепископских регистров, произведенное Haddan'ом, показывает следующую картину. Регистр Кранмера не представляет собой одну цельную книгу, в которую последовательно вносились бы должные записи, а сборник отдельных листов различного формата, очевидно после уже переплетенных в один том. Листы эти собраны довольно небрежно, причем кое-что стоит совсем не на том месте, где бы следовало, а многого и совсем не оказывается. Само собой разумеется, что на пробелах такого регистра строить какие-либо заключения было бы слишком смело. Не отличаются безусловной полнотой и аккуратностью своих записей и другие регистры (архиепископов Уоргема и Поля). Общий результат исследования регистров может быть выражен, применительно к вопросу о

¹ Соколов В. Иерархия..., стр. 72.

рукоположении Барлоу, следующим образом: «Отсутствие записи относительно епископского рукоположения Барлоу ничего, кроме неисправности регистров, не доказывает»¹.

Согласно исследованиям Haddan'a, наиболее вероятной датой епископского рукоположения Барлоу следует признать 11 июня 1536 года².

Нам остается кратко сообщить о том, что известно в отношении епископского посвящения трех остальных рукополагателей Паркера, т. е. Дж. Скори, М. Ковердаля и Дж. Годжкинса. Рукоположение всех этих епископов, в свое время записанное в регистре (Stubbs. Registrum Sacrum Anglicanum, pp. 78, 80. Oxford, 1858), как факт, не подлежит никакому сомнению³.

Джон Годжкинс (Johannes Hodgekyn) был рукоположен 9 декабря 1537 года⁴. Главным рукоположителем являлся Джон Стокли, епископ Лондонский, представитель строго консервативной партии⁵. Самое рукоположение совершалось согласно Салисбурийскому (т. е. нероформированному еще) понтификалу.

Таким образом, Годжкинс, как и Барлоу, относился к тому классу епископов, который, с точки зрения Рима, обнимал лиц, *получивших* дар посвящения, хотя дар этот и был преподан им «епископами или архиепископами еретическими или схизматическими». Лица, принадлежавшие к этому классу, согласно бреве папы Юлия III от 8 марта 1554 года, могли быть принимаемы в общение с Римско-Католической Церковью «в сущем сане» — чрез одно лишь покаяние⁶.

Джон Скори и Майльс Ковердаль приняли рукоположение в один день — 30 августа 1551 года⁷. Оно было совершено по реформированному при Эдуарде VI англиканскому чину. Главным рукоположителем был архиепископ Т. Краймер. Вместе с ним в хиротонии участвовали: Ридли, епископ Лондонский, и Джон Годжкинс.

Вывод, который мы должны сделать после рассмотрения фактов и соображений, относящихся к посвящениям Паркера и четырех его рукоположителей, состоит в следующем. На основании многочисленных исторических исследований, произведенных в связи с трехвековой полемикой между римско-католическими и англиканскими учеными-богословами по вопросу о действительности англиканского священства, *внешняя* непрерывно-преемственная связь современной англиканской

¹ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 59—61.

² «Странник», 1899, апр., стр. 768.

³ Соколов В. Иерархия..., стр. 81.

⁴ P. 27; Регистр Краймера, лист 204 Denny et Lacey.

⁵ Соколов В. Реформация в Англии, стр. 295, 378.

⁶ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 104.

В царствование Марии Барлоу, как видный деятель партии реформаторов, был заключен в Tower. Предвидя неминуемое низложение, а может быть и костер, он сначала добровольно отрекся от занимаемой им кафедры, а затем издал (во 2-й раз) написанную им еще в 1531 году книгу неблагоприятного для протестантов содержания: «Разговор, показывающий подлинную основу нынешних раздоров среди лютеран и их многочисленные злоупотребления».

По-видимому, в результате этого отречения от идей реформы, он был освобожден, но вскоре бежал на континент, где и жил 5 с лишним лет среди германских протестантов; в начале царствования Елизаветы вернулся в Англию и получил Чичестерскую кафедру.

Годжкинс был сначала низложен Марией, но затем, по-видимому, принес покаяние и был восстановлен в звании епископа.

⁷ Denny et Lacey, p. 27. Регистр Краймера, лл. 333, 334. Скори был женат. При Марии он принес раскаяние и (очевидно после разлучения с женой) был принят в общение епископом Боннером и даже допущен к «общественному отправлению его церковного служения и пастырских обязанностей», под условием ли новой хиротонии, или только «восполнения» рукоположения — точно неизвестно. Вероятно Скори не принял поставленные ему условия и бежал из Англии, вследствие чего и был объявлен низложенным. Ковердаль бежал на континент в самом начале царствования Марии и был объявлен лишенным своей кафедры.

иерархии с иерархией римско-католической должна быть признана не подлежащей сомнению¹.

Глава III

Соответствует ли англиканский взгляд на священство неизменному учению об этом предмете древневселенской и современной Православной Церкви?

Как известно, церковная реформа, осуществленная в Англии в середине XVI века, отнюдь не ограничилась провозглашением независимой от Рима национальной Английской Церкви. Если не считать самых основных догматов христианства (учение о Св. Троице, о воплощении Сына Божия), то можно сказать, что в жестокой борьбе с папством реформаторы затронули и подвергли пересмотру всю систему римско-католической догматики, и в частности учение о Церкви, иерархии и таинствах. Нельзя отрицать того факта, что для такого пересмотра имелись налицо некоторые серьезные основания. Многочисленные злоупотребления, возмущавшие чувства верующих, не были продуктом одной лишь греховности и печального отклонения значительной части католического духовенства от нравственного идеала пастырства: они коренились гораздо глубже — в повреждении самого взгляда на Церковь с ее благодатными институтами — иерархией и таинствами. Вкрадшаяся в католичество «надменность мирской власти» (*ἐξουσία τοῦ τοῦ κόσμου*)² нашла свое выражение и создала себе опору в тех крайностях римско-католической доктрины, которыми, с одной стороны, сверх всякой меры возвышались власть и права папы и клира вообще³, с другой же — всячески принижалось значение мирян (запрещение богослужений на народном языке, лишение права пользоваться Библией и т. п.). Стремление реформаторов очистить христианское учение о Церкви от подобных крайностей следует признать вполне законным и похвальным. Однако тот способ, каким осуществлялся этот пересмотр протестантизмом вообще и английскими реформаторами в частности, был порочен в самом существе своем и, потому, привел их к печальным результатам. Совершенно игнорируя существование Восточного Православия, хранящего неизменную верность апостольским преданиям и заветам неразделенной древневселенской Церкви, вожди реформации стали «очищать» христианское учение, руководствуясь почти исключительно собственными субъективными взглядами и невольно создавая, взамен апостольского, новое, чисто человеческое предание.

Вместе с крайностями католицизма были отброшены многие истины, составлявшие священное и неприкосновенное достояние Церкви Христовой с самого начала ее существования — и это было сделано на том лишь единственном основании, что полного и точного раскрытия их нельзя было найти в книгах Священного Писания, признанных протестантами единственным источником вероучения.

¹ Ср. Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 361 (пункт 1-й); Соколов И. П. О действительности англиканской иерархии, стр. 48; Булгаков А. К. вопросу об англиканской иерархии. «Труды Киевск. дух. академии», 1898, № 8, стр. 39.

² Выражение отцов III Вселенского Собора (правило 8-е).

³ Тенденция все большего и большего возвышения клира характерна для римско-католического богословия, начиная от времен схоластики. Характерный образец крайней неумеренности в этом отношении представляет следующее заявление: «Каждый священник гораздо выше Пресвятой Девы Марии, которая только однажды родила Христа и больше не рождает; священник же римский, когда только захочет, приносит в жертву и делает Христа, и созданного потребляет». Соколов И. П. Учение Римско-Католической Церкви о таинстве священства. Историко-догматический очерк. Выпуск первый. СПб., 1907, стр. 65.

Протестантизм с самого начала оказался «предприятием и делом — от человек» (Деян. 5, 38), заключавшим в себе начала разделения и разрушения. Не составляла исключения в этом отношении и Церковь Англиканская, включавшая в себя людей самых разнообразных убеждений, объединенных компромиссными вероисповедными формулами, в которых сознательно «не дано перевеса ни одному крайнему мнению»¹.

Единство веры (Ефес. 4, 5), как один из важнейших законов жизни Церкви Христовой, формально признается и протестантизмом. Однако какая огромная разница существует в понимании этого единства Православной Церковью и протестантскими обществами, в том числе Церковью Англиканской!

В Православной Церкви единство веры рассматривается как глубочайшее единомыслие в понимании и исповедании божественных догматов, безусловно необходимое для единения в таинствах и особенно в таинстве Св. Евхаристии. Для православного сознания решительно неприемлема самая идея так называемого «*Intercommunio in sacris*», или взаимного евхаристического общения между представителями разномыслящих (в догматическом отношении) церквей. Когда митрополиту Московскому Филарету был задан вопрос: можно ли англиканского священника, принимающего символ веры (без *Filioque*.—Л. В.), но не оставляющего своей Церкви, допустить к причащению по его просьбе? — он дал ответ, имеющий характер аксиомы: «Нельзя священнику, ни мирянину быть в единении с двумя церквями, которые не в единении»².

Всего не то видим в Церкви Англиканской. Здесь единство веры мыслится в форме почти всеобъемлющей унии. Для принадлежности к Англиканской Епископальной Церкви считается, в сущности, достаточным признание следующих четырех формул: 1) Священное Писание содержит все необходимое для спасения; 2) Никейский и Апостольский символы содержат истинное учение, ибо находят себе подтверждение в Священном Писании; 3) в Церкви должна существовать трехстепенная иерархия; 4) Господом Иисусом Христом установлены два таинства: крещение и причащение³. Что касается 39 членов англиканского исповедания, то, хотя согласие с ними по букве и считается обязательным в Церкви Англии⁴, однако в понимании их допускается самая широкая свобода. «Нужно строго различать,— говорит д-р Фрэнсис Холл (Hall), учение Церкви, выраженное в официальных постановлениях, и мнения, распространяющиеся между ее членами без конституционного и церковного утверждения... Ошибочные взгляды могут даже приобрести широкое господство и находить поддержку со стороны школ и иерархов... Только самая тяжкая крайность, как например: явное распространение пагубной ереси, может оправдать крайние меры со стороны Церкви против отвергающих установленное католическое учение»⁵. Холл не отрицает, что в Англиканской Церкви имеется «не мало плевелов», то есть протестантских идей. Он признает и то, что по временам в отношении лжеучений в ней проявляется чрезмерный либерализм. Однако, по его мнению, «правило не угашать курящегося льна имеет божественное освящение и Церковь обязана при-

¹ Еп. Хрисанф. Характер протестантизма и его историческое развитие. Вып. 1. СПб., 1868, стр. 188.

² Собрание мнений и отзывов..., том V, часть 2-я. Москва, 1888, стр. 686—687.

³ Это четырехчастное условие единства веры (Lambeth Quadrilateral) принято по предложению генеральной конвенции Американской Епископальной Церкви на Ламбетской конференции 1897 года.

⁴ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 261—262.

⁵ The living church, 1901, №№ 18, 19, 20. Ср. В. Соколов. Голос из Америки — «Богосл. вестник», 1902, т. I, стр. 159—167.

менять его с благоразумием и разборчивостью», помня, что «если исторгать из пшеницы плевелы, то можно вместе с ними исторгнуть также и пшеницу». При таком взгляде на вещи не единство вероучения поставляется непременно предварительным условием для взаимобообщения в таинствах, а, наоборот, *intercommunio in sacris* рассматривается в качестве общеобязательной основы, на почве которой постепенно может расти и развиваться единомыслие в вопросах веры. Нет поэтому ничего удивительного в таких фактах, как установление в 80-х—90-х годах прошлого столетия целой «лестницы взаимопричастаний»¹. Англикане являются решительными сторонниками *intercommunio*'а², обусловленного лишь минимальными требованиями в отношении единства веры. «Корпоративное единение или взаимобообщение (*intercommunion*) между Церквями составляет Божественное требование, возлагаемое на всех членов Церкви вселенской, писал д-р Холл. Ничто не должно препятствовать осуществлению этого требования, кроме необходимости сохранить основные начала (*essentials*) Божественно-преданной и вселенски-принятой веры и строя Церкви». Надо полагать, что под «основными началами» здесь разумеются вышеприведенные формулы Ламбетского четырехугольника.

В Православной Церкви и иерархия и паства руководствуются живым стремлением охранять чистоту и неприкосновенность своего вероучения, как величайшего божественного сокровища, вверенного Церкви; здесь все чуждаются всякого разномыслия и разделения церковного; и даже случайные отклонения от нормы (в виде, например, частных мнений отдельных богословов, идущих вразрез с общецерковным убеждением), обычно не приносят большого вреда, ибо не в силах поколебать глубочайшего единства общецерковного сознания.

Иначе мыслят и поступают члены Церкви Англиканской. Правда, не все они признают существующее среди них «единение в разъединении» нормальным положением вещей. Д-р Холл, например, не допуская ни малейшего сомнения в католическом достоинстве Англиканской Церкви, тем не менее далек от мысли, что она является совершенной выразительницей здравого учения и полным отображением Церкви первенствующей. «Восстание против папских повреждений,— говорит он,— естественно сопровождалось более или менее ослепленным ожесточением, которое в конце концов отдалило многих от исторической веры и строя Церкви. Так возник протестантизм — односторонняя система, продукт нетерпеливой и несдержанной ревности, направленной против тех зол, которые и Русская Церковь осуждает, так же как и мы. Англиканская Церковь очутилась в тревоге, среди бурной стихии предубеждений против многих католических идей и обычаев. Предметы истинные и святые отвергались многими потому, что их смешивали с господствовавшими тогда (в римской практике) их карикатурами. Что было делать Английской Церкви? Должна ли она была поступать сурово с этим обременяющим ее урожаем плевелов? Действуя так,

¹ Прот. Смирнов Е. К. К старокатолическому вопросу. Православен ли *intercommunio*, предлагаемый нам старокатоликами? Харьков, 1894, стр. 165.

«Старокатолики,— писал, например, в то время прот. Е. К. Смирнов,— находясь ныне в *intercommunio*'е с высокой, широкой и низкой Церквями Великобритании и протестантской Церковью Ирландии и через них, с одной стороны, с сектами методистов, баптистов, пресвитериан и конгрегационалистов и, с другой, с реформатскими Церквями и сектами Франции, Италии и Испании, а в будущем войдут в *intercommunio* с лютеранскими Церквями Швеции, Норвегии и Дании, а также с Моравскими братьями и даже с Армией спасения, с которой архиепископ Кентерберийский также подымает речь о воссоединении.

² Мысль об установлении взаимопричастания между Православной и Англиканской Церквями выражал (хотя и довольно глухо) архиепископ Кентерберийский Бенсон в своем письме к Киевскому митрополиту Платону по поводу 900-летия крещения Руси (в 1888 году).

она, без сомнения, не была бы верна своему Божественному Учителю. С протестантскими идеями она должна была поступать так, как в давние времена вся западная Церковь поступала с языческими идеями варваров, которые ниспровергали римскую империю. Она должна была как можно скорее не спешить с ними и полагаться на то, что записка ее апостольской веры и строя сама собой возвратит малопомалу народ на древние стези... XXXIX членов составлены были не в качестве точного определения или исповедания веры, но как примирительный акт (*εἰρηνικόν*), направленный к тому, чтобы путем сглаживания боевых вопросов общими фразами утишить бурю того спора, который угрожал тогда большой опасностью... В результате — протестантский элемент удержался в Церкви в виде школы или партии, постепенно сглаживаясь. Процесс этот еще не пришел к своему концу, но неизменно идет вперед».

Есть, однако, среди англикан и ревностные защитники «единения в разъединении». Даже существенные расхождения в важных догматических вопросах они считают выражением жизненности и полноты их Церкви, поскольку различные постижения единой истины выявляют якобы ее различные стороны и ведут к полноте ее восприятия¹.

Так или иначе «единство» Англиканской Церкви подобно неустойчивому равновесию, сохраняющемуся вследствие наличия сильных гормональных факторов. И вряд ли возможно отрицать долю правды в известной, хотя, быть может, и слишком резкой и безапелляционной, характеристике, данной в свое время англиканству прот. Е. К. Смирновым. «Полукатолическая — полупротестантская по своему характеру, Церковь Англиканско-Епископальная, как известно, распадается на несколько отдельных и независимых друг от друга толков, которые еще не выделились в самостоятельные церкви и пока состоят в призрачном единстве. Единство это вытекает не из внутренних ее потребностей, а приурочивается к ней извне и всецело сводится к возведению ее властью светской — королевской и парламентской — в положение государственной Церкви в Великобритании. Не будь у нее этой высшей ограды, она давно бы уже выделилась по крайней мере в три, а может быть даже и в пять самостоятельных церквей»².

Сказанного, нам кажется, достаточно для того, чтобы показать всю сложность задачи, посылному разрешению которой посвящается настоящая глава. Для выяснения вопроса о том, совпадает ли намерение Англиканской Церкви, восполняющей состав своей иерархии посредством хиротоний, с намерением истинной Христовой Церкви — иметь такое пастырство, которое полностью отвечает мысли ее Божественного Основателя, — мы должны сопоставить неизменное учение о священстве Православной и древневселенской неразделенной Церкви со взглядом на тот же предмет Церкви Англиканской. Но где мы должны искать точное выражение этого взгляда? В символических книгах англиканства? Но «англиканские символы и формулы чрезвычайно эластичны в их двусмысленной фразеологии и допускают иногда даже противоположные толкования»³. В высказываниях англиканских богословов? — Но какого толка и направления? Что будет высказано представителем «англо-кафолического» (по старой терминологии: «высокоцерковного»)

¹ Васильев А. Рецензия на книгу «Anglo-Russian Theological Conference: Moscow, July, 1956, ed. H. M. Waddams — Ж. М. П., 1958, № 5, стр. 78. Подобного рода взгляды высказывал, например, типичный представитель латитудинаризма — известный английский богослов д-р Стэнли (Stanley). См. Сухотин М. Из современного быта Английской Церкви. «Православное обозрение», 1866, июль, стр. 255.

² Прот. Смирнов Е. К. Старокатолическому вопросу, стр. 157—158.

³ Это высказывание принадлежит проф. Н. Н. Глубоковскому. См. Деяния Соединения глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви 8—18 июля 1948 г. Том 2-й, стр. 261.

направления, от того, во многих случаях, отречется «евангелик» (по старой терминологии: представитель «низкой Церкви»).

Наиболее целесообразным представляется нам следующий подход к делу. Прежде всего мы должны обращаться к символическим книгам англиканства, то есть XXXIX членам и «Книге общих молитв». Затем нам надлежит показать, какие представления соединяют с недостаточно определенными выражениями этих документов иерархии и богословы передового в англиканстве, то есть англо-кафолического (высокоцерковного), направления. В сущности этого и достаточно для нашей основной цели, ибо сколько-нибудь серьезные перспективы на значительное сближение точек зрения Православия и англиканства по большинству догматических вопросов, в том числе и по вопросу о священстве, представляются нашему взору лишь до тех пор, пока мы под «англиканством» имеем в виду англо-кафоликов (бывшую High Church).

Современное англо-кафолическое направление представляет собой последнее звено в той цепи идейного преемства, которая начинается с консервативной церковной партии времен реформы — партии, стремившейся сохранить в Англии католичество, но без папства и связанных с ним злоупотреблений. Партия эта «симпатизировала католичеству, не хотела признавать себя за протестантов, отрещивалась даже от самого названия «протестантизм», почитала себя за истинных католиков, не хотела вступать в церковное общение с заграничными протестантами и ставила своей задачей все более и более освобождать установленную Церковь (Established church — т. е. реформированную Церковь Англии) от разных протестантских примесей»¹. Если, благодаря энергии протестантствующих реформаторов, вероучение преобразованной Англиканской Церкви получило характер протестантский, то, в результате настойчивых усилий консерваторов, ее устройство, управление и богослужение сохранило много сходства со старой, дореформенной, Церковью. Консерваторы питали надежду, что, если будет сохранено без больших изменений церковное устройство и богослужение, то протестантские учения с течением времени позабудутся.

На протяжении всего царствования Елизаветы Тюдор (1558—1603), т. е. даже в тот период истории Англиканской Церкви, который часто называют «кальвинским периодом», не было недостатка в личностях, державшихся догматических воззрений, далеко не похожих на кальвинские. В первой половине XVII столетия из недр консервативной церковной партии возникло замечательное церковное движение, во главе которого встал епископ (а с 1633 года архиепископ Кентерберийский) Laud, стремившийся «совсем освободить господствующую Церковь от протестантизма и сделать англиканство чем-то вроде католичества, очищенного от наслоений, накопившихся на нем в средние века»². Лод сумел привлечь к делу тщательного изучения Вселенских Соборов и святоотеческих творений оба университета (Оксфордский и Кембриджский) и почти весь клир Англии. При нем были восстановлены кресты и иконы, а столы заменены жертвенниками, которые окружались алтарной перегородкой. Величайшей заслугой Лода было восстановление им точного учения о Св. Евхаристии³ (явление, увы, уже не повторявшееся в англиканстве до нашего времени!), в результате чего Иерусалимский патриарх Паисий выражал готовность восстановить единение между Восточной и Англиканской Церквями. Лод был казнен в 1644 году, но его заветы глубоко запали в душу наибо-

¹ Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603 гг.). Казань, 1894, стр. XXVI.

² Там же, стр. XLIII, а также XXIV—XXV, XIX, 126, 704 и далее.

³ Англиканская Церковь. «Православный собеседник», 1860, авг., стр. 421.

лее религиозной части английского общества. В конце XVII века в борьбе с пуританизмом сложилось то церковное направление, которое впоследствии стали называть «Высокой Церковью». Первоначальной своей задачей оно ставило защиту установленной Англиканской Церкви от нападков со стороны «евангеликов» (впоследствии называвшихся «Низкой Церковью», или «Рикордитами», — от их печатного органа, журнала «Record») и опиралось лишь на традиционные XXXIX членов, истолковывая их в духе консервативной партии времен Елизаветы. Но с течением времени лучшие представители этого общества обратились к переосмыслению неопределенных символических выражений англиканства в духе лодийских идей. Так возникло «трактарианство», или Оксфордское движение 40-х годов XIX столетия, давшее церковному обществу Англии целую плеяду блестящих мыслителей и богословов, призывавших к сближению с Православием на почве исправления англиканского вероучения в духе верований древневселенской неразделенной Церкви.

Существующая в Англиканской Церкви трехстепенная иерархия должна быть рассматриваема как некое наследие от Католической Церкви дореформенной Англии, сохраненное исключительно благодаря напряженным усилиям сначала консервативной, а затем высокоцерковной партии.

Митрополит Московский Филарет писал в свое время, что православному христианину «по духу любви свойственно и вне пределов Православной Церкви с радостью находить в некоторых отношениях сохранение благодати, равно как с печалью примечать ее оскудение»¹. Эти золотые слова мудрого русского архипастыря вполне применимы в деле изучения природы англиканского священства. Дух любви должен руководить мыслью и чувством православного христианина во всех вопросах и обстоятельствах жизни. Нашему сердцу близки и дороги все «призывающие имя Господа нашего Иисуса Христа во всяком месте» (1 Кор. 1, 2). Но послушание истине (1 Петр. 1, 22) обязывает нас проводить разграничительную черту, разделяющую англиканство на две области — черту, за пределами которой «оскудение» благодати явно превалирует над «сохранением ее в некоторых отношениях».

«От высокоцерковников, — говорил проф. А. Булгаков, — можно ожидать вполне искреннего и почтительного отношения ко всем древнехристианским учреждениям, ибо эта партия среди англикан смотрит на Церковь, как на учреждение божественное, и все ее служения и порядки рассматривает как имеющие божественное происхождение (как существующие *de jure divino*)»². Что же касается другой области англиканства, то ее представители мыслят о Церкви, иерархии, священстве в духе чистейшего протестантизма. Еще в 1858 году одно лицо, по убеждению перешедшее из англиканства в Православие, следующим образом охарактеризовало отношение к священству различных направлений внутри Англиканской Церкви. «Из всех протестантов (Соединенной Церкви Англии и Ирландии) одни Гай-Чорчмены (High Churchmen) утверждают, что у них есть истинное священство, и соответственно с сим усвоят ему все права священства. Они одни, говорю, потому что наибольшая часть их собратий в недрах той же Соединенной Церкви Англии и Ирландии, именующие себя «Лоу-Чорч (Low Church)» смеются над этой мыслью, как над папским вымыслом — *figment of Popery* и «Гай-Чорчменам (High Churchmen)» ставят в тяжкую вину то, что они подобными незаконными притязаниями якобы вводят романизм в протестантские церкви, тогда как «Брод-Чорч» пар-

¹ О непрерывности епископского рукоположения... «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 85.

² Проф. А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви. Вып. 1. Киев, 1906, стр. 111.

тия (Broad Church party) высмеивает эти притязания как что-то не имеющее смысла (nonsense)»¹.

Поэтому, «умеряя по возможности строгость суждения желанием удовлетворить любви к миру и единению церквей»², мы склонны рассматривать Англиканскую Церковь, как инославное общество, бедствующее в духовном отношении, обуреваемое ересями и внутренними разделениями, скованное механическими тормозящими факторами; общество, подлинным ядром которого является «англо-кафолическое направление», сияющее, несмотря на все препятствия и трудности, сохранить еще не совсем растраченное благодатное наследие Церкви древневселенской³. Руководители этой передовой части англиканского общества понимают (хотя, быть может, и не совсем ясно) трагизм своего положения и ищут (хотя и не всегда в духе совершенного христианского смирения) выхода из него, а потому заслуживают самого искреннего братского сочувствия, уважения и поддержки со стороны Православной Церкви и представителей православной богословской науки.

Итак, излагая взгляд Англиканской Церкви на священство, мы будем пользоваться текстом символических книг и мыслями богословов высокоцерковного (англо-кафолического) направления. Что же касается отдельных высказываний вождей реформации и более поздних богословов протестантского направления, то мы будем пользоваться ими лишь в качестве иллюстрации, дабы яснее изобразить те еретические (в широком смысле этого понятия) тенденции, с которыми боролись и продолжают бороться наследники консервативной церковной партии времен реформации.

§ 1. Иерархический строй Церкви. Богоучрежденность иерархии

Церковь, как продолжательница начатого Господом Иисусом Христом на земле дела человеческого спасения, спасения полного и совершенного (Рим. 5, 15—20; 14, 7—9), «спасения до конца» (Евр. 7, 25, слав. текст), то есть до приобщения человека к полноте божественной жизни (Иоан. 17, 20—21; 2 Петр. 1, 4) — представляет собой, согласно учению ап. Павла, единый, возглавляемый Самим Господом Иисусом Христом и одушевляемый Духом Святым богочеловеческий организм, состоящий из множества членов, из которых каждый совершает свое особенное, от Самого Господа ему назначенное, служение⁴ (Рим. 12, 4—5). Совокупность этих многообразных служений, основанных на индивидуальных, иногда чрезвычайных, дарованиях (1 Кор. 12, 7—11), представляет собой то христианское всесвященство⁵, о котором говорит ап. Петр (1 Петр. 2, 9; ср. Откр. 1, 6) и которое направлено на созидание тела Христова общими усилиями всех членов Церкви «при действии в свою меру каждого члена» (Ефес. 4, 12—16).

Взаимным духовным служением всех верующих отнюдь, однако, не исчерпывается полнота благодатной жизни мистического тела Христова. По силе Крестной Жертвы, или искупительных заслуг Христовых,

¹ Confessions of a late English Protestant. Духовная беседа, 1858, № 42, стр. 112—113.

² О непрерывности епископского рукоположения..., стр. 93.

³ Характерно следующее высказывание о состоянии Англиканской Церкви известного представителя Оксфордского движения диакона Пальмера: «Теперь у нас борьба на жизнь и смерть за то, внешнему ли протестантизму внедриться в сердце Церкви и расстроить жизнь ее, или внутреннему Православию проторгнуться сквозь скрывающую его оболочку. — отрясти от себя прах ереси и изменить внешнюю форму нашей Церкви». Aids to reflection on the seemingly double character of the Establ. Church by W. Palmer. Oxford, 1841, p. 104.

⁴ Аквилонов Е. Церковь. — Научные определения Церкви и апостольское учение о ней как о теле Христовом. СПб., 1894, стр. 242—243, 246—247, 254.

⁵ Там же, стр. 244. Ср. Малиновский В. Очерк православного догматического богословия. Изд. 2-е, вып. 2, Сергиев посад, 1912, стр. 64.

Церковь располагает «обилием благодати» (Иоан. 7, 38—39; Рим. 5, 17, 20), необходимой для освящения верующих, и всем тем, что потребно для жизни и благочестия (2 Петр. 1, 3), для возведения человека к духовному совершенству и теснейшему единению его с Богом. Для разумного и достойного употребления всех этих богодарованных средств на общее благо, в Церкви, по воле ее Божественного Основателя, установлен особый вид служения, «служение» (διακονία) по преимуществу, называемое обычно пастырским служением или *священством* (ιερατεία, ιεράτευμα, ιερωσύνη) в собственном смысле слова (в отличие от вышеупомянутого всесвященства).

Священнослужение или пастырство вверено не всем членам Церкви (1 Кор. 12, 29), а лишь некоторым, и именно тем только, которые в *таинстве священства* призываются к этому высокому и ответственному служению Самим Богом (Евр. 5, 4), получают необходимый для его прохождения дар Святого Духа, или особую *благодать священства* (1 Тим. 4, 14), и свидетельствуются Церковью в качестве божественных посланников на дело пастырского служения (Деян. 20, 28; Рим. 10, 15).

Священнослужители или пастыри Церкви, призванные к «совершенению святых» (Ефес. 4, 12), имеют власть и обязаны: а) просвещать верующих учением веры и благочестия (1 Кор. 9, 16; 2 Тим. 4, 2); б) совершать для их освящения таинства (Лк. 22, 19; Мф. 28, 19; Иак. 5, 14) и другие священнодействия; и в) руководить ими в деле духовного преспеяния путем нравственного надзора, церковного законодательства и суда (1 Петр. 5, 2—3; 2 Кор. 10, 6; Мф. 18, 17).

Сонм пастырей, т. е. людей, облеченных от Бога особыми благодатными полномочиями, представляет собой священное сословие, существующее в Церкви по божественному праву (de jure divino),— богоучрежденное, и именуемое церковной *иерархией* или священноначалием. Существование иерархии безусловно необходимо для самого бытия Церкви, так что «где есть одна паства, или вообще верующие, но нет богоучрежденной иерархии и она отвергается, там нет Церкви»¹.

Богоучрежденность или богоустановленность иерархии понимается Православной Церковью не в том только общем смысле, что сословие церковных пастырей существует в Церкви согласно намерениям ее Основателя, или во исполнение Его завещания, данного апостолам относительно устройства Церкви, или, наконец, по божественному определению (divina ordinatione)²— в смысле прямого волеизъявления или повеления об учреждении священноначалия. Господь Иисус Христос не только выразил Свою волю на то, чтобы в Его Церкви всегда существовала иерархия (Иоан. 20, 21; 14, 16; Мф. 28, 20), но Сам учредил эту иерархию (в лице свв. Апостолов), Сам охраняет ее непрерывную преемственность и, в качестве верховного Пастыреначальника и вечного Первосвященника, Сам (Иоан. 20, 22), Духом Своим Святым (Деян. 20, 28) поставляет церковных пастырей в законно совершаемом таинстве священства. Иными словами, церковная иерархия с момента ее учреждения и до скончания века существовала, существует и будет существовать «силой и волей Иисуса Христа»³.

*

У того, кто вознамерился бы составить представление об англиканском взгляде на иерархию, путем чтения текста Ординала Англиканской Церкви, — весьма легко может сложиться впечатление, что англи-

¹ Еп. Иустин. Православно-христианское вероучение или догматическое богословие. Херсон, 1887, стр. 295.

² Такая недостаточно определенная формулировка понятия о богоустановленности иерархии была принята Тридентским собором. — См. Соколов И. П. Учение римско-католической Церкви о таинстве священства. СПб., 1907, стр. 158.

³ М а л и н о в с к и й Н. Очерк православного догматического богословия. Изд. 2-е, вып. 2, стр. 72.

канство мыслит о христианском пастырстве одинаково, или, по крайней мере, весьма сходно с Православной Церковью.

«Для всех, прилежно читающих Священное Писание и древних писателей,—говорится в предисловии (the Preface) к чинам посвящения¹,—очевидно, что от апостольского времени в Церкви Христовой существовали следующие степени служителей (orders of ministers): епископы, священники и диаконы. Звания (offices) эти всегда пользовались столь высоким почетом, что никто не дерзал присваивать себе какое-либо из них, за исключением тех, кто был призван, испытан (tried, examined), найден достойным и возведен в это звание (approved and admitted thereunto) законной властью (by lawfull authority), посредством общественной молитвы с возложением рук (by public prayer with imposition of hands). А потому, чтобы эти степени могли сохраняться (may be continued), достойно употреблялись и уважались в Соединенной Церкви Англии и Ирландии, никто не должен считаться или приниматься за законного епископа, пресвитера или диакона в Соединенной Церкви Англии и Ирландии, или допускаться к выполнению присвоенных этим степеням функций, кроме тех, кто будет призван, испытан и допущен к тому, согласно нижеследующей форме, или уже получил² епископское посвящение или поставление (Episcopal consecration, or ordination).

В самом чине читаем: «Всемогуший Боже, подателю всех благ, установивший Святым Своим Духом различные степени служителей Церкви, милостиво призири на сих рабов Твоих, ныне призываемых к званию священства (now called to the office of Priesthood)....»³.

«Прими (receivе) Духа Святаго на звание и дело (for the office and work) епископа в Церкви Божией, ныне порученное тебе возложением рук наших: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. И помни возгревать благодать Божию, которая дана тебе чрез это возложение рук наших...»⁴.

В других местах чина можно встретить такие выражения о посвящаемых, по смыслу коих «Сам Всемогуший Бог принимает их на служение в Церкви Своей», а «призывает их на это дело Дух Святый»⁵.

Все это способно внушить мысль, что Англиканская Церковь признает не только Божественное установление и благодатное значение иерархии, но и *существенную* необходимость пастырства для бытия Церкви и *священнотаинственное* значение акта хиротонии.

Если же от «дщери Библии»⁶ мы обратимся к XXXIX членам религии (The 39 articles of religion), то впечатление получится совершенно иное.

В XIX члене дается следующее определение Церкви: «Видимая Церковь есть собрание верующих, в котором проповедуется истинное слово Божие и, согласно с заповедью Божией, совершаются таинства правильно по отношению ко всем предметам, которые необходимо требуются для того». Нетрудно заметить, что эта формулировка представляет собой лишь вариант лютеранского определения Церкви, находящегося в Аугсбургском Исповедании⁷. Таким образом, давая определение

¹ The form and manner of making and consecrating Archebishops, Bishops, Priests and Deacons. Перевод соответствует тексту редакции 1662 года.

² Имеются в виду посвящения, совершенные по аналогичной форме, но прежних (до 1662 г.) редакций.

³ Коллекта пред чтением Апостола из чина пресвитерского поставления.

⁴ Формула, произносимая при возложении рук — из чина посвящения в епископа.

⁵ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 217.

⁶ Так англикане любят называть «Книгу общих молитв» (The Book of Common Prayer), в состав которой с 1552 года включается и Ординал.

⁷ Est autem Ecclesia congregatio sanctorum, in qua Evangelium recte docetur et recte administrantur sacramenta. Conf. August. pars I, art. VII.

Церкви, составители XXXIX членов ограничились указанием лишь двух общепротестантских признаков Церкви (проповедание слова Божия и совершение таинств) и совершенно обошли молчанием вопрос о том, составляет ли необходимый и существенный признак Церкви богоустановленная иерархия.

На еще большие сомнения наводит текст XXV члена, в котором прямо утверждается, что священство нельзя считать евангельским таинством, ибо оно есть не что иное, как «состояние жизни, дозволенное в Писании»¹.

Если пастырство, как особое сословие в Церкви, лишь «дозволено», значит оно не является существенно необходимым для бытия Церкви. По сути дела Церковь могла бы в принципе обойтись и без иерархии, так как священство принадлежит всем в равной мере, и священник по своему благодатному состоянию ничуть не выше мирянина. Впрочем при отсутствии особого иерархического сословия в Церкви возник бы беспорядок: разномыслие, раздоры и т. п. По этой-то причине, в силу необходимости, и дозволено исполнять служение не всем, а только тем, кто на это специально уполномочен.— Таков явно протестантский смысл XXV члена.

Наконец, XXIII член, по-видимому, еще более принижает значение пастырства, когда говорит, что «законно призванными и посланными (к публичному проповеданию и совершению таинств) нужно считать тех, которые избраны и определены на это дело *людьми*, получившими от общества полномочие «призывать и посылать служителей в вертоград Господень». О божественном призвании (Евр. 5, 4) или посланничестве (Иоан. 20, 21; Деян. 20, 28) здесь не сказано ни слова, зато ясно сказано о призвании и посольстве от людей. Значит «дозволенное» священство существует даже не *de jure divino*, а *de jure humano*, т. е. является чисто человеческим учреждением. Быть может, однако, под «людьми», которые могут призывать и посылать служителей в вертоград Господень, следует понимать тот богоустановленный епископат, о котором говорится в молитвах чина посвящения? Такое предположение, на первый взгляд, подтверждается тем обстоятельством, что один из членов (XXXVI) специально подчеркивает авторитетное значение Ординала со всем его содержанием. Но, в действительности, оно не может быть признано состоятельным, ввиду ясного выражения XXIII члена: «получившими полномочие от общества».

Протестантский характер учения об иерархии, заключающегося в XXIII и XXV членах, станет для нас еще яснее, если мы сравним его с соответствующим учением лютеранства:

«Никто не должен в Церкви публично учить и совершать таинства, если не призван к тому законным порядком (*rite vocatus*)»². «Для избежания беспорядка верующие должны отказаться от пользования своими священными правами и поручить это одному или нескольким лицам, смотря по надобности»³.

Итак, мы должны констатировать тот факт, что в учении об иерархии Чин посвящений и члены религии решительно противоречат друг другу. Протестантский характер членов не только разрушает те иллюзии, которые возникают при чтении молитв Ординала (будто англикане признают пастырство необходимым для бытия церкви, а хиротонию — таинством), но и заставляет серьезно усомниться насчет веры Англиканской Церкви в богоустановленность и благодатное значение иерархии. Нужно в значительной мере утратить чувство объективности, что-

¹ Ср. Серединский Т. Общественное богослужение у протестантов. Рига, 1889, стр. 21.

² Conf. August., art. XIV.

³ Апология Аугсбургского исповедания (к XIV члену).

бы решиться, вместе с проф. В. А. Соколовым, назвать учение членов об иерархии «весьма близким к православному»¹.

Мы уже имели случай привести несколько характерных высказываний о священстве вождей реформации Томаса Кранмера и Барлоу, из которых видно, как далеки были эти протестантствующие епископы от веры в благодатное значение иерархии. «Мирянин может епископствовать»; «где двое или трое, хотя бы сапожников или ткачей, собрались во имя Божие, там и Церковь Божия»; «назначаемый быть епископом или пресвитером не нуждается ни в каком посвящении», — не ясно ли, что в основе всех подобных заявлений лежит глубокое убеждение в справедливости протестантского учения о том, что Богом установлено только одно священство — священство, принадлежащее всем членам церкви в равной степени, т. е. христианское всесвященство, о котором говорил ап. Петр (1 Петр. 2, 9). Нужно ли удивляться тому, что члены религии, в составлении которых наиболее деятельное участие принимал Кранмер (вместе с епископом лондонским Ридли), излагают учение об иерархии в такой форме, что под ними без колебаний подпишется любой протестант². Однако Кранмер не всегда мог действовать так, как то было желательно ему и его протестантствующим сотрудникам. Ему приходилось учитывать силу сопротивления со стороны консервативной церковной партии и идти на значительные уступки. Самые крупные уступки были сделаны именно при работе над пересмотром католического богослужебного строя, в том числе и Ординала. И хотя новый англиканский чин посвящения составляли те же самые лица, которые дали Англиканской Церкви XXXIX членов (т. е. Кранмер и Ридли), тем не менее по характеру своему он далеко не соответствует взглядам протестантов. Мы уже видели, что учение об иерархии, вытекающее из молитв и других мест Ординала, содержит, по крайней мере, четко выраженные мысли о богоучрежденности священства, как особого сословия в Церкви и о благодатном его характере.

Теперь нам нужно рассмотреть, как мыслят об иерархии высокоцерковники: стремятся ли они мысли англиканского Ординала истолковывать в духе православного учения об иерархии, или, напротив, стараются синтезировать учение Ординала с учением членов религии, вырабатывая еще более нейтральные и обезличенные формулы, приемлемые для всех направлений в англиканстве³.

В известном «Ответе Англии Риму по вопросу об англиканском священстве», который подписали оба примаса Англии (Фредерик, архиепископ Кентерберийский, и Вильгельм, архиепископ Йоркский), имеет-ся такое место:

«Св. Петр, столь ревностно призывающий к пастырскому служению пресвитеров, в первой части того же послания увещевает весь народ, как святое священство, приносить духовные жертвы Богу. Это показывает, что первая должность более (!) свойственна пресвитерам, ввиду того, что она представляет отношение Бога к людям, между тем как последняя в некоторой степени разделяется с народом»⁴.

Итак, по мысли примасов, пастырское служение не всецело принадлежит пресвитерам (т. е. иерархии), а лишь «более свойственно» им, чем мирянам. Не проглядывает ли в этом, вскользь сделанном, замечании все та же, укоренившаяся в сознании англикан мысль о христиан-

¹ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 216.

² Рассуждая о XXXIX членах, Маколей говорил: «Кальвин или Нокс едва ли бы нашли нужным осудить в них какое-нибудь слово». См. Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством..., стр. 127.

³ См. Рождественский А. Я. Все ли три степени церковной иерархии признаются в англиканстве богоустановленными? Кутаис, 1901, стр. 24.

⁴ Ответ Англии Риму по вопросу об англиканском священстве. Русский текст ответа примасов Англии на папскую буллу об англиканском священстве. СПб., 1897, стр. 36.

ском всесвященстве, от которого почерпают свои полномочия духовные лица, являющиеся лишь специализированными выразителями этого единственного, по существу, истинного священства?

Чрезвычайно характерны ответы, данные представителями высокоцерковного направления на вопросы о священстве, поднятые на Оксфордском съезде английских богословов, происходившем в декабре 1899 года.

«Умопредставление о священстве, усвояемое Церкви идеально, пребывает во всей совокупности тела Христова (т. е. Церкви) и во всех ее членах (!?), как участниках; но некоторые отдельные лица выделены, а другие не выделены из общества, для того, чтобы быть представителями ее (т. е. Церкви) священства видимым (телесным) образом и перед всем обществом».

«Св. Петр (1 Петр. 2, 9) понимает не собрание отдельных священников, а священнодействующую (priestly) общину. Несомненно, что в этом священстве принимает участие в должной мере каждый член общества».

«Священниками в особенном смысле являются получившие полномочие (delegated). Это полномочие вручается тем, которые предназначаются для общественного, видимого, так сказать, телесного (congrate), отправления или исполнения обязанностей священства, принадлежащего всему телу (Церкви)».

«Священство Церкви по необходимости (!) может быть исполняемо только теми, которые получили полномочие быть орудиями Церкви в этом отношении... Такого рода полномочие делает возможным для тела (Церкви) выражать свое священство телесным образом. Однако тех, которым это полномочие не дано, оно не делает чрез это меньшими священниками (?!); это потому, что они суть члены тела, которому принадлежит священство».

«Тело есть известное органическое целое с различными органами и свойственными им действиями; и отдельные органы тела (т. е. отдельные лица) могут быть поэтому в особом смысле посвящены для исполнения священнослужения (priestly ministry) по божественному назначению, или по полномочию от тела (?), или по тому и другому вместе (?)».

«Конец процесса развития (иерархии в Церкви) определяет нам следствие, которое Богу было угодно допустить (!), — как и вообще все происходящее есть дело Его произволения; а не то, чтобы и действующие причины, и получившееся следствие были вполне таковы, каковыми должны быть согласно Его воле. Мы должны считаться также с элементами человеческой свободной воли и человеческого заблуждения и с последствием их: смешением добра и зла».

«Вручение власти (предназначенным для общественного исполнения обязанностей священства) дает нечто большее (?!), чем назначение со стороны народа»¹.

С какой печалью каждый «по духу любви ищущий» в англиканстве «сохранение, в некоторых отношениях, благодати» — читая эти высказывания — должен будет «примечать ее оскудение». Оказывается, и некоторые передовые представители англиканства признают, по существу дела, одно только «христианское всесвященство», равномерно разлитое по всему телу Церкви. Оказывается, и они не признают особого, наделенного чрезвычайными дарами благодати, священства, принадлежащего не каждому верующему, а лишь Главе Церкви Господу Иисусу Христу, и от Него распространяющегося только на иерархическое сословие пастырей. Оказывается, и они считают пастырство лишь состоянием, допущенным Богом в силу необходимости. Мало того, они еще

¹ Проф. Булгаков А. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви. Вып. 1, Киев, 1906, стр. 116—121.

не решили вопроса: поставляются ли пастыри по божественному назначению, или по полномочию от общества верующих, или, наконец, по тому и другому вместе. Что же касается благодатного характера «выделенного» священства, то он признается не то тождественным с благодатным состоянием христианского всесвященства, не то несколько большим, ибо «вручение власти дает нечто большее, чем назначение со стороны народа».

Из всего изложенного в настоящем параграфе можно сделать следующий вывод. В одном из своих важнейших документов, содержащих в себе мысли об иерархии и священстве, а именно в Чине посвящений, Англиканская Церковь *удерживает довольно ярко выраженное учение о богоучрежденности и благодатном характере пастырства*. Но благодаря наличию другого документа вероисповедного характера, т. е. XXXIX членов, отличающихся несомненно протестантским направлением мысли, наиболее близкие к Православию высказывания и выражения Ординала, на практике нередко, даже представителями «Высокой Церкви», *переосмысливаются в духе приближения к идеям протестантизма*. Учение же о необходимости иерархического строя для самого бытия Церкви, а также о таинственно-благодатном значении хиротоний, в символических книгах англиканства отсутствует; в жизни же, если и встречается, то, по-видимому, лишь у немногих лиц, большей частью склонных к переходу или в Православие, или в католичество¹.

§ 2. Степени священства

С догматической точки зрения состав церковной иерархии ограничивается тремя степенями священства², то есть степенями: епископа (ἐπίσκοπος, bishop), пресвитера, или священника в собственном смысле (πρεσβύτερος, ierēus, priest) и диакона (διάκονος, deacon).

Хотя посвящение во все эти степени начало совершаться апостолами уже по вознесении Господа Иисуса Христа, следовательно в так называемое «апостольское время», — тем не менее Православная Церковь всегда признавала их существующими de jure divino, т. е. богоучрежденными, степенями³, на том основании, что свв. апостолы, крещенные в день Пятидесятницы Духом Святым (Деян. 1, 5; 2, 4) и имевшие ум Христов (1 Кор. 2, 16), устроили Церковь по непосредственным наставлениям Иисуса Христа и по внушению Духа Святого.

Первая и высшая степень священства в новозаветной Церкви есть степень епископа. Именно епископы суть, в строгом смысле, преемники апостолов. «Епископы суть носители высшей благодати священства, совмещающие в себе всю полноту иерархической власти апостолов; от них и чрез них все степени священства получают и преемство и значение»⁴. В своей местной Церкви, то есть во вверенной ему епархии, епископ есть главный учитель и главный правитель, а также, — что особенно важно, — «обильный источник всех таинств Вселенской Церкви, которыми приобретается спасение», их «первый совершитель и священнодействователь»⁵. Только епископу предоставлено в Церкви право: а) рукоположения в священные степени (ὑποτάξις, ordination) — 1 Тим. 5, 22; Тит. 1, 5; Апост. правила 1-е и 2-е; б) освящения мира

¹ Ср. Булгаков А. О законности и действительности англиканской иерархии..., стр. 93.

² Канонисты включают в состав церковной иерархии также и церковнослужителей.

³ Св. Игнатий Богоносец в послании к Филадельфийцам называет епископа, его пресвитеров и диаконов — «поставленными изволением Иисуса Христа». См. Писания мужей апостольских. В русск. пер. прот. П. Преображенского, СПб., 1895, стр. 296.

⁴ Малиновский Н. Очерк православного догматического богословия. Изд. 2-е, вып. 2, стр. 227.

⁵ Послание патриархов Восточно-кафолич. Церкви о Православной вере. Член 10-й.

(*ποίησις χρίσματος*) — Карф. соб. прав. 6-е; и антиминса — см. VII Всел. соб. прав. 7-е; Симеон Солунск. О свящ. и таинствах, гл. 127. «Звание епископа так необходимо в Церкви, что без него ни Церковь церковью, ни Христианин христианином, не только быть, но и называться не может»¹. Одну из важнейших забот епископата составляет непрерывное восполнение церковной иерархии. По словам св. Епифания, «чин епископов существует для рождения отцов, ибо ему свойственно такое распространение отцов в Церкви»².

Вторую степень священства, низшую епископской по дарованной ей благодати и подчиненную ей, составляют пресвитеры. Они заимствуют свои благодатные полномочия от епископа чрез таинственное рукоположение, сами же не имеют права, да и не в силах³ рукоположить кого-либо в священный сан: подобная попытка со стороны пресвитера, при любых обстоятельствах, была бы лишь тщетным святотатственным посягательством на непринадлежащие ему права — посягательством, караемым по всей строгости церковных законов⁴. Само собой разумеется, что и лицо, рукоположенное пресвитером или собранием пресвитеров, никогда и ни под каким видом не может быть признано имеющим какую-либо священную степень, как безусловно чуждое благодати священства.

Что среди иерархических лиц первенствующей Церкви с самого начала были различные по достоинству степени епископа и пресвитера (в позднейшем значении этих терминов), видно из повествования св. Ириней Лионского о встрече ап. Павла в Милете с ефесскими пастырями, которых деписатель называет сначала «пресвитерами» (Деян. 20, 17—18), а затем «епископами» (Деян. 20, 28). «Когда, — говорит св. Ириней, — епископы и пресвитеры, пришедшие из Ефеса и других ближайших городов, собрались в Милете, ... то (ап. Павел), свидетельствуя им о многом, ... прибавил: знаю, что уже не увидите лица моего»⁵. Таким образом, св. Ириней ясно различает епископов от пресвитеров в среде ефесских «пресвитеров-епископов», а его свидетельство чрезвычайно важно, так как он мог точно знать или от св. Поликарпа, еп. Смирнского, или от кого-либо из преемников призывавшихся в Милет пастырей, — кого именно призывал туда ап. Павел.

Пресвитеры также имеют власть учить, священнодействовать и управлять в Церкви, но совершают это свое служение в зависимости и под наблюдением своего епископа. Они не должны преступать его воли (Апост. правило 39-е) и подлежат его надзору и суду (1 Тим. 5, 17, 19). Пресвитер может совершать все таинства и священнодействия кроме хиротонии, освящения мира и антиминса.

Третью, низшую епископской и пресвитерской, степень церковной иерархии составляют диаконы, обязанность которых состоит в том, чтобы помогать епископам и пресвитерам в служении слова, в священнодействиях, особенно в таинствах, в управлении и вообще в делах церковных.

*

Хотя реформированной Английской Церковью с самого начала ее существования были удержаны все три степени церковной иерархии, однако в понимании существа и значения их не было должного едино-

¹ Там же.

² Epist. adv. haeres, lib. III, t. I, haeres 55.

³ «Чин пресвитеров не может рожать отцев, ибо баней пакибытия поражает Церкви только детей, а не отцев или учителей». — Св. Епифаний, там же.

⁴ Пресвитер, который дерзнул бы совершить рукоположение, был бы, очевидно, виновен не менее, чем епископ, изверженный из сана по законам за явное преступление, но дерзающий касаться прежнего служения. А этот последний, согласно 28 Апостольскому правилу, совершенно отсекается от Церкви.

⁵ Против ересей, III, 14, 2.

душия. В частности, относительно епископской степени англикане разных направлений держались, да и поныне держатся, весьма различных мнений.

Еще Винчестерского епископа Пойнета († 1556) приводило в смущение самое название «епископ». По свидетельству Маколей, «он желал бы это слово оставить папистам, и главных служителей очищенной церкви называть суперинтендентами»¹.

Приглашенные правительством Елизаветы к занятию епископских кафедр пуританствующие английские богословы Джоэль, Гриндэль, Горн, Кокс, Паркгёрст и др. решили специально обсудить вопрос — следует ли им принимать на себя епископское звание. Придя к выводу, что епископство есть учреждение безразличное (!) и что оно принято Англиканской Церковью только в силу ряда особых обстоятельств², участники совещания решили дать свое согласие на посвящение, «чтобы не оставить предложенные им кафедры во власти антихриста» (так они называли папистов)³.

Защитники епископального строя (Ридли, Уайтгифт, Гукэр и др.) всячески старались убедить своих противников в целесообразности этого строя, в его превосходстве над строем пресвитерианским. Архиепископ Кентерберийский Уайтгифт (1583—1604), соглашаясь с пуританами в том, что пресвитериат был, якобы, господствующей формой управления в древнейшие времена, утверждал при этом, что форма эта не отличалась совершенством: как только миновал «младенческий период» жизни Церкви, как только появились христианские правители и государи, так пресвитериат почти полностью уступил место более совершенному епископату. Церковь, по мнению Уайтгифта, вполне свободна в выборе способа своего управления. Церковная иерархия относится к внешней (!) стороне церковной жизни (*external policy*), и потому Слово Божие не предписывает никакого раз навсегда данного иерархического устройства. Помимо целесообразности, в защиту епископального строя приводились соображения о его глубокой древности, о его соответствии английским народным преданиям и т. п. При такой «защите» всегда оставалось место для представлений о необходимости степени епископа. Тот же Уайтгифт заявлял, что он считает и пресвитериальное управление в некоторых местах весьма полезным и с пользой применяемым в отдельных реформированных «церквах»⁴. Другой защитник епископального устройства Англиканской Церкви Гукэр, энергично отстаивавший в 90-х годах XVI столетия установленный в Англии порядок церковного управления, не колеблясь утверждал, что «иногда могут быть вполне достаточные причины, чтобы дозволить совершение рукоположения (*ordination*) и без епископа»⁵. Маколей утверждает, что апологеты англиканства, оправдывая епископский строй ссылками на его древность (они относили его ко временам апостолов) и предпочтительное удобство сравнительно с пресвитерианским, тем не менее «никогда не отрицали, что христианская община без епископа может быть чистой Церковью»⁶.

Только в 1588 г. Ричардом Банкрофтом (капелланом Уайтгифта, а впоследствии архиепископом Кентерберийским: 1604—1610) была во всеуслышание высказана мысль о происхождении епископата *de jure divino*. Очень характерно, что когда Уайтгифт слышал об этом от

¹ Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством..., стр. 131.

² Д — н С. Н. Очерк истории Англиканской Церкви. «Дух. беседа», 1860, № 46. стр. 291—292.

³ Потехин А. Очерки..., стр. 158.

⁴ Булгаков А. О законности..., стр. 69.

⁵ Соколов В. Иерархия..., стр. 227.

⁶ Потехин А. Очерки..., стр. 134.

своего капеллана, он заявил, что не верит в истинность этого учения, хотя и желал бы, чтобы оно было истинно. Банкрофт продолжал развивать свою мысль, утверждая, что приравнивать епископскую степень к пресвитерству значит допускать ересь, и ссылаясь на творения отцов Церкви и церковных писателей древности. К середине XVII столетия учение о *jus divinum* епископов сделалось уже господствующим в Англиканской Церкви. Сформировавшаяся же впоследствии High Church окончательно усвоила убеждение, что «епископство есть богоучрежденный образ управления Церковью, неизменный залог правильного совершения таинств, существенная принадлежность Церкви»¹.

Памятуя о тенденции некоторых высокоцерковников переосмысливать близкие к православному учению выражения Ординала в духе приближения к идеям протестантизма, мы не должны переоценивать только что приведенных высказываний касательно богоучрежденности епископской степени². Ведь под «богоучрежденностью» может быть при желании понимаемо и то допущение пастырства Богом, в силу необходимости, о котором говорили представители высокоцерковников на Оксфордском съезде богословов в 1899 году. «Существенную же принадлежность» только тогда можно было бы отождествить с «существенной необходимостью», в смысле безусловной необходимости для самого бытия Церкви, если бы епископская власть признавалась чрезвычайной благодатной властью, получаемой в таинстве священства, но ни в коем случае не специализированным представительством християнского всесвященства.

Из истории Англиканской реформированной Церкви XVI века известен ряд несомненных фактов принятия в клир лиц пресвитерианского посвящения с признанием полной действительности их «сана». Ниль утверждает, что таких священников пресвитерианского поставления было тогда в Англиканской Церкви несколько десятков, если даже не сотен³. В 1571 году, четвертым парламентом Елизаветы (с 2 апр. по 29 мая), тем самым парламентом, который утвердил XXXIX членов в качестве обязательного вероисповедного документа, — был издан статут, озаглавленный следующим образом: «Акт для исправления некоторых беспорядков относительно служителей Церкви». В нем говорится:

«Чтобы церкви во владениях Ее Величества Королевы были обеспечены служением пастырей здоровой религии (*sound religion*), властью настоящего парламента определяется, что всякий, низший епископа по степени, изъявляющий или имеющий изъявить притязание на то, чтобы быть священником или служителем святого слова Божия и таинств, в силу какой-либо иной формы возведения в сан, посвящения, или поставления (*by reason of any other form of institution, consecration, or ordering*), чем форма, установленная парламентом, во время покойного короля Эдуарда шестого, или употребляемая теперь, должен, в присутствии епископа (или его местоблюстителя) той епархии, где он имеет или должен иметь церковную должность, изъявить свое согласие и подписать все члены религии, какие только касаются исповедания истинной христианской веры и учения о таинствах, содержащегося в печатной книге, озаглавленной: «Члены, относительно которых согласились архиепископы и епископы обеих провинций и весь клир в Лондонской конвокации 1562 года»... и т. д.⁴ Итак, под условием подписи

¹ Д — н С. Н. Очерк истории Англиканской Церкви. «Дух. беседа», 1860, № 46, стр. 291.

² Известные англиканские богословы XIX и начала XX в. Ляйтфут и Дж. Вордсворт утверждали, например, что епископат развился из пресвитерства. Соколов И. Учение Римско-Католической Церкви о таинстве священства, стр. 112.

³ Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 229.

⁴ Потехин А. Очерки..., стр. 298.

«членов веры» (т. е. XXXIX членов), парламент определил допускать к священнослужению без какого-либо перепоставления лиц, принявших посвящение не по чину Церкви Англиканской, а по «какой-либо иной форме», — например, протестантских пасторов. Хотя королева осталась очень недовольной этим решением и сделала нижней палате строгий выговор за вмешательство в церковные дела, тем не менее статут был утвержден, и сильная в то время партия сторонников пуританства добилась юридического признания законности протестантских неепископальных посвящений.

Епископат Англии не был, конечно, согласен с таким определением парламента и употребил все средства, чтобы на практике свести к нулю успехи пресвитериан. Энергично действовали в этом направлении: Сендис, еп. Лондонский (1570—1576, с 1576 — Йоркский архиепископ), Уайтгифт, архиепископ Кентерберийский (1583—1604), и др., имея при этом сильную, хотя и молчаливую, поддержку самой королевы. Однако факт навсегда останется фактом: в составе англиканского клира в те времена имелись, и в немалом числе, лица, пользовавшиеся всеми правами священнослужителей, но являвшиеся, с точки зрения Православной Церкви, простыми мирянами. Иногда такие «священники» были поставляемы в епископы по англиканскому чину: так шотландский пастор Spotswood был возведен в звание епископа, и никто, по-видимому, не интересовался вопросом, каково было его предварительное посвящение¹.

Нетрудно понять, почему в Англиканской Церкви сравнительно легко мирились с фактами этого рода. Если не было веры в священно-таинственное значение хиротонии и степень епископа не считалась поэтому безусловно необходимой для бытия Церкви, то нетрудно было, в силу обстоятельств, примириться с явлениями, которые, по существу, рассматривались лишь как нарушение установленного порядка и церковной дисциплины.

§ 3. Иератическая власть пастырей. Таинства Церкви. *Их седмиричное число*

Выше говорилось уже о том, что общий объем иерархической власти в Церкви составляют троякого рода божественные полномочия: власть учительства, власть священнодействия и власть церковного управления. Важнейшей из них признается власть священнодействия, или собственно-священническая власть, которая, соответственно ее главному назначению, состоящему в освящении верующих дарами благодати, называется также «иератической»².

Освящение человека в Церкви может совершаться многими способами. Вся наша церковность, то есть богослужение, обряды, молитвы, песнопения, — есть, в некотором смысле, «дыхание Духа Божия» (мысль о. Иоанна Сергиева-Кронштадтского). Церковно-богослужебная внешность, говорит еп. Исидор, служит, в известной мере, посредством божественной благодати. «Несомненно, что и чрез нее Бог подает нам Свою помощь, возбуждает покаянно-религиозное чувство, укрепляет духовную жизнь, дает подспорье в борьбе со страстями, облегчает крест нашей жизни, производит радостное христианское настроение, подъем духа и т. п.»³. Однако, по неизменному убеждению и верованию Церкви, основанному как на Священном Писании, так и на апостольском предании, ни проповедь, ни молитва, ни богослужебные обряды не достаточ-

¹ Исповедь бывшего английского протестанта. «Духовная беседа», 1858, № 42, стр. 84.

² Термин этот предложен Освальдом. См. Соколов И. П. Учение Римско-Католической Церкви о таинстве священства, стр. 21.

³ Епископ Исидор (Богоявленский). Православный символ веры. Ч. III, Таллин, 1946, стр. 265.

ны для глубокого внутреннего обновления человека, для такого преобразования его духовной природы, в результате которого открывается возможность: христианину «крепко утвердиться Духом (Божием) во внутреннем человеке», а Христу — «верою вселиться в сердца наша» (Ефес. 3, 16—17). Церковь Христова, кроме упомянутых выше вспомогательных средств сообщения благодати, располагает еще более совершенными и действенными средствами освящения, носящими название святых таинств. «Господь, обещавший с нами быть до века, — говорится в «Послании восточных патриархов», — хотя находится с нами и под другими образами благодати и Божественных благодеяний, но... сообщается с нами особенным образом, пребывает и соединяется с нами посредством священных Таинств»¹. «Всякий, кто приступает к сим Таинствам, как должно, есть истинный и природный член в Церкви Божией, и по благодати сын Божий»².

Таинство, по определению «Православного Исповедания», есть установленное Господом нашим священное действие, которое под видимым каким-либо образом душе верующего сообщает невидимую благодать Божию»³. Определение это, довольно близкое к известной формуле: *sacramentum est visibilis gratiae invisibilis forma*⁴, не отличается достаточной полнотой, вследствие чего православные богословы-догматисты, желая точнее выразить общеправославное понятие о таинствах, указывают на дополнительные существенные признаки этих последних (т. е. таинств). Справедливо указывают, например, на то, что в таинствах подается не «благодать вообще», но что каждое из таинств сообщает совершенно определенное благодатное дарование (или целый ряд определенных, частных, даров Духа Святого)⁵. Зато вряд ли можно признать удачной попытку использовать одно выражение из «Послания восточных патриархов» с целью четко отграничить таинства от простых священнодействий. В 15-м члене этого послания имеется следующее утверждение: «Мы признаем их (т. е. таинства) орудиями, которые необходимо действуют благодатию на приступающих к оным». Проф. В. А. Соколов, стремясь выяснить православное понятие о таинствах и указать ясный признак, по которому можно было бы безошибочно отличить таинства от некоторых сходных с ними по внешней форме священнодействий, не имеющих священно-таинственного характера, решил опереться на приведенное нами место из «Послания восточных патриархов», обратив особое внимание на выражение «необходимо действуют». Противопоставив семи святым таинствам священнодействие великого освящения воды святых богоявлений, в котором, по его выражению, «желающий может, пожалуй, найти все признаки таинства», и которое, тем не менее, есть «лишь простой обряд», — проф. В. А. Соколов говорит вслед за этим следующее: «По верованию Православной Церкви, таинства суть орудия, которые необходимо действуют благодатию на приступающих к оным. В этом непременном действии Божественной благодати заключается великое преимущество таинств и их существенное (!?) отличие от обрядов, в которых, хотя бы молитвенно и призывалась благодать Божия, нет, однако, несомненного удостоверения (?) в том, что она действительно сообщается»⁶. С этим рассуждением, конечно, никак нельзя согласиться. Хотя великое освящение воды, а также освящение епископом пре-

¹ Послание восточных патриархов. Член 10-й.

² Православное Исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. Отв. на вопр. 101-й.

³ Православное Исповедание. Отв. на вопр. 99-й.

⁴ Формула эта, как и следующая — *sacramentum est visibile signum invisibilis gratiae Dei*, — составлена из выражений, встречающихся в творениях блаж. Августина.

⁵ Еп. Гермоген. О святых таинствах Православной Церкви. СПб., 1904, стр. 8.

⁶ В. Соколов. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 264—266.

стола или антиминса и не являются таинствами, однако никто из молящихся никогда не допустит столь странной мысли, что при этих священнодействиях, возможно, и не сообщается благодать, так как на этот счет нет «несомненного удостоверения». Напротив, каждый из них будет твердо убежден в факте ниспослания Божественной благодати, слыша такие слова епископа или священника, как, например, следующие: «Сам убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего Духа, и освяти воду сию» (Из чинопоследования великого освящения воды), или: «Исполни славы и освящения и благодати жертвенник Твой сей, яко да претворяти яже на нем приносимыя Ти бескровныя жертвы в пречестное Тело и честную Кровь великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (Из чинопоследования освящения храма). Называя святые таинства «орудиями, необходимо действующими благодатию на приступающих к оным», составители «Послания» имели в виду вовсе не ту цель, чтобы указать признак, отличающий таинства от прочих священнодействий Церкви. Они, как это ясно видно из контекста, хотели прежде всего решительно подчеркнуть, что таинства (разумеется, законно совершаемые) *действены* не в силу одного лишь субъективного настроения лица, приступающего к ним (как мыслят многие протестанты), а прежде всего по причине *действительно присутствующей* в таинстве благодати Божией, которую приступающие могут принимать достойно или недостойно, с пользой для души или, напротив, во осуждение, но принимают *необходимо*, раз они решили приступить к таинству. Кроме того, называя таинства «орудиями», действующими благодатию, авторы «Послания» хотели также обратить внимание на недостаточность распространенного преимущественно на Западе наименования таинств «знаками» благодати (католические выражения *signum sacram, signum rei sacrae*¹ и др.; лютеранское: «знаки и свидетельства Божественной воли о христианах, назначенные для возбуждения и укрепления веры в пользующихся ими»²; англиканское: «знаки благодати и Божия к нам благоволения»³) и подчеркнуть, что таинства «не суть только знаки обетований Божиих», но что их гораздо лучше определять как «орудия, которые необходимо действуют благодатию на приступающих к оным».

Из новейших попыток как-то уточнить понятие таинства отметим следующее определение, сделанное д-ром Н. Зерновым (Западноевропейский экзархат Московской Патриархии): «Таинства суть корпоративные действия Церкви, которые осуществляют Царство Святой Троицы посредством единения во Христе и духовного возрождения их участников. Они достигают этой цели путем освящения благодатию Святаго Духа определенных веществ (воды, хлеба, вина, елея, мира) и через принятие ответственности за доброе направление и спасающий характер вновь устанавливаемых отношений (Церковь и личность, муж и жена, пастырь и пасомые)» — см. сборник «Ways of Worship», London, 1951, p. 31.

Относительно числа таинств в «Послании вост. патриархов» говорится: «Веруем, что в Церкви есть Евангельские таинства, числом семь. Ни менее, ни более сего числа таинств в Церкви не имеем» (член 15-й). Слово «Евангельские» употреблено здесь не в узком смысле, т. е. не означает того, что вполне ясные указания на все семь таинств можно найти в четырех канонических евангелиях. Под «Евангелием» подразумевается здесь вся полнота апостольского благовестия, преподанного

¹ И. П. Соколов. Учение Римско-Католической Церкви о таинстве освящения, стр. 209.

² Н. Терентьев. Лютеранская вероисповедная система по символическим книгам лютеранства. Казань, 1910, стр. 293.

³ «Articles of Religion», art. XXV.

Церкви «или словом, или посланием» (2 Сол. 2, 15) для неуклонного соблюдения. Подробные наставления касательно существа всех семи таинств и важнейшие указания относительно образа их совершения были получены апостолами, несомненно, от Самого Господа Иисуса Христа, и, главным образом, — в тот период, когда Он, по воскресении Своем, «в продолжении сорока дней являлся им и говорил о Царствии Божием» (Деян. 1, 3), т. е. об устройении Церкви. Передавая учение о таинствах из рода в род, Церковь далеко не все излагала в письменах, считаясь с возможностью поругания над священнейшими Тайнами веры и осмеяния их со стороны язычников, а также оберегая свои таинства от недостойного подражания, всякого рода заимствований и извращения со стороны еретических обществ. Этим же благоразумным обычаем древности — «охранять святыню таинств молчанием» (τὴν μυστηρίων τὰ ἁγίων σιωπῇ διασώζουσα) ¹ объясняется и отсутствие у отцов и учителей древней Церкви нарочитого систематического изложения учения о семи таинствах. Однако наличие в Священном Писании многих мест, ясно указывающих на существование в апостольской Церкви всех семи таинств, а также знаменательный исторический факт единодушного признания именно этих семи таинств не только Православной и Римско-Католической Церковью, но и всеми обществами несториан и монофизитов, отпавшими от вселенского единства в V столетии, — свидетельствуют о том, что учение о седмиричном числе таинств есть неприкосновенное достояние неразделенной древневселенской Церкви, или такое учение, к которому без сомнения приложимо известное определение: *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est*.

Не делая попытки дать исчерпывающее определение понятия таинства, отметим, однако, два весьма существенных признака этого понятия:

1) Дар благодати, преподаваемый в том или другом таинстве, производит весьма глубокое и действенное преобразование духовной природы христианина, должным образом приступающего к этому таинству. Оно не ограничивается тем общим «освящением», или «очищением душ и телес», которое испрашивается, например, в священнодействии великого водоосвящения для защиты человека от всякого рода более или менее внешних осквернений и приражений: известно, что «великой агиасме», т. е. богоявленной воде, Святая Церковь усваивает силу «освящать, очищать грехи, исцелять душу от страстей и тело от болезней, подкреплять человека на пути к жизни вечной и отгонять наветы видимых и невидимых врагов» (прот. М. Богоявленский. Об освящении воды. «Духовная беседа», 1860, № 2, стр. 37). — Нет, оно (благодатное действие таинства) проникает до самых тайников сердца, озаряет все существо человека и оставляет в душе его свой глубокий опасительный след. «Не знаете ли, — говорит апостол, — что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа?» (1 Кор. 6, 19). Даже впадение в тяжкие грехи, хотя и «опечаливает» Духа Божия ², но не вовсе отчуждает человека от Бога и не совершенно лишает его ранее полученного (в свв. таинствах) освящения. По причине столь великой действенности благодати, сообщаемой в таинствах, тело благочестно скончавшегося христианина, участвовавшее, при жизни, в теснейшем единении его души со Христом, особенно чрез приобщение Св. Таин Тела и Крови Христовых, — Церковь удостоивает при погребении особых почестей, как-то возложения венчика на чело умершего, возжжения светильников около

¹ Св. Василия Великого из 27-й книги о Св. Духе — к Амфилохию (правило 91-е).

² «Много бо согреших, и осквернихся, и опечалих Духа Твоего Святаго...» Молитва 4-я из последования ко Св. Причащению (Симеона Метафраста).

гроба, каждения и т. д.¹ Глубокий след благодатного освящения, при-
суший, строго говоря, каждому из семи таинств, в особенности харак-
терен для тех из них, которые признаются Церковью неповторяемыми
и налагающими на душу человека как бы некую «печать» (крещение²,
миропомазание³) или сообщающими ей особый «благодатный характер»
(священство)⁴.

2) Все семь таинств жизненно необходимы для самого бытия Церк-
ви, а следовательно и для спасения человечества, так как они соответ-
ствуют всем коренным духовным потребностям как индивидуальной
жизни христианина, так и общей жизни Церкви, этого единого мисти-
ческого тела Христова. «Не каждое таинство, — говорит еп. Евсевий, —
непосредственно необходимо для каждого члена Церкви, чтобы полу-
чить ему спасение; но в целой Церкви Христовой, как едином теле, все
таинства необходимы... Все таинства имеют целью устроение спасения
верующих во Христа»⁵.

Чрез крещение человек рождается в жизнь духовную, христиан-
скую; чрез миропомазание он получает силы, необходимые для укреп-
ления в новой жизни; в причащении верующий всегда находит Боже-
ственную пищу и литие для постоянного возрастания в духовной жизни;
таинство покаяния предоставляет ему очищение от грехов; елеосвяще-
ние дает ему исцеление и от болезней телесных... Таинство брака освя-
щает благодатию Божиею союз христианских супругов для укрепле-
ния их духовного единения, а также для поддержания и постоянного
распространения Христовой Церкви чрез естественное рождение детей
Таинство священства дает Церкви пастырей и учителей и совершителей
таин Божиих, для руководства всех христиан к вечной жизни⁶.

Наконец, говоря о таинствах, необходимо отметить, что Православ-
ная Церковь со всей решительностью отвергает всякую возможность
действительного совершения таинств не только мирянином, но и диа-
коном, занимающим низшую степень богоучрежденной иерархии —
степень служителя таинств, но не их совершителя. Единственное исклю-
чение составляет в этом отношении таинство крещения, которое в слу-
чае крайней необходимости может совершить и мирянин⁷, но только
православный и понимающий важность Божественного крещения
(«Посл. вост. патриархов», член 16-й); впрочем такое крещение, в слу-

¹ «На тело брата почившего взирают как на храм, освященный благодатию»
См. прот. Г. С. Дебольский. Попечение Православной Церкви о спасении мира
СПб., 1894, стр. 515 и далее.

² Св. Кирилл Иерусалимский писал: «Великое дело — предстоящее кре-
щение, оно — искупление пленных, оставление прегрешений... святая нерушимая пе-
чать» (Слово предогласительное, § 16).

³ Сама совершительная формула таинства миропомазания («Печать дара Духа
Святаго»), ясно указанная в 7-м правиле II Вселенского Собора, вполне согласуется
с выражением апостола: «Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший
нас (есть) Бог, который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши»
(2 Кор. 1, 21—22).

⁴ «Тот, кто вчера и прежде был одним из многих, одним из народа, вдруг оказы-
вается... совершителем сокровенных таинств...» «Нисколько не изменившись по телу
или по виду», он «некоторой невидимой силой и благодатью преобразуется, по неви-
димой душе, к лучшему». Св. Григорий Нисский. Творения в русск. пер., изд.
Моск. дух. акад. Москва, ч. 8-я, 1871, стр. 6—7.

⁵ Епископ Евсевий (Орлинский). Беседы о семи спасительных таинствах
Православной Кафолической Церкви. СПб., 1849, стр. 7.

⁶ Епископ Исидор (Богоявленский). Православный Символ веры. Таллин,
1946, стр. 283.

⁷ Православное Исповедание. Отв. на вопр. 103-й; Номоканон при Большом тре-
бнике, ст. 204. Такое снисхождение Церкви, основанное, несомненно, на апостольском
дозволении, объясняется исключительным значением таинства крещения, как «врат в
Церковь» (Иоан. 3, 5), без вхождения в которые невозможно спасение человека
Известие о дозволении совершать крещение в крайнем случае мирянину находим
впервые у Тертуллиана: «О крещении», XVII. Ср. Дебольский Г. С. Попечение
Православной Церкви..., стр. 97—98.

чае выздоровления крещенного, требует обязательного выполнения священником¹.

Согласно неизменному верованию Церкви, все таинства совершает Сам Бог, руками законно поставленных епископов и священников. Св. Киприан Карфагенский говорит, что священники, которых поставляет Сам Бог, одни только и имеют право совершать установленные Богом в Церкви для подаяния другим благодати Св. Духа священнодействия, на что если бы кто из чуждых священства покусился, то повинен был бы суду, какому подверглись Дафан и Авирон, наказанные за незаконное присвоение власти священнодействия². В частности относительно Св. Евхаристии Церковь утверждает, что «сего Таинства никто другой не может совершать, какая бы ни случилась необходимость, кроме законного священника» (Прав. Исп. Отв. на вопр. 107). В «Известии учительном» при Служебнике читаем: «От мирского не священного, но простого человека, такожде и от клирика и от диакона и иподиакона, кроме правильного иерея, тайна Св. Евхаристии никогда же освятится. Ибо ничтоже того священства совершит, и в тяжкое осуждение и в грех святотатства дерзнувший впадет».

Не имея законных пастырей, христиане остаются, таким образом, без освящения. Таинство священства «дает рукоположенному то великое значение, что, хотя и недостойный, он в совершении своего таинственного служения действует уже не от себя, но от всей Церкви, т. е. от Христа, живущего в ней. Если бы прекратилось рукоположение, прекратились бы все таинства кроме крещения, и род человеческий оторвался бы от благодати»³.

*

В XXV члене англиканского веронизложения говорится: «Согласно Евангелию, Господом нашим Иисусом Христом установлены два таинства: крещение и причащение. Остальные же пять, обычно также именуемые таинствами, а именно конфирмация, покаяние, священство, брак и елеосвящение, не могут считаться евангельскими таинствами (Sacraments of the Gospel), ибо они возникли частью от неправильного подражания апостолам (of the corrupt following of the Apostles), частью как состояния жизни, дозволенные в Писании (states of life allowed in the Scriptures); они по природе своей не одинаковы (have not like nature) с таинствами крещения и причащения, потому что не имеют никакого видимого знака или священнодействия, установленного Богом».

Согласно утверждениям многих англиканских богословов, в приведенном нами тексте XXV члена не должно видеть полного отрицания у перечисленных пяти священнодействий (миропомазание, покаяние и след.) их таинственного значения. Англиканская Церковь, говоря эти богословы, не все таинства признает равными по их существу и значению и самое понятие о таинстве употребляет иногда в строгом, а иногда в более широком смысле. Под таинством в строгом смысле она понимает «внешний и видимый знак дарованной нам внутренней и духовной благодати, установленный Самим Христом, как средство, при помощи которого мы получаем оную, и как залог, уверяющий нас в этом». Таинства в строгом значении — «всеобщие-необходимы для спасения» (generally necessary to salvation), так как с ними соединено обетование отпущения грехов, освящения и соединения во Христе. Только крещение и евхаристия обладают теми признаками, какие заключаются в строгом определении таинства, а именно: только они

¹ О должностях пресвитеров приходских, § 84.

² Письма св. Киприана: а) к Антонину, о Корнелии и Новациане; б) к Юбаяну, о крещении еретиков.

³ А. С. Хомяков, Соч., т. II. М., 1900, стр. 15.

имеют видимый знак, установленный Самим Христом Спасителем; только они «всеобще-необходимы», т. е. всякому человеку необходимы для спасения, и с ними соединено обетование оправдания и отпущения грехов. Только их поэтому Англиканская Церковь и признает таинствами по преимуществу, таинствами «евангельскими», и выделяет их из ряда всех прочих. Остальные пять таинств, согласно толкованию богословов, также могут быть названы «таинствами», хотя и не-евангельскими: они сообщают невидимую благодать, но их видимый знак не установлен Самим Христом Спасителем и не засвидетельствован, как таковой, в Евангелии; кроме того, они не необходимы для всех без исключения людей и сообщают не оправдание и отпущение грехов, а иные, необходимые в частных случаях жизни дары благодати¹.

Что можно сказать о всех такого рода рассуждениях? Думается, что они не имеют под собой достаточно твердой почвы.

Члены Религии не знают никаких других истинных таинств, кроме «евангельских», к каковым и причисляют только крещение и причастие. Об остальных же пяти XXV член отзывается с очевидным пренебрежением: он не только называет их «обычно также именуемыми» (*commonly called*) таинствами, но и указывает, что некоторые из них (по-видимому, конфирмация и елеосвящение²) возникли от неправильного подражания апостолам, а другие (вероятно, брак и священство) имеют значение лишь для частных случаев, когда речь идет о «дозволенных» Писанием состояниях. Известно, что еще вожди реформации соглашались называть «таинствами» в широком смысле самые различные действия и обряды, в том числе изображение креста, омовение ног, освящение воды и т. д.³

Поэтому когда пять таинств объявляются англиканами «в некотором смысле таинствами», только не-евангельскими, не главными, а дополнительными, — то это скорее всего означает приравнивание их по значению к множеству других церемоний и церковных обрядов. Это очевидно уже из того, что англиканские богословы, вместе с прочими протестантами, отрицают седмиричное число таинств. Они держатся мнения, что «ни один из святых отцов никогда не выделял в одну группу те семь обрядов, к которым одним в позднейшую пору средних веков Петр Ломбард и схоластики стали прилагать название «таинства»⁴.

Из сравнения православного учения о таинствах с англиканским очевидно, что англиканская церковь, отвергнув древневселенское верование касательно седмиричного числа богоучрежденных и спасительных таинств, заменила его собственной теорией, в основании которой лежит произвольное разделение таинств на евангельские и не-евангельские, главные и дополнительные⁵. Вместе с тем самые определения таинств, не только так называемых «церковных», но и «евангельских» (т. е. крещения и причастия), не отличаются у англикан должной определенностью. «Таинства, установленные Христом, суть не только отличительные признаки христианства, но, главным образом, несом-

¹ В. Соколов. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 254—256.

² Т. Серединский. Общественное богослужение у протестантов. Рига, 1889, стр. 21.

³ Burnet. The history of the Reformation of the Church of England. Vol. I. Record., p. I. b. III, № XXI, London, 1681. См. ответы Кранмера, архиеп. Кентерберийского, на 4-й вопрос.

⁴ Ф. В. Пуллер. Непрерывность Английской Церкви. Пер. И. П. Соколова. СПб., 1913, стр. 57.

⁵ Архиепископ Йоркский Маклаган, посетивший Россию в 1897 г., на вопрос: «Признает ли Англиканская Церковь все 7 таинств?» ответил: «Да, она признает все 7 таинств, но только 2 из них считает главными, а остальные 5 — дополнительными». См. «Богословский вестник», 1898, янв., отдел IV. «Русскому вестнику». По вопросу об англиканской иерархии (статья В. Соколова), стр. 153.

ненные подтверждения и действенные знаки благодати и Божия к нам благоволения, чрез которые Бог невидимо действует на нас, не только возбуждая, но и укрепляя нашу веру в Него» (член XXV). Невидимо действует! Как, каким способом? Неужели только возбуждая и укрепляя нашу веру? Но в таком случае чем отличается англиканское понятие о таинствах от лютеранского, согласно которому таинства «установлены не только для того, чтобы служить отличительными признаками (христианина), но и еще более для того, чтобы быть знаками и подтверждениями Божественной воли о нас, назначенными для возбуждения и укрепления веры в тех, кто пользуется ими» (Confessio Augustana, art. XIII)?

Словом, с точки зрения православного богослова, англиканское учение о таинствах нуждается в уточнении и исправлении, ибо в своей нынешней официальной форме оно, по справедливому замечанию проф. А. Булгакова, «носит все признаки общего протестантского учения об этом предмете»¹.

*§ 4. Таинство священства. Непрерывность преемства
епископских посвящений, как непрременное условие
действительности хиротоний. Избрание и посвящение*

Получив от Господа полноту иерархической власти, свв. апостолы не только сами пользовались ею для блага Церкви, но и поставляли, в качестве своих непосредственных преемников, предстоятелей — епископов основанных ими церквей. Так были чрез рукоположение с молитвой поставлены: св. Тимофей (1 Тим. 4, 14; 5, 22) — к пастве ефесской, св. Тит (Тит 1, 5) — к Церкви Крита и многие другие епископы первенствующей Церкви. Заботясь о сохранении в Церкви законного иерархического преемства, апостолы заповедали этим своим первопреемникам передавать чрез таинственное рукоположение божественную власть епископства и другим нарочито избранным и приготовленным людям (2 Тим. 2, 2). С тех пор в Церкви никогда не оскудевала истинная, законная, богоучрежденная иерархия, восполнение которой происходило исключительно чрез преемственное епископское рукоположение.

Нельзя исказить понятие преемства, понимая его исключительно в отвлеченно-духовном смысле, то есть в смысле чисто идейного последования апостольскому учению и практике. С такой глубоко ошибочной точки зрения любой мирянин, пришедший к убеждению, что он вполне, якобы, проникся духом апостольской проповеди, уже вправе считать себя правомочным апостольским «преемником». Такого «преемства» никогда не знала и никак не может допустить и признать истинная Церковь Христова. Она знает только «другдругопримательное», не только идейно, — но и фактически, так сказать, «материально» — непрерывное преемство епископских рукоположений. При этом и самое рукоположение признается не за простой, в подражание апостолам сохраняемый, символ наделения избранника полномочиями от той или иной общины верующих, а за безусловно необходимый, установленный и завещанный чрез апостолов Самим Богом, акт передачи (transmission) божественной власти священнослужения, — власти, пер-

¹ И. П. Соколов. О действительности англиканской иерархии. СПб., 1913, стр. 46.

Интересно отметить, как думали о таинствах протестантствующие англиканские епископы времен Реформации. Епископ Глостерский Джон Гупер учил, что таинства суть лишь утверждение обетований Христовых; обетования Божии уже осуществлены над теми, кто приступает к таинствам. Считать таинства необходимыми для спасения, значит, по Гуперу, допускать безбожную мысль, отрицающую благодать Божию. — А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии, стр. 51.

воначально дарованной апостолам и с тех пор неоскудно пребывающей в законной церковной иерархии (2 Тим. 1, 6). «Признаваемая необходимость епископского рукоположения, — говорит митрополит Московский Филарет, — предполагает в нем более, нежели только обряд. Это, в сущности, есть таинственное действие благодати; это есть ток иерархической благодати, излившийся на апостолов сошествием Святого Духа, простирающийся от рода в род, из века в век, чрез преемственные рукоположения, сообщающий рукополагаемым епископам дарование Божие, оттоле живущее в них (1 Тим. 4, 14) и тайнодействующее в Церкви. От сей полноты дарования Божия епископ своим рукоположенным преподает в меньшей мере благодать священства, необходимую для низших степеней иерархии, так что без епископства не было бы ни пресвитерства, ни диаконства. В сем-то значении епископского рукоположения оказывается необходимой непрерывность его: потому что с пресечением рукоположения пресекается ток иерархической благодати, и рука, не орошенная благодатию свыше, не может передать другим того, чего сама не приняла. При таком таинственном значении рукоположение епископства и пресвитерства, так сказать, само себе нарекает имя таинства»¹.

Наиболее ясно о «другдругопримательном» преемстве епископов в древней Церкви свидетельствуют Тертуллиан и св. Ириней Лионский. «Пусть покажут, — говорит Тертуллиан, — имея в виду еретиков, — начала своих церквей и объявят ряд своих епископов, который продолжался бы с таким преемством, чтобы первый их епископ имел своим виновником или предшественником кого-либо из апостолов, или мужей апостольских, долго обращавшихся с апостолами. Ибо церкви апостольские ведут свои списки (епископов) именно так: Смирнская, например, представляет Поликарпа, поставленного Иоанном; Римская — Климента, рукоположенного Петром; равно и прочие церкви указывают тех мужей, которых, как возведенных на епископство от самих апостолов, имели они у себя отраслями апостольского семени» (*De praescr. haereticorum*, 32). Совершенно очевидно, что при чисто «духовном» преемстве не было бы никакой надобности проверять всю цепь преемства, тщательно наблюдая за тем, чтобы в ней не было никакого перерыва. Подобно Тертуллиану рассуждает и св. Ириней (Против ересей, III, 3, 1—3), который, в качестве примера, приводит и перечень имен всех римских епископов, начиная от Лина, рукоположенного апостолами, и кончая современником св. Ириней папой Елевферием. У св. Ириней находим и предупреждение о недопустимости какого-либо иерархического или иного церковного общения с нарушителями апостольского преемства. «Надлежит, — пишет он, — следовать в Церкви тем, которые, как я показал, имеют преемство от апостолов и вместе с преемством епископства по благоволению Отца получили известное дарование истины; прочих же, которые уклоняются от первоначального преемства... иметь в подозрении. Все таковые отпали от истины... От всех таковых надлежит удаляться» (Против ересей, IV, 26, 2, 4).

Православная Церковь четко различает действие иерархического избрания от сакраментального акта посвящения избранных. Избрание известных лиц на иерархические должности есть дело человеческое, необходимое для того, чтобы в Церкви Божией все совершалось «благопристойно и чинно» (1 Кор. 14, 40) и чтобы предназначенные к высокому пастырскому служению «имели доброе свидетельство от внешних» (1 Тим. 3, 7). Правда, и в самом избрании Церковь склонна усматривать некое проявление воли Божией: так, например, св. Игнатий Богоносец, указав филадельфийцам на важность общения с епис-

¹ О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви. «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 86—87.

копом, пресвитерами и диаконами, говорит, что лица эти «поставлены изволением» (по другому переводу: «указаны по мысли»); ἀποδείκνυται ἐν ᾧ (Иисуса Христа (К филиладельфийцам, вступление). Однако избрание далеко не тождественно с поставлением чрез рукоположение, подобно тому как и избрание Христом апостолов, в числе которых был и Иуда Искариотский, не было тождественным с поставлением, которое апостолы получили впоследствии чрез дуновение Христова (Иоан. 20, 22—23) ¹. Иерархическое же поставление или рукоположение, по свидетельству Климента Александрийского, считалось в Древней Церкви делом Божиим (Строматы. Кн. VI, § 13). Св. Амвросий Медиоланский говорит: «Кто дает благодать епископства: Бог или человек? Без сомнения, ответишь — Бог. Но Бог дает ее чрез человека. Человек возлагает руки, а Бог изливает благодать» (О священническом достоинстве, 5).

Именно благодаря божественности совершаемого апостольскими преемниками рукоположения акт этот имеет столь важное значение, что без него никто не может стать действительным епископом, священником или диаконом, хотя бы и обладал всеми необходимыми для прохождения этих служений знаниями и личными достоинствами. Ориген сравнивает таких нерукоположенных лиц с людьми, которые, хотя и хорошо знают врачебное искусство или искусство кораблевождения, однако, не получив соответствующих прав, не могут быть ни врачами, ни кормчими (Беседа на кн. Левит. 6, 2, 7). Но если врач или кормчий получают права своего звания в результате простого формального признания компетентными лицами достаточности уже присущих им знаний и навыков, то избранный или предназначенный к пастырству становится истинным и призванным от Бога (Евр. 5, 4) священнослужителем только чрез таинство рукоположения, сообщаящее ему и божественное право на священнослужение (ἐκουούσα) и особую божественную силу и власть, т. е. благодать священства (ἡ τῆς ἐκουούσης χάρις), без которой невозможно никакое совершение священнодействий и таинств, никакое участие в раздаянии вверенных Церкви благодатных даров Св. Духа.

*

Ни в Членах Религии, ни в Книге общих молитв нет упоминаний о священстве, как таинстве. На основании ряда выражений, употребленных составителями Чина посвящений, можно, правда, прийти к убеждению, что Англиканская Церковь признает благодатное значение своей иерархии, но отсюда еще очень далеко до православного учения о священстве как таинстве, и утверждение проф. В. Соколова о том, что в англиканском Ординале развито учение, «по которому рукоположению придаются все признаки таинства» ², приходится признать слишком поспешным. «Умопредставление о священстве, усвояемое Церкви идеально,—говорили высокоцерковники на Оксфордском съезде богословов,—пребывает во всей совокупности тела Христова (т. е. Церкви) и во всех ее членах, как участниках; но некоторые отдельные лица выделены, а другие не выделены из общества, для того, чтобы быть представителями ее (т. е. Церкви) священства видимым (телесным) образом и пред всем обществом». Итак благодатная основа священства, по мысли англикан, находится в кандидате прежде, чем произойдет «выделение» его из общества, т. е. прежде рукоположения, поскольку священство идеально пребывает «во всех членах» Церкви. В чем же, в таком случае, состоит существо акта рукоположения?

¹ Ср. епископ Сильвестр. Опыт православного догматического богословия. Т. IV (издание 2-е). Киев, 1897, стр. 365—366.

² В. Соколов. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 252.

«Основное значение возложения рук,— отвечают на этот вопрос богословы-высокоцерковники,— есть низведение благословения от Бога или призывание Бога для низведения благословения. Само по себе (*per se*) оно *не включает передачи*, перенесения (*transmission*) (разумеется: передачи достоинства, или священства); однако благословение на совершение священнослужения не может быть (по божественному праву — *divinely*) преподано без рукоположения и может быть преподано только теми, которые получили полномочие для преподавания его»¹. Значит, хотя Англиканская Церковь и выражает в молитвах Чина посвящения «твердую веру свою, что, по ее молитвам и в силу дарованных ей полномочий, рукополагаемый действительно получает при возложении рук «благодать Божию» и «Духа Святого»»², тем не менее даже представители High Church не усматривают в акте хиротонии передачи рукополагаемому благодати священства, т. е. чрезвычайной божественной силы и власти, которой нет у простого мирянина. Сообщение благодати Божией при рукоположении мыслится англиканами лишь как низведение благословения Божия, необходимое потому, что рукополагаемый нуждается в Божественном содействии для достойного прохождения своего высокого служения.

Напрасно мы стали бы искать в символических книгах англиканства и ясно выраженного учения о преемстве епископских рукоположений. «Лица, поставляемые на церковное служение,— говорит В. Соколов,— в англиканском чине посвящения представляются прямыми преемниками тех апостолов, пастырей и учителей, которых поставил Сам Бог»³. Справедливо. Но какими преемниками? Преемниками не в сохранении непрерывного «тока иерархической благодати» (выражение митрополита Филарета), а лишь в роде служения⁴. Такого рода преемство признается, как известно, и самыми крайними протестантами. Характерно также, что, представляя рукополагаемых преемниками апостолов, пастырей и учителей первенствующей Церкви, чин посвящения обходит молчанием вопрос о преемстве рукополагателей, покаявая этим, что в англиканстве не придается должного значения безусловной непрерывности преемства епископских посвящений.

Учение Древней Церкви о непрерывности апостольского преемства в ряду епископских рукоположений встретило себе, еще во времена Елизаветы Тюдор, значительное противодействие даже в среде англиканских епископов. Так, Джуэлль, еп. Солсберийский (1559—1571), решительно утверждал, что «благодать Божия по обетованию не привязана к епископским кафедрам или к непрерывному от апостолов преемству епископов», что она «обетована только людям, боящимся Бога», что Церковь Англиканская «основана не на отцах, которые погрешали, а на апостолах»⁵. Епископ Глостерский Джон Гупер открыто издевался над мыслью об основании Церкви Христовой на непрерывном преемстве епископства⁶. С тех пор прошли столетия, а враждебное отношение к самой идее апостольского преемства рукоположений можно по-прежнему встретить даже среди английских епископов. На Гриндельвальдской церковно-объединительной конференции 1892 года, выступая перед представителями различных протестантских церквей и сект, епископ Вустерский (или Уорчестерский) Пероун, известный своими низкоцерковными воззрениями, заявил: «Я готов вместе с вами отречься от того, что представляется мне одним из самых чудовищных

¹ А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии. Вып. 1, Киев, 1906, стр. 118.

² В. Соколов. Иерархия..., стр. 218.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Ср. А. Я. Рождественский. Все ли три степени..., стр. 12.

⁵ А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии. Вып. 1, Киев, 1906, стр. 63—64.

⁶ Там же, стр. 50.

учений (!), — т. е. что если вы, как священнослужители, не можете довести вашего преемства при помощи преемства других в непрерывной линии к временам апостольским и к рукам апостольским, то вы не имеете ни действительного священства, ни действительных таинств. От всего сердца отрицаюсь от этого учения (*аплодисменты*)...»¹.

Приведем в заключение и высказывание богословов-высокоцерковников по вопросу о преемстве епископских рукоположений: «Авторитет апостолов был авторитетом живых посланников и представителей Христа, избранных, наученных, посланных и уполномоченных от Него... Их авторитет заключался в том, что они были свидетелями воскресения Христова, хранителями божественной истины, основателями и правителями общества (верующих) и раздавателями (*ministers*) божественных даров. Во всех этих отношениях их дело было продолжаемо непрерывно в христианском священнослужении... Апостолы являлись имеющими широкий, не иначе, как неограниченный, авторитет. Самое ясное место — это слова апостола и евангелиста Иоанна: «Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» (Иоан. 20, 21) и, с другой стороны, менее ясно (!?) выраженная мысль в Ефес. 2, 20: «Наздани бывше на основании апостол и пророк, сушу краеугольну Самому Иисусу Христу» и в Апок. 21, 14: «Стена града имеяше оснований дванадесять, и на них имен дванадесять апостолов агнчих...» Несомненно, что двенадцать, с присоединением апостола Павла, и весь лик их, — все они пользовались великим значением; но не ясно (?), что это значение было формальным правом (*jurisdiction*), распространяющим его непрерывно от поколения к поколению. События прошедшего могут быть так изображаемы (!), но не безусловно (*not necessarily*). В этом и заключается опасность утверждаться более на формальном общем представлении отношений, чем на живом действии Духа Божия»².

Таковы-то понятия некоторых представителей *High Church* об апостольском преемстве, учение о котором нередко считали одним из характерных признаков этого направления в англиканстве, в отличие от *Low* и *Broad Church*. При таких понятиях много ли сродного духу Православия можно найти в англиканских заявлениях о том, что «только те могли исполнять служение в Церкви, которые были поставлены к исполнению его властью апостольской, непосредственно ли, или посредственно?»³. Кажется, не очень много.

§ 5. *Таинство Евхаристии. Евхаристическое жертвоприношение, как существенная сторона священнослужения*

Средоточием всего христианского богослужения является литургия (*εὐχαριστία*), называемая обычно «Божественной литургией», вследствие того, что в состав этого общественного богослужения неотъемлемо входит совершение величайшего таинодействия — Св. Евхаристии, или, по крайней мере, причащение Св. Христовых Таин (как это бывает на литургии Преждеосвященных Даров).

Таинство Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, или Св. Евхаристия, по существу своему представляет «священнодействие Бескровной Жертвы»⁴, завершаемое «священной и духовной трапезой»⁵,

¹ Прот. Е. К. Смирнов. К старокатолическому вопросу. Харьков, 1894, стр. 51.

² А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии. стр. 119—120.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Молитва: «Никтоже достоин...» из чинопоследования Божественной литургии св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого («...и служебная сея и Бескровная Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех...»).

⁵ Молитва: «Тебе предлагаем живот наш весь...» из чинопоследования литургии св. Иоанна Златоуста («Сподоби нас причаститися небесных Твоих и страшных Таин, сея священных и духовных трапезы...»).

«трапезой Господней» (Κοινωνία δεῖπνον, 1 Кор. 10, 21), т. е. причащением пречистого Тела и животворящей Крови Божественного Агнца, закланного на кресте для искупления мира.

Таинство это, согласно учению Православной Церкви, «превосходит все другие (таинства), и более других содействует к получению нашего спасения» (Православное Исповедание. Часть 1-я. Отв. на вопр. 106-й). Оно превосходит прочие таинства, как неизжитком являемой в нем любви к нам Господа, так и чрезвычайным величием предлагаемого божественного дара. Господь Иисус Христос не только ниспосылает верующим — участникам Евхаристии дары благодати Св. Духа (как в иных таинствах), но вместе с тем непосредственно и осознательно являет им Свое личное присутствие, а причастников Тела и Крови Своих вводит в теснейшее единение с Собой, делает живыми храмами Животворящей и Нераздельной Троицы¹. Исключительная важность таинства Евхаристии очевидна из слов Самого Господа: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... пребывает во Мне, и Я в нем». «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Иоан. 6, 54, 56, 53). Христиане Древней Церкви всем сердцем стремились к неразлучному пребыванию со Христом и потому старались причащаться как можно чаще. На основании многих исторических свидетельств (находящихся в творениях Тертуллиана, св. Киприана Карфагенского, св. Василия Великого, в правилах Апостольских и Соборных и т. п.), можно считать, что до IV, а местами и до V века христиане придерживались ежедневного или почти ежедневного причащения.

По неизменному верованию Церкви, при совершении Евхаристии приготовленные для таинства хлеб и вино действием Духа Святого предлагаются (μεταβάλλονται), претворяются (μεταποιούνται) или пресуществляются² (μετουσιούνται) в истинное Тело и истинную Кровь Господа Иисуса Христа — то самое Тело, которое претерпело на кресте страдания и смерть за грехи людей, и ту самую Кровь, которая была пролита за нас на Голгофе. Нужно заметить при этом, что Православная Церковь отнюдь не считает, будто «внешняя сторона», то есть материя хлеба и вина, со всеми ее естественными качествами, при освящении уничтожается; но Она, согласно с словом Божиим (Мф. 26, 26, 28) и Священным Преданием, утверждает, что материя эта, будучи до пресуществления подлинным *существом* хлеба и вина, по пресуществлении нисходит по значению своему на степень «*вида*» или «*образа*», под которым нашему взору, и нашим внешним чувствам вообще, является истинное Тело и истинная Кровь Господа нашего Иисуса Христа». «По освящении хлеба и вина, — говорится в Послании восточных патриархов, — остаются уже не самый хлеб и вино, но самое Тело и Кровь Господни, под видом и образом хлеба и вина» (член 17-й)³.

¹ Отцы Карфагенского Собора 419 года, называя Св. Тайны «святынями Троицы» (τῆς Τριᾶδος τὰ ἁγίασματᾶ) говорили, что они «истинны и святы и божественны, и на них утверждается все упование души» (прав. 68-е).

² Термин «пресуществление» (μετουσίωσις) введен в употребление на Востоке патриархом Константинопольским Геннадием Схоластиком. Согласно разъяснению Константинопольского собора 1691 года, «слово это ничего другого не обозначает, как только предложение или претворение в таинстве». Митр. Макарий говорит, что слово «пресуществление» правильно и весьма сильно выражает самое существо древнего и постоянного учения Церкви о таинстве Евхаристии. — Проф. Бронзов А. Преложение и пресуществление. Петроград, 1916, стр. 16, 7, 3 и др. Ср. митр. Макарий Православно-догматическое богословие, т. IV, изд. 1852, стр. 203.

³ Известно, что митрополит Московский Филарет, которому Свят. Синодом было поручено перевести на русский язык догматические определения Иерусалимского Собора 1672 года, остался не совсем доволен греческой их редакцией и кое-что при переводе выпустил, а иное ради большей догматической точности выразил несколько иначе. В частности цитированное нами место не содержит некоторых схоластических

Если крестная смерть Господа Иисуса Христа была единократным и неповторимым принесением (Евр. 10, 10) в жертву Богу Отцу¹ естественного тела Богочеловека, то заповеданное Спасителем таинство Евхаристии есть многократное и непрестанно повторяющееся приношение уже претерпевшего спасительные страдания и смерть, но воскресшего и прославленного, Тела Христова, образуемого на алтарях Церкви непостижимым и преестественным образом.

Установителем и первым Совершителем бескровной евхаристической жертвы был Сам Господь Иисус Христос, совершивший это таинственное жертвоприношение на Тайной Вечери² и повелевший апостолам и их преемникам совершать то же самое таинство в качестве непрестанного живого воспоминания, как о Голгофской кровавой Жертве (1 Кор. 11, 26), так и о первой Евхаристии (1 Кор. 11, 23—25).

Жертва Голгофская и жертва евхаристическая находятся друг с другом в теснейшей и неразрывной связи. Чрез первую Господь совершил искупление всего человечества; во второй Он дарует нам возможность усвоить Его искупительные заслуги и плоды совершенного Им дела. Таким образом, Жертва Голгофская есть *основная*, дающая бытие жертве евхаристической³. Евхаристическая жертва не сама по себе имеет благодатную силу прощения и очищения, а получает ее от крестной жертвы Иисуса Христа. «Жертва Иисуса Христа подобна обильному и неиссякаемому источнику, из которого по различным направлениям текут изобильные ручьи. Кто жаждет, тот идет к ручью и пьет; кто осквернен, тот идет и, посредством омовения, здесь очищается. Слабеет ли слава источника оттого, что для омовения и питья идут к текущим из него ручьям? Нисколько. Так и евхаристические жертвы нисколько не умаляют славы Голгофской жертвы Иисуса Христа»⁴.

Необходимость евхаристической жертвы становится понятной из того обстоятельства, что спасение человека не совершается без его воли и участия. Христос, как вечный Первосвященник (Евр. 7, 17, 24), «однажды принеши в жертву Себя Самого» (Евр. 7, 27) на Голгофе, по силе этой Своей искупительной жертвы, «может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать

излишеств, допущенных в греческом тексте, который читается так: «μετὰ τὸν ἁγιασμόν τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου οὐκ ἔτι μένειν τὴν οὐσίαν τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου, ἀλλ' ἡτὸ τὸ σῶμα καὶ τὸ αἷμα τοῦ Κυρίου ἐν τῷ τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου εἶδει καὶ τύπῳ, ταῦτόν ἐστι πίνειν, ὑπὸ τοῖς τοῦ ἄρτου συμβεβηκόσιν».

Подчеркнутые выражения «существо» (οὐσία) и «акциденции» (συμβεβηκός) митр. Филарет отчасти опустил, отчасти заменил. (См. Kimmel E. J. Libri symbolici Ecclesiae Orientalis. Jenae, 1843, p. 458; ср. Послание восточных патриархов на русск. яз. Член 17-й.

¹ Точнее — Единому Тринипостасному Божеству. В определении Константинопольского Собора 1157 г. сказано: «Богочеловек Слово вначале во время владычных страстей принес Спасительную жертву Отцу, Самому Себе, как Богу, и Духу, от Которых человек призван от небытия к бытию, Которых он и оскорбил, преступив заповедь, с Которыми произошло и примирение страданиями Христа. Равным образом и теперь бескровные жертвы приносятся всесовершенной и усовершеншавшей Троице, и Она их принимает». См. «Богословские труды», сборн. 1-й, изд. Моск. Патр. 1960, стр. 93.

² Св. Григорий Нисский говорит, что Иисус Христос «не ожидал определения. Пилата, но неизреченным, таинственным и невидимым для людей образом священнодействуя, прежде взятия Своего на смерть, предварил по Своему всеведению насилье смерти, предавая Самого Себя в приношение и жертву за нас, Сам будучи Священником и вместе Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира». «Когда это было?» — спрашивает он вслед за этим, и отвечает: «Тогда, когда Он подал тело Свое в пищу ученикам; тогда Он ясно показал, что жертвоприношение Агнца уже совершилось» (1-е слово о воскресении Христовом). См. Олесницкий И. Символическое учение лютеран о таинстве Евхаристии. Каменец-Подольск, 1894, стр. 211. Или Творения св. Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871, стр. 38.

³ Н. Малюновский. Очерк православного догматического богословия. Изд. 2-е вып. 2, стр. 192.

⁴ И. Олесницкий. Символическое учение лютеран о таинстве Евхаристии.... стр. 188.

за них» (Евр. 7, 25). В евхаристической жертве и происходит необходимое соединение объективной основы спасения — Божественной Жертвы, т. е. истинного тела и истинной крови закланного за мир «непорочного и чистого Агнца» (1 Петр. 1, 19), — с субъективным волеизъявлением «приходящих чрез Него к Богу», то есть с твердой решимостью верующих — предать себя во всецелое послушание истине, последовать за Христом, стать соучастниками Его страданий (1 Петр. 4, 1, 13) и любви к людям (Фил. 2, 5; 1 Петр. 4, 8) и приобщиться к открывшейся в Нем для них вечной жизни (1 Иоан. 5, 11—12). Св. Ириней Лионский, говоря о бескровной евхаристической жертве, замечает, что она установлена не потому, что Бог в ней нуждается, но потому, что Он «хочет, чтобы мы делали это ради нас самих, дабы мы не были бесплодны» (Против ересей, IV, 18, 6). В евхаристическом жертвоприношении Христос Спаситель, являющийся и Архиереем и Жертвой¹, ходатайствуя за тех, ради кого совершается Евхаристия (т. е. за поминаемых на литургии членов Церкви, живых и умерших), как бы вновь и вновь представляет Божественному Правосудию живое и непреложное доказательство не только бесконечной жертвенной любви Божией к миру (Свои Тело и Кровь), но также и всепобеждающего действия этой любви в сердцах людей, откликающихся на призыв ко спасению (факт деятельного участия в Евхаристии Церкви, которую Господь Иисус Христос «стяжал Кровию Своею» (Деян. 20, 28) и которая повинуется Ему во всем (Ефес. 5, 24).

Евхаристия, как жертва, приносится Господом от лица Церкви. Главой которой Он является. Поэтому, в существе своем, Евхаристия есть *Жертва Церкви* (в отличие от Голгофской жертвы, принесенной лично Господом Иисусом Христом «за Церковь». Ефес. 5, 25). Это жертва прежде всего *хвалебно-благодарственная*, ибо, прославляя в евхаристических молитвах все неисчислимые благодеяния Божии, излинные на мир, выражая радость о своем спасении, радость, которой никто не может отнять у нее (Иоан. 16, 22)² — Церковь, руками своих пастырей, предлагает Богу в благодарность за Его любовь к нам лучшее, что только она имеет — безмерно великий и ценный в очах Божиих дар: Плоть и Кровь непорочного и чистого Агнца — Христа, ее Главы и Спасителя, возлюбившего Церковь и предавшего Себя за нее (Ефес. 5, 23, 25—27). Эта жертва есть вместе с тем и *умилюжительная*, ибо, предлагая Богу Св. Дары, Церковь молит Его о том, чтобы Он непрестанно возобновлял расторгаемый нашими грехами союз наш с Ним и примирялся с нами, а также с отшедшими от жития сего нашими братьями во Христе, «не ради правд наших», но ради Того, Кто есть «мир наш» (Ефес. 2, 14) и Кто утвердил Своею Кровию вечный завет мира со Своей Церковью (Лк. 22, 20). О величайшем умилютельном значении Евхаристии, в частности по отношению к умершим, наиболее ярко свидетельствует св. Иоанн Златоуст. «Да не обленимся, — говорит он, — помогать отшедшим и приносить за них молитвы; ибо предлежит общая для всего мира очистительная жертва...» (Беседа 41-я на 1 Кор.). «Не напрасно установлено апостолами, чтобы при страшных Тайнах мы поминали отшедших; от этого бывает им не малое приобретение, многая польза; ибо, когда люди стоят с воздетыми руками, предстопт собор священников и предлежит страшная Жертва, тогда можем ли не упросить за них Бога, возсылая к Нему моления?» (там же). Св. Евхаристия есть, наконец, жертва *просительная*, ибо Церковь дерзновенно молит Господа и о том, чтобы он «предлежащая»

¹ «Ты бо еси приносяй и приносимый, приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш...» См. молитву «Никтоже достоин...» из чинопоследования литургии св. Иоанна Златоуста.

² Св. Игнатий Богоносец говорит: «Кровь Иисуса Христа есть вечная и непрестающая радость для верующих» (Послание к Филадельфийцам, вступление).

(т. е. освященные Дары, принесенные Богу в жертву) «всем нам во благое изравнял, по коегождо своей потребе» (Молитва «Благодарим Тя, Царю невидимый...» из чинопоследования литургии св. Иоанна Златоуста), т. е. чтобы, приняв бескровную евхаристическую жертву, помянул всех ее участников («иже дары сия... принесших, и о нихже, и имиже, и за нихже сия принесоша»¹) с их многообразными нуждами, и на каждого из них излил свои милости, в виде тех или иных потребных им дарований.

Учение об Евхаристии, как бескровном жертвоприношении, содержится Церковью с самого начала ее существования. Что апостолы видели сущность Тайной Вечери именно в принесении на ней Господом Иисусом Христом Жертвы, видно из наставлений апостола Павла, содержащихся в его первом послании к коринфянам и касающихся поведения христиан в отношении Евхаристии. Бескровное жертвоприношение Богу, сопровождающееся причащением от чаши и трапезы Господней, апостол ясно противопоставляет языческим жертвоприношениям, заканчивающимся вкушением от чаши и трапезы бесовской (1 Кор. 10, 16—21).

Св. Иустин мученик говорит об Евхаристии, как жертве, в Ветхом завете прообразованной, но затем заменившей собой все ветхозаветные жертвы — жертве бескровной, благодарственной и умилоостивительной². По учению св. Иринея, Евхаристия есть жертва новая, чистая, совершенная, беспрепятственно восходящая из земных храмов к небесному алтарю³.

Вера в жертвенное значение Таинства Тела и Крови Господних засвидетельствована и на святых Вселенских Соборах. Отцы III Вселенского Собора писали в послании к Несторию: «Совершаем в церквях бескровную Жертву... и освящаемся, причащаясь святой Плоти и честной Крови Христовой...» Бескровной Жертвой называет Тело и Кровь Господа и VII Вселенский Собор.

Естественно, что учение Церкви о бескровной Жертве необходимо предполагает веру в то, что в священнодействии Св. Евхаристии Господь Иисус Христос присутствует «не символически, не образно..., но истинно и действительно» (Послание восточных патриархов, член 17-й). Только такой бесценный Дар, как истинное Тело и истинная Кровь Господа Иисуса Христа, может быть предлагаем Богу от лица Церкви в качестве вполне достаточной благодарственной, умилоостивительной и просительной жертвы. Где отвергается учение о пресуществлении или предложении хлеба и вина в Тело и Кровь Господа, там, по сути дела, не может быть и речи об Евхаристии, как бескровной жертве, — Жертве, по существу своему тождественной с единократной и неповторимой Крестной Жертвой, и в то же время, *согласно установлению Христа Спасителя*, постоянно повторяющейся на земле — до пришествия Господня (1 Кор. 11, 26).

Св. Евхаристия, представляющая собой не простое лишь мысленное воспоминание Голгофской Жертвы, но реально воспроизводящая совершенную Господом Иисусом Христом на Тайной Вечери бескровную Жертву, завершается всегда причащением Св. Христовых Таин — во оставление грехов и в жизнь вечную. Будучи необычайно важна и благотворна по своим действиям для ее участников в широком смысле слова (т. е. для тех, за кого она совершается, а также для всех присутствующих и молящихся во время литургии), Евхаристия всю силу своего спасительного действия проявляет в отношении тех, кто достойно, с искренней верой и должной нравственной подготовкой, приступает к

¹ Из молитвы «Нас же всех, от единого хлеба и чаши причащающихся...» (из чинопоследования литургии св. Василия Великого).

² Апология I, 13. Разговор с Трифоном — иудеем, 41, 70.

³ Против ересей, IV, 17, 5; IV, 18, 6.

Божественной Трапезе и причащается Св. Таин. Именно здесь совершается наиболее полное усвоение верующими плодов Искупительной смерти Господа, то есть их освящение. По верованию Церкви, причащение Христовых Таин является самым действенным средством соединения со Христом по душе и по телу (св. Игнатий Богоносец. К смирнянам, 7); оно врачует духовную природу общающихся, вносит в нее зачаток новой жизни во Христе и делает их чрез это причастниками и наследниками жизни вечной.

Выдающимся положением Св. Евхаристии среди всех таинств и священнодействий и возвышенностью православного о ней учения с необходимостью определяется и представление о пастырях Церкви, как, по преимуществу, «служителях Алтаря», «предстоящих Алтарю» (οἱ τῷ θυσιαστηρίῳ προσεδρεύοντες)¹, как бы посвященных Св. Жертвеннику, на котором совершается главная и существенная часть христианского богослужения², — «священнодействие Алтаря» (ἁγία θυσιαστική)³, то есть Божественная литургия.

Касаясь вопроса о связи между священством и евхаристическим жертвоприношением, должно заметить, что Православная Церковь не разделяет некоторых крайних воззрений на этот счет, характерных для римско-католического богословия. Среди католических ученых очень многие склонны сводить сущность священства исключительно к власти евхаристической, т. е. к освящению Св. Даров и приношению их в жертву. Так, например, в известном послании католических епископов Англии, во главе с архиепископом Вестминстерским, кардиналом Воганом, написанном в защиту буллы Папы Льва XIII об англиканских посвящениях⁴, говорится: «Наш священник — это тот, кто назначен и уполномочен приносить литургическую жертву, следовательно, тот, кто получил от Бога власть посредством слов освящения производить присутствие Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина и приносить их в жертву. Он может иметь другие полномочия, присоединенные к его служению, например, власть прощать грехи; на него может быть возложена также обязанность проповедовать слово Божие и нести пастырское служение. Но эти другие полномочия и обязанности суть придаточные..., не относятся к его существу(!)» («Защита буллы „Apost. cuius“, § 13»)⁵. Подобного рода взгляд на отношение между священством и жертвой был высказан еще Фомой Аквинатом († 1274). Он учил, что таинство священства назначается для таинства Евхаристии, которое есть таинство из таинств; что все назначение иерархии в собственном смысле состоит в том, чтобы дать служителей для совершения Евхаристии. Все степени иерархии, по мнению Фомы Аквината, установлены или для освящения самой Евхаристии, или для некоторого вспомогательного служения этому таинству. Другие таинства, — говорит он, — «исходят из того, что содержится в таинстве Евхаристии»⁶. Не оста-

¹ Апостольские слова: «Разве не знаете, что... служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?» (1 Кор. 9, 13), буквально относящиеся к ветхозаветным священникам, — в правилах Апостольских применены непосредственно к священнослужителям Церкви Христовой, во главе с епископом, с ясным наименованием их «служителями Алтаря»: «...Закон Божий постановил, да служащие олтарю οἱ τῷ θυσιαστηρίῳ προσεδρεύοντες, от олтаря питаются». Апостольское правило 41-е. Ср. Трулльского Собора правило 13-е.

² Пространный Христианский Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. О десятом члене (о Причащении). М., 1909, стр. 56.

³ Трулльского Собора правило 29-е.

⁴ A vindication of the Bull «Apostolicae curae». A letter on Anglican Orders by the cardinal archbishop and bishops of the province of Westminster... London, 1898.

⁵ В другом месте послания благодать священства полностью отождествляется с полномочием освящать и приносить в жертву истинное Тело и истинную Кровь Господа. — «Защита буллы», § 15.

⁶ И. П. Соколов. Учение Римско-Католической Церкви о таинстве священства, стр. 48—50; 135—137.

навливаясь на рассмотрении процесса дальнейшего развития этой точки зрения, заметим лишь, что основная ошибка римско-католического богословия в данном вопросе сводится к следующему: оно считает средоточием благодатной жизни Церкви не *основную*, то есть Голгофскую жертву, дающую бытие как жертве евхаристической¹, так и всем остальным таинствам, а собственно Св. Евхаристию. Так, например, немецкий католический богослов Гир пишет: «Жертва мессы есть средоточный пункт католического культа, источник (!?) богослужебных актов, служащих средством благодати, т. е. таинств и сакраменталий; в ней бьет ежедневно источник крестной жертвы и наполняет каналы таинств, приносящих спасительную воду Искупителя»².

Православная богословская наука при всем своем благоговении пред таинством Тела и Крови Господних — таинством, которое Св. Церковь признает превосходнейшим и спасительнейшим³ среди всех семи таинств и прочих священнодействий — не впадает, однако, в ту крайность, чтобы все таинства поставлять в подчиненное и зависимое от Св. Евхаристии положение. Веруя в то, что «смерть Иисуса Христа есть для верующих источник освящения и всех благодатных даров Божиих»⁴, Православная Церковь именно от Крестной жертвы, т. е. от искупительных заслуг Господа Иисуса Христа, производит всю иератическую власть своих пастырей, в том числе и власть совершения Св. Евхаристии. «Хотя власть священнодействовать, — говорит проф. И. П. Соколов, — в известном смысле может считаться основной властью, а в ряду полномочий этой власти власть совершать Евхаристию занимает настолько выдающееся место, насколько Евхаристия возвышается над прочими свв. таинствами, однако нет основания делать эту евхаристическую власть исключительной носительницей всего существа священнослужения»⁵.

Не разделяя крайностей вышеотмеченного римско-католического воззрения по вопросу о связи между евхаристическим жертвоприношением и сущностью священнослужения, Православная Церковь, тем более, не может согласиться с протестантским взглядом на этот предмет, — взглядом, по существу, совершенно отрицающим жертвоприносительный характер христианского священства.

В конце XIX столетия, в связи с появлением в 1896 году папской буллы «*Apostolicae curae*», раз навсегда объявившей англиканские рукоположения «совершенно недействительными и вполне ничтожными», возникла жаркая полемика между англиканскими и католическими богословами Англии, в которой среди других вопросов затрагивался и вопрос о жертвоприносительной функции священства. Как ни странно, обе спорившие стороны, то есть и католики и англикане, сочли возможным утверждать, будто Православная Восточная Церковь вполне единомысленна с ними в учении о существе и природе священства. Англиканские примасы (т. е. архиепископы Кентерберийский и Йоркский), составившие «Ответ на апостолическое послание папы Льва XIII об англиканском посвящении», заявляли: «Восточная Церковь несомненно одинаково с нами учит, что совершение нескольких тайн более соответствует священникам, чем принесение единичной жертвы...»⁶. «Вместе

¹ Н. Малиновский. Очерк православного догматического богословия. Изд. 2-е, вып. 2, стр. 192.

² И. П. Соколов. Учение Римско-Католической Церкви о таинстве священства, стр. 63—64.

³ Православное исповедание. Ч. 1-я. Ответ на вопрос 106-й.

⁴ Архiep. Платон. Сокращенное изложение догматов веры по учению Православной Церкви. Кострома, 1869, стр. 72—73.

⁵ И. П. Соколов. О действительности англиканской иерархии, стр. 45.

⁶ «Ответ Англии Риму по вопросу об англиканском священстве. Русский текст ответа примасов Англии на папскую буллу об англиканском священстве». СПб., 1897, стр. 37—38.

с нами он (т. е. папа Лев XIII), по-видимому, осуждает и восточных христиан, которые... в «Пространном Русском Катихизисе» среди обязанностей, относящихся к священству, упоминают только об обязанности совершения таинств и пасения стада»¹. В то же самое время католические архиепископы, отвечая англиканам на это заявление, утверждали, что «во всем, что касается реального объективного присутствия (Христа в Св. Евхаристии — Л. В.), истинной умиловительной жертвы и природы и объема священства, церковь, которой правит Лев XIII, и великая восточная или русская церковь содержат тождественное учение»². Обе стороны были неправы. Справедливость требует заметить, что католические архиепископы в данном случае были все же ближе к истине, чем англиканские; однако и с их утверждением никак нельзя согласиться без оговорок. В частности о природе священства Восточная Православная Церковь учит отнюдь не тождественно с авторами «Защиты буллы»: она никоим образом не согласна с их мнением, будто все другие полномочия священника (кроме власти совершать Евхаристию), в том числе и власть прощать грехи, суть «обязанности придаточные» и «не относятся к существу священнослужения».

Как могло случиться, что и католики и англикане, стоящие на совершенно различных позициях в вопросе о природе священства, одновременно заявили о своем единомыслии с Православной Церковью? Без сомнения, не малую роль сыграло здесь желание обеих сторон подкрепить свою позицию ссылкой на авторитет Православной Церкви. Но одним этим обстоятельством дело объяснить невозможно. Необходимо допустить, что как католикам, так и англиканам трудно было в то время составить ясное представление о православном взгляде на данный предмет. Конечно, сама Православная Церковь имеет совершенно ясное и определенное воззрение по вопросу о жертвоприносительном характере священства, но зато в русской православной богословской литературе это церковное воззрение излагалось и изъяснялось явно недостаточно.

В начальном периоде развития русской богословской научной мысли мы еще встречаем несколько кратких замечаний относительно существенной связи между жертвой и священством, рассеянных в различного рода сочинениях, разъяснениях и наставлениях. «Известно есть,— читаем мы, например, в труде Стефана Яворского,—яко священник без истинныя Жертвы быти и нарицатися не может» («Камень веры», ч. 3-я, М., 1843, стр. 135). Феофан Прокопович, рассуждая о степенях епископа и пресвитера, замечает, что лица, имеющие эти степени, «ради служения бескровныя Жертвы нарицаются по преизяществу (т. е. по преимуществу) и священники» («Духовный Регламент», ч. 2-я. СПб., 1820, стр. 85).

В дальнейшем вопрос о жертвоприносительном характере священства очень долгое время оставался как бы в тени, по-видимому, за отсутствием у русских богословов каких-либо поводов к специальному его обсуждению. Замечательно, что даже тогда, когда эти поводы появились, в связи с необходимостью дать оценку действительности англиканских хиротоний, попытка более или менее обстоятельно осветить вопрос о природе священства была сделана не сразу. Такой крупный ученый-исследователь, как проф. В. А. Соколов, подвергнув тщательному обсуждению с различных сторон англиканское учение о священстве, оставил вовсе без рассмотрения вопрос о верованиях Англиканской Церкви касательно власти освящать и приносить бескровную Жертву. И это было сделано тогда, когда булла папы Льва XIII прямо обвиня-

¹ «Ответ Англии Риму по вопросу об англиканском священстве», стр. 37.

² A vindication of the Bull «Apostolicae curae», § 49. Ср. «Странник», 1899, май, стр. 183, подстрочное примечание.

ла англикан в том, что в их чине посвящения (реформированном при Эдуарде VI в середине XVI века) «не только не сделано никакого открытого упоминания о жертвоприношении, освящении, священстве, власти освящать и приносить жертву, но и малейшие следы этих учений, сохранившиеся в молитвах католического чина, не вполне еще отброшенных, были искусно устранены и изглажены».

Проф. И. П. Соколов, отмечая упущение, сделанное проф. В. А. Соколовым, справедливо утверждал тогда, что «долг всякого православного исследователя, рассматривающего англиканское учение о священстве,— четко ответить на вопрос: «когда Англиканская Церковь неправильно учит об Евхаристии, то совершенно ли искажает истинное священство, или только повреждает его?» («Странник», 1899, май, стр. 181—185). Такой четкий ответ, естественно, требовал предварительного изучения православного взгляда на отношение между жертвой и священством. Сам проф. И. П. Соколов в нескольких статьях своих, посвященных исследованию касательно англиканского священства, высказал несколько ценных мыслей по затронутому им вопросу о жертвоприносительном характере священства, подкрепив их доказательствами, основанными на анализе текста православных символических книг, а также несколькими ссылками на богослужебные книги и на сочинения русских духовных писателей (в частности, вышеприведенными ссылками на «Камень веры» и «Духовный Регламент»). Основной вывод, который может быть сделан из рассуждений проф. И. П. Соколова, состоит в том, что Православная Церковь, не сводя существо священства к одному только жертвоприношению (как это делают иногда католики), признает в то же время наличие весьма *существенной связи* между понятиями «жертвы» и «священства». Священство истинной Церкви есть, без сомнения, «жертвоприносящее священство» (ἡ θυσιαστική λειτουργία, sacrificial priesthood), то есть такое, которое одной из самых важных обязанностей своих имеет постоянное совершение бескровной Евхаристической жертвы.

«Служить» Господу для православного пастыря— значит, прежде всего, совершать Божественную литургию. Эта мысль ясно высказана составителями «Православного Исповедания» в разделе, посвященном учению о священстве: «Служащим же им Господеви (то есть когда приносили бескровную Жертву Богу), и постящимся рече Дух Святой: «Отделите Ми Варнаву и Савла...»»¹

В теснейшую связь между собой поставлены таинство священства и таинство Евхаристии и в «Послании восточных патриархов», где говорится: «Священство (ιερωσύνη) Господь предал, когда сказал: *«сие творите в Мое воспоминание»*» (τοῦτο ποιεῖτε εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν Лк. 22, 19), также: «елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена на небесех» (Мф. 18, 18)². При чтении этого места естественно является мысль, что власть совершать бескровную Жертву, вместе с властью вязать и решить, согласно учению восточных патриархов, принадлежит, по установлению Господа, к существу служения священства³.

Ясные выражения о жертвоприносящем священстве мы встречаем в богослужебных книгах Православной Церкви. В чинопоследовании литургии св. Василия Великого не менее четырех раз упоминается о том, что Господь сподобил, или поставил, церковных пастырей «слу-

¹ Православное Исповедание, ч. I-я. Отв. на вопр. 109.

² Kitzmel, Libri symbolici..., p. 449. Член 15-й. Здесь указаны только две функции священнослужителей: приношение бескровной Жертвы и отпущение грехов. По-видимому, они мыслятся как функции, наиболее ярко выражающие две стороны священства: а) служение примирения (власть разрешения грехов) и б) служение оправдания и освящения (бескровная Жертва).

³ «Странник», 1899, май, стр. 184.

жити святому (Своему) жертвеннику». В 1-й молитве верных из чино-последования литургии святого Иоанна Златоуста о них же сказано, что Господь «положил их в службу сию», то есть предназначил для постоянного совершения святой Евхаристии. Во 2-й молитве, читаемой епископом над рукополагаемым в сан пресвитера, имеются такие слова: «Сего егоже благоволил еси на пресвитерский зыти степень, исполни Святаго Твоего Духа даром, да будет достоин предстати без порока жертвеннику Твоему, проповедати евангелие спасения Твоего, священнодействовати слово Твоея истины, приносить Тебе дары же и жертвы духовныя, обновляти люди Твоя банею пакибытия»¹. Здесь, как видим, «предстояние жертвеннику» поставляется во главе прочих обязанностей священнослужения. В первой молитве, произносимой над рукополагаемым в епископа, указывается, что Господь установил различные иерархические степени с тем, чтобы «работати и служити честным и пречистым Его Тайнам, во святом Его жертвеннице»². В одной из стихир чина погребения священников³ говорится о почившем: «священник Твой, Христе, жрец и приноситель божественных таинств...»

Хиротония в степени епископа и пресвитера (т. е. приносителей бескровной Жертвы) совершается в Православной Церкви исключительно на полной литургии⁴, как бы в знак того, что предстоящее им служение будет неразрывно связано с евхаристическим жертвоприношением, начиная с самого момента их посвящения.

Так называемое «венчание» рукополагаемых в священный сан с Церковью, т. е. троекратное обхождение вокруг престола при пении венчальных песней («Святни мученицы...», «Слава Тебе, Христе Боже...»). ярко выражает мысль Церкви о «посвящении» этих лиц «Св. Жертвеннику», на котором «Сам Христос в таинствах предлежит и присутствует» (см. Дебольский Г. «Попечение Православной Церкви о спасении мира», 1894 г., стр. 345—346). Согласно ныне действующей в Русской Церкви практике, обхождение престола совершается лишь на хиротониях во диакона и в пресвитера, но еще в 1-й половине XVII века поставляемых в епископа также обводили вокруг престола⁵; такой обычай донныне сохраняется в Греческой Церкви.

Наконец, существующий в Православной Церкви священный обряд вручения рукоположенному в пресвитера «Залога» т. е. Божественного Агнца, означает, по объяснению блаж. Симеона Солунского, что посвященный «делается строителем Таин Божиих» (т. е. совершителем Св. Евхаристии)⁶.

*

Первая редакция Книги общих молитв, утвержденная парламентским статутом от 15 января 1549 года, включала в себя новый реформированный чин англиканской литургии: *The Supper of the Lord, and the Holy Communion, commonly called the Mass*⁷. Чин этот был составлен в результате пересмотра и изменения употреблявшихся до того времени в Англии нескольких вариантов католической мессы (римско-

¹ Чиновник архиерейского священнослужения, 1625 г., л. 63 обор.

² Там же, л. 81.

³ Стихира на хвалитех.

⁴ Чин избрания и рукоположения архиерейского, 1885, стр. 36.

⁵ А. Неселовский. Чины хиротесий и хиротоний. Каменец-Подольск, 1906. стр. 125—128, 298.

⁶ Проф. А. Дмитриевский. Ставленник. Киев, 1904, стр. 101—104.

В одном Служебнике XVI века говорится: «Приемлет святитель от диска часть и подает новопоставленному, глаголя: «Прими, перею... и отселе веждь, себе имети власть божественную совершати литургию и приносить в ней бескровную Жертву о своих и о людских согрешениях» — там же, стр. 103—104, подстрочное примечание 2-е.

⁷ Начиная со 2-й редакции Книги общих молитв, заглавие чина литургии дается в иной форме: «*The Supper of the Lord, and the Holy Communion*».

го, салисбурнского и др.). Изменение это отнюдь не сводилось к одному лишь сокращению или упрощению католической литургии, но затрагивало и вероучительную сторону. Сакраментальная сторона Евхаристии, то есть понимание Вечери Господней как причащения, получила явное и решительное преобладание над ее жертвенной стороной. Ни одна из молитв католической мессы, содержащих в себе мысль об Евхаристии, как об умилоостивительной жертве, приносимой за живых и умерших, не вошла в состав англиканской литургии. В молитве «освящения» (prayer of consecration), как бы специально, подчеркивалось... что Господь Иисус Христос «Своей единой, однажды принесенной, жертвой (by his one oblation of himself once offered) совершил полное, совершенное и вполне достаточное приношение, жертву и удовлетворение за грехи всего мира»¹, благодаря чему мысль верующего располагалась к такому пониманию Евхаристии, при котором она рассматривается, главным образом, как «воспоминание» (the remembrance) искупительных страданий Господа на кресте, но не как «священнодействие бескровной Жертвы».

При всем том 1-я редакция чина англиканской литургии еще оставляла некоторую возможность — для желающих — видеть в службе Вечери Господней жертвенное, и даже в известном смысле умилоостивительное, священнодействие. Этому более всего благоприятствовала 3-я молитва евхаристического канона (the memorial of prayer of oblation), содержащая в себе следующие слова: «Посему мы, смиренные рабы Твои, Господи и небесный Отче, согласно установлению возлюбленного Сына Твоего, Спасителя нашего Иисуса Христа, торжественно совершаем здесь пред Твоим Божественным величием, *с этими Твоими святыми дарами*, воспоминание, которое Сын Твой повелел нам совершать (do celebrate and make here before thy divine Majesty, with these the holy gifts the memorial, which thy Son hath willed us to make), вспоминая Его благословенные страдания, чудесное воскресение и славное вознесение; воздавая Тебе от всего сердца благодарения за бесчисленные благодеяния, приобретенные для нас посредством их; искренно прося: милостиво — по Твоей отеческой благодати — принять эту нашу жертву хвалы и благодарения; смиренно умоляя Тебя даровать, чтобы заслугами и смертью Сына Твоего Иисуса Христа и чрез веру в Кровь Его *мы и вся Церковь Твоя могли получить отпущение наших грехов* и все другие благодеяния Его страданий...»

Приведенные нами выражения из «молитвы приношения» позволяли католицистски-настроенным верующим усматривать в литургии не простое мысленное воспоминание (the remembrance) Голгофской жертвы, но как бы напоминание (the memorial) Самому Богу, делаемое от людей чрез посредство Тела и Крови Христовых, о заслугах Спасителя, приобретенных Им путем добровольных крестных страданий, и в то же время как бы апелляцию во имя этих заслуг². Но такое «воспоминание» с «напоминанием», совершаемое пред Божественным величием чрез посредство Божественной «Жертвы», то есть Самого Господа Иисуса Христа, присутствующего в Евхаристии не только Божеством Своим и душою, но и Телом, претерпевшим страдания и смерть, и Кровию, пролитую на Голгофе, — есть нечто весьма близкое к правильно понимаемому бескровному евхаристическому жертвоприношению. Такому «воспоминанию» недостает разве лишь мысли о том, что Сам Господь Иисус Христос есть одновременно и Архиерей и Жертва, «Приносяй и Приносимый, Приемляй и Раздаваемый...»

К сказанному следует добавить, что возможность понимания евхаристического священнодействия в смысле умилоостивительного или очи-

¹ В. Соколов. Реформация в Англии, стр. 479.

² См. А. Рождественский. Символические и богослужебные книги Англиканской Церкви, как выражение ее веросознания. Киев, 1908, стр. 389.

стительного жертвоприношения, в скрытом виде заключенная в молении о том, чтобы вся Церковь, то есть все ее нуждающиеся в спасении члены, могли получить отпущение грехов,— в 1-й редакции англиканской литургии была усилена еще и тем, что в 1-й евхаристической молитве («О всем составе Церкви Христовой») находилась краткая молитва за усопших. В ней священник вверял милосердию Божью участь всех в вере скончавшихся и просил им от Бога вечного упокоения и воскресения во славе.

Наконец, заслуживает особого внимания и то обстоятельство, что в 1-й редакции англиканской литургии находился довольно необычный, но весьма выразительный по содержанию, эпиклезис¹. В молитве «освящения» священник, после исповедания веры в искупительную силу крестной смерти Спасителя и вслед за упоминанием о Божественной заповеди: постоянно совершать память об этой драгоценной Его смерти, просил Бога «благословить и освятить Своим Святым Духом и словом эти Свои дары и творения хлеба и вина, дабы они соделались для нас Телом и Кровию Возлюбленного Его Сына, Иисуса Христа...»².

В ноябре 1550 года была издана королевская грамота, предписывавшая повсеместно заменить алтари обыкновенными столами. В качестве обоснования такой меры указывались следующие соображения:

1) «Форма стола отвратит народ от суеверий папистической мессы, ибо алтарь служит для жертвоприношения, а стол для того, чтобы люди ели на нем. Для чего приступаем мы к столу Господню? Для того ли, чтобы снова приносить в жертву Христа и опять распинать Его? Или для того, чтобы питаться Им, уже однажды распятым и принесенным в жертву за нас? Если мы приступаем для того, чтобы духовно есть Его тело и пить Его кровь, то, конечно, форма стола приличнее в этом случае, чем форма алтаря».

2) «Хотя Книга общих молитв употребляет и наименование алтаря, но она безразлично употребляет оба наименования, т. е. и алтаря и стола, имея в первом случае в виду жертву хвалы и благодарения, приносимую Богу при приобщении. Замена алтарей столами не стоит, таким образом, в противоречии с Книгой общих молитв».

3) «Форма алтаря предписана для жертвоприношений по закону (Моисееву), а потому теперь, с устранением и закона и жертвоприношений, должен быть устранен и алтарь»³.

Текст упомянутой грамоты Эдуарда VI ясно показывает стремление реформаторов — полностью исключить всякую мысль о Божественной евхаристической Жертве.

В 1552 году, в результате тщательного пересмотра Книги общих молитв появилась 2-я редакция англиканской литургии. Ее характерная особенность — решительное устранение взгляда на Евхаристию как на умиловительную или очистительную жертву. Упомянутая выше 3-я молитва евхаристического канона (the memorial of prayer of oblation) подверглась коренной переработке. Всё, что могло благоприятствовать признанию жертвенного значения Евхаристии (в смысле приношения бескровной Божественной Жертвы), было изъято без остатка, после чего и все, сохраненные в этой молитве, выражения, в которых содержится упоминание о жертве, потеряли свой прежний смысл. В таком радикально переработанном виде молитва эта была исключена из состава евхаристического канона и помещена в конце чина литургии, в качестве одной из благодарственных молитв, где находится и до сих

¹ Происхождение этого эпиклезиса в составе англиканской литургии было бы очень важно выяснить. Самое местоположение его (раньше слов установления), вероятно, объясняется усмотрением составителей 1-й редакции и вряд ли является достаточно литургически обоснованным.

² А. Рождественский, там же, стр. 387.

³ В. Соколов. Реформация в Англии, стр. 501—502.

пор (то есть в последней авторизованной редакции англиканской литургии 1662 года).

В тексте этой молитвы находим следующие выражения: «Господи и небесный Отче, мы, смиренные рабы Твои, вседушно желаем, чтобы Твоя отеческая благодать милостиво приняла сию нашу жертву хвалы и благодарения (sacrifice of praise and thanksgiving)... И здесь мы приносим и представляем Тебе, Господи, самих себя, свои души и тела, в разумную, святую и живую жертву пред Тобою (And here we offer and present unto thee, o Lord, ourselves, our souls and bodies, to be a reasonable, holy, and lively sacrifice unto thee)». Нетрудно видеть, что здесь говорится лишь о нашей, человеческой жертве — жертве хвалы, благодарения и послушания Богу.

Из бывшей 1-й евхаристической молитвы («О всем составе Церкви Христовой») были полностью изъяты: не только моление за усопших, но и воспоминание о Церкви небесной — в лице преблагословенной Девы Марии, святых патриархов, пророков, апостолов, мучеников и всех святых, — в результате чего из молитвы «о всем составе Церкви Христовой» она превратилась в молитву «о всем составе Церкви Христовой, воинствующей здесь на земле». В таком измененном виде молитва эта была отделена от евхаристического канона и перенесена в конец первой части литургии (соответствующей нашей литургии оглашенных).

При составлении 2-й редакции из молитвы «освящения» (prayer of consecration) был опущен и упомянутый нами выше эпиклезис.

В царствование Елизаветы, прежде чем 4-й парламент (2 апр. — 29 мая 1571 года) утвердил XXXIX членов религии, в качестве временного вероизложения действовали так называемые «11 членов» Паркера. В 9-м члене, по поводу жертвенного характера Евхаристии, говорилось следующее: «Я утверждаю, что учение, признающее мессу искупительным жертвоприношением за живых и умерших и средством к освобождению души из чистилища, — не согласно с установлением Христовым и не основано на учении апостольском, но, напротив, до крайности нетерпимо и весьма уничижительно для драгоценного искупления, совершенного нашим Спасителем Христом, и противоречит учению о Его единственно достаточном жертвоприношении, совершенном единожды навсегда на алтаре креста»¹.

Наконец, в XXXI члене англиканского исповедания веры утверждается следующее: «Жертва Христова, однажды принесенная, есть жертва совершенного искупления, умилоствления и удовлетворения за все грехи целого мира, как первородный, так и произвольно совершаемые; и нет никакого другого удовлетворения за грех, кроме сего единственного. Поэтому мысль о жертвоприношениях месс, в которых, как обыкновенно говорят, священник приносит Христа в жертву за живых и умерших, во избавление от наказания или осуждения, есть богохульная выдумка и опасный обман».

Англиканские богословы стремятся как-то смягчить резкий характер употребленных здесь выражений или объяснить его историческими условиями, в которых протекала борьба с крайностями и злоупотреблениями католичества (таков, например, трактат Ф. В. Пуллера: *Les ordinations anglicanes et le sacrifice de la messe*. Oxford, London, Paris, 1896)².

В 1929 году Синод Епископальной Церкви США постановил исключить из состава официального Молитвенника XXXIX членов (которые обычно печатаются в тексте Книги общих молитв), как документ специфический, тесно связанный с исторической обстановкой, в которой про-

¹ Еп. Иоанн. Из истории религиозных сект в Америке. Церковь епископальная «Чтения в Общ-ве люб. дух. просвещения», 1880, июнь, стр. 707—708.

² Соколов В. Иерархия Англиканской Епископальной Церкви, стр. 354.

текала реформация в Англии, и содержащий отдельные резкие выражения, затрудняющие стремление церквей к единению. Надо полагать, что к числу таких выражений относится и завершительная часть XXXI члена.

Дело, однако, не в одних выражениях¹. Существо официального учения по вопросу о сакрифициальном значении Евхаристии остается в Англиканской Церкви неизменным: жертвы Тела и Крови Христовых в собственном смысле она не признает.

В 1874 году на Боннской конференции богословов различных вероисповеданий (старокатоликов, православных, англикан и др.) два епископа Англиканской Церкви (Винчестерский из Англии и Питсбургский из Америки) выразили свое согласие на принятие следующего «тезиса об Евхаристии»:

«Совершение Евхаристии в Церкви не есть непрестанное повторение или возобновление умилоостивительной жертвы, однажды навсегда принесенной Христом на кресте; но жертвенный характер Евхаристии состоит в том, что она есть постоянное напоминание (крестной жертвы) и (совершающееся) на земле воспроизведение и предложение той единой жертвы Христовой ради спасения искупленного человечества, которая непрестанно представляется на небе Христом, предстоящим за нас пред Богом» (its sacrificial character consists in this, that it is the permanent memorial of it, and a representatio and presentation on earth of that one oblation of Christ for the salvation of redeemed mankind, which... is continuously presented in Heaven by Christ, who now appears in the presence of God for us)².

Тезис этот был принят и православными участниками конференции, хотя и не в качестве точного и исчерпывающего определения существа евхаристической жертвы, но как первоначальная взаимоприемлемая первооснова, способная облегчить ход дальнейших рассуждений и дискуссий.

Однако такой взгляд на жертвенное значение Евхаристии англиканам других направлений показался решительно неприемлемым. Вслед за оглашением факта принятия епископами Винчестерским и Питсбургским «тезиса об Евхаристии» раздалось многочисленное протесты и заявления о несогласии с их образом действия. «На первой Боннской конференции,— писали протестующие,—наши английские друзья, люди столь достойные сочувствия по убеждениям их и характеру, с готовностью подписали формулу соглашения относительно таинства Евхаристии; взгляд их, к сожалению, вовсе не представляет взгляда всего англиканского духовенства или даже большинства его».

«Печальна была на Боннской конференции особенно погоня за теориями, которая совершена нашими колеблющимися высокоцерковными богословами». «Они не имели полномочия от Английской Церкви, и даже от своей собственной (высокоцерковной) партии... их решения и согласие не обязательны для их соотечественников». На 2-й Боннской конференции 1875 года Честерский декан д-р Гаусон открыто выразил сомнение в том, что «тезис об Евхаристии» может быть согласован с языком Книги общих молитв³.

Очень вероятно, что бурная отрицательная реакция протестантствующих на поступок епископов-высокоцерковников в 1874 году явилась од-

¹ Заметим, кстати, что Англиканская Церковь Великобритании, в отличие от Епископальной Церкви США, по-видимому, не готова осуществить даже ограниченное изменение своих документов, имеющих вероисповедный характер. XXXIX членов сохраняют в ней и поныне все свое значение.

² Отчет о Боннской конференции 1874 г. См. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1875, ч. 1-я. Иностранное обозрение, стр. 275.

³ Отчет о Боннской конференции 1875 г. См. «Христианское чтение», 1876 г., ч. 1-я, стр. 227—228.

ной из причин той крайней сдержанности, с которой двадцать три года спустя высказывались о жертвенном значении Евхаристии английские примасы в своем «Ответе на папскую буллу об англиканском священстве».

«Предмет этот, правда, исполнен таинственности,— писали они,— и способен увлекать души людей сильными чувствами любви и благочестия к возвышенным и глубоким мыслям. Но, так как он должен быть обсуждаем с величайшим благоговением и рассматриваем скорее как союз христианской любви, чем предмет для тонких прений, то, по нашему мнению, следует скорее избегать, чем настойчиво выдвигать слишком точные определения способа жертвы и того основания, в силу которого жертва вечного Первосвященника сочетается с жертвой Церкви». Уклонившись таким образом от обсуждения вопроса о Св. Евхаристии, как жертве Тела и Крови Господних — хотя папская булла именно этот вопрос считала решающим в деле оценки англиканского священства, — примасы излагают вкратце взгляд своей Церкви на сакрифициальный характер Евхаристии следующим образом:

«Сначала мы приносим жертву хвалы и благодарения; затем мы напоминаем Отцу о крестной жертве и с дерзновением просим отпущения грехов, а также всех других благодеяний от страданий Господа, для всей вселенской Церкви; наконец мы приносим в жертву самих себя Творцу всего, жертву, которую мы уже выразили возношением Его творений. Все это действие, в котором народ необходимо должен принимать участие вместе со священниками, мы обыкновенно называем евхаристической жертвой»¹. Мы видим, что умиловительная сторона Евхаристии понимается примасами исключительно как молитвенное напоминание Богу о Крестной Жертве, соединенное с возношением не Тела и Крови Христовых, а «творений» Божиих (то есть хлеба и вина).

Среди высказываний высокоцерковников мы можем, правда, встретить и такие, где, как будто бы, прямо говорится о жертвоприношении Тела и Крови Христовых во время совершения таинства Евхаристии. Приведем, в качестве примера, ответ Ф. Пуллера на вопрос о существе Евхаристии, заданный в 1899 году участникам Оксфордского съезда богословов. «Господь наш,— говорит Пуллер,— устанавливая для Церкви Своей богослужебный чин, в котором важное значение приписано *земным жертвенным веществам*, — каковы хлеб и вино, и еще более важное значение *небесным жертвенным веществам*, т. е. Своему собственному Телу и Своей собственной Крови, и связывая эти вещества с словами, совершающими жертвенное действие, — каковы: *за вы даемое и: за вы изливаемая*, — и другими словами, тесно связанными с уопределением о жертве, — каковы: *завет и воспоминание* — (Господь наш) ясно показал, что установленное Им действие имело жертвенный характер, — другими словами: *оно было жертвой*. Ныне Господь наш непрерывно продолжает совершать Свою жертву в небесной скинии (ср. Евр. 8, 1—3 и Откр. 5, 6)... и веществом ее служат Тело и Кровь Христовы. Следовательно, жертва, которую приносит Церковь, тождественна с жертвой небесной, которую приносит Христос. Другими словами, жертва Христова продолжается не только *на небеси горé*, но и *в Церкви Его долу*. На это продолжение жертвы и указывается в словах нашего Господа: *сие творите в Мое воспоминание*, если взять их в контексте»². Мысль Пуллера, к сожалению, не вполне ясна. Из его высказывания очевидно лишь то, что существует глубокий параллелизм между небесным приношением, которое совершает Сам Христос, и земным приношением, имеющим место в Церкви. Поскольку, однако, *долу* происходит

¹ Ответ Англии Риму..., стр. 17, 15 (§ XI).

² А. Булгаков, О законности и действительности англиканской иерархии, стр. 112—113.

приношение *«земных веществ»* (!), то естественнее всего думать, что по мысли Пуллера на дискосе возлежит не Тело Христово, а хлеб; и в чаше находится не Кровь Христово, а вино. Но в таком случае невозможно уже говорить о едином и нераздельном «бескровная Жертвы священнодействии», совершаемом Вечным Архиереем руками Его священников, то есть тех Его служителей, которые, будучи «облечены благодатию священства» и укрепляемы «силою Святаго Духа», предстоят святой трапезе и «священнодействуют святое и пречистое Его (Христа) Тело и честную Кровь»¹.

Вопрос о жертвенном значении Евхаристии рассматривался на Ламбетской конференции 1958 года. В ее отчетных материалах находим следующие высказывания: «Жертва Христова... (совершена) однажды навсегда, и она неповторима; тем не менее, она не является только фактом прошлого. Она — не только историческое событие, но и откровение вечной истины. Христос есть Агнец, закланный до основания мира и сядящий одесную Бога... Поэтому факт, совершившийся в прошлом, постоянно повторяется в настоящем действием Святаго Духа — «От Него возьмет и возвестит вам» (Иоан. 16, 14)... Христос всегда живет и находится в нас... в Евхаристии (мы) пребываем в Нем, так как вкушаем Его Тело и пьем Его Кровь (Иоан. 6, 56)... Мы ничего не можем предложить Богу, потому что мы сами получили всё от Него, и мы предлагаем Ему нашу молитву и благодарение за жертву Христову о нас, предлагаем себя самих во Христе Богу. Таким образом мы являемся соучастниками жертвы Христовой... Наша жертва — в нашей постоянной молитве Богу чрез Христа... и в служении нашей жизнью и страданиями ради Него в мире. Евхаристическая жертва... не является какой-либо новой жертвой Христа, или дополнительной жертвой к Его собственной жертве, но нашим участием в ней. Истинно прославляемый Христос есть Верховный Священник, христиане же, собирающиеся для принесения Богу жертвы, будучи членами Тела Его, сами себя приносят в жертву чрез соединение с Ним»².

Ценность этих высказываний, с православной точки зрения, состоит прежде всего, в признании глубокой связи между Евхаристией и усвоением ее участниками искупительных заслуг Господа Иисуса Христа и плодов совершенного Им дела. Далее, здесь ясно выражено то, высказанное еще в 1937 году Линкольнским епископом Хиксом (Hicks), справедливое убеждение, что «никто не может воспринять плодов Жертвы Христовой (receive the sacrifice of Christ), не участвуя в ней посредством принесения самого себя в жертву»³. При всем том в утверждениях, принятых Ламбетской конференцией 1958 года, невозможно найти хотя бы следов учения о том, что в Евхаристии Сам Христос от лица Церкви приносит Отцу Своему священнодействуемые, по Его заповеди, на церковных алтарях Его истинные Тело и Кровь, вместе с человеческими «жертвами» хвалы, благодарения и послушания.

Англиканское понимание Евхаристии в обоих ее аспектах (сакрифициальном и сакраментальном) отклоняется от православного учения прежде всего и главным образом, в связи с отрицанием англиканами пресуществления евхаристических даров. Если бы англикане твердо и несомненно верили, что после освящения *на алтаре* находятся, под видами хлеба и вина, *истинное Тело и истинная Кровь Господа Иисуса Христа*, то есть закланная на кресте однажды и навсегда «общая для всего мира очистительная Жертва» (св. Иоанн Златоуст. Беседа 41-я на 1-е послание к Коринфянам), то вряд ли для них было бы затруд-

¹ Молитва «Никтоже достоин...» из чинопоследования литургий св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого.

² The Lambeth Conference 1958. The Encyclical Letter from the bishops together with the Resolutions and Reports. 2. 84—85.

³ «Ways of Worship». London, 1951, p. 34.

нительно признать и самый акт «(совершающегося) на земле воспроизведения и предложения той единой Жертвы Христовой..., которая непрестанно представляется на небе Христом, предстоящим за нас пред Богом» (a representation and presentation on earth of that one oblation of Christ... continuously presented in Heaven by Christ, who now appears in the presence of God for us — см. «евхаристический тезис» 1-й Боннской конференции).

Уже при составлении 1-й редакции чина литургии (1549 г.) реформаторы не только не воспользовались обычным для многих восточных литургий древнецерковным термином «преложение» (*μετάβολή*), но и изъяли из текста евхаристических молитв католической мессы всё, что могло как-либо намекать на акт пресуществления¹. Впрочем вера в объективно-реальное (субстанциальное) присутствие Тела и Крови Христовых в таинстве Евхаристии еще не исключалась. На это указывают следующие места из молитв литургии:

1. «Услыши нас, милосердый Отче, мы молим Тебя, и Своим Святым Духом и словом благоволи благословить и освятить эти Твои дары и творения хлеба и вина, *дабы они соделались для нас Телом и Кровию возлюбленного Твоего Сына, Иисуса Христа*»² (из молитвы «освящения»).

2. «И здесь мы приносим и представляем Тебе, Господи, самих себя, свои души и тела, в разумную, святую и живую жертву пред Тобою, смиренно умоляя Тебя, дабы все те, которые будут участниками в этом святом приобщении, *достойно приняли драгоценнейшее Тело и Кровь Сына Твоего Иисуса Христа*»³ (из молитвы «приношения»).

3. «Даруй нам, милосердый Господи, *так вкушать Плоть возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа и так пить Кровь Его в этих святых Тайнах*, чтобы мы постоянно обитали в Нем, а Он в нас, чтобы наши грешные тела очистились Его Телом и наши души омылись Его драгоценной Кровью» (из молитвы ко св. причащению, находившейся пред началом анафоры)⁴.

Необходимо, однако, заметить, что, благодаря исключению из текста литургии всякого намека на пресуществление, почти все молитвы англиканского чина Вечерни Господней оказались запечатленными характером известной неопределенности: они вполне допускали возможность не только католического понимания объективного телесного присутствия Христа в Евхаристии, но и понимания лютеранского — в смысле со-присутствия (*consubstantiatio*).

Изменения, сделанные в 1549 году, вскоре стали казаться реформаторам недостаточными. В 1552 году, при ревизии Книги общих молитв чин литургии подвергся коренной переработке, в результате которой католическое и даже лютеранское понимание, как правило, исключались, уступив место крайне-протестантскому, и именно цвинглианскому, взгляду на таинство причащения.

1. Из молитвы «освящения» были опущены слова: «Своим Святым Духом и словом благоволи благословить и освятить эти Твои дары... дабы они соделались для нас Телом и Кровию возлюбленного Твоего Сына». Их заменили следующим прошением⁵:

«Услыши нас, милосердый Отче, смиренно молим Тебя, и даруй, да будем мы, принимая *эти Твои творения хлеба и вина*, согласно святому

¹ Например, молитву «*Supplices te rogamus...*» См. проф. Н. Д. Успенский. К вопросу о «Православной литургии западного обряда». «ЖМП», 1954, № 9, стр. 60—61. Ср. «ЖМП», 1954, № 8, стр. 44.

² А. Рождественский. Символические и богослужебные книги Англиканской Церкви..., стр. 387.

³ Там же, стр. 388, 393.

⁴ Там же, стр. 393.

⁵ Включенным и в ныне действующую редакцию 1662 г.

установлению Сына Твоего, Спасителя нашего Иисуса Христа, в воспоминание Его смерти и страданий, участниками Его преблагословенного Тела и Крови» (Hear us, O merciful Father, we most humbly beseech thee, and grant that we receiving these thy creatures of bread and wine, according to thy Son our Saviour Jesus Christ's holy institution, in remembrance of his death and passion may be partakers of his most blessed Body and Blood) ¹.

2. Из молитвы «приношения» было устранено выражение о «*достойном*» принятии Тела и Крови Христовых, а вместе с ним и намек на субстанциальное ² присутствие их в таинстве. Соответствующее место стало читаться (и теперь читается) так: «И здесь мы приносим и представляем Тебе, Господи, самих себя, свои души и тела, в разумную, святую и живую жертву пред Тобою, смиренно умоляя Тебя, дабы все мы, участники этого святого приобщения, исполнились Твоей благодати и небесного благословения» (And here we offer and present unto thee, O Lord, ourselves, our souls and bodies, to be a reasonable, holy, and lively sacrifice unto thee, humbly beseeching thee, that all we, who are partakers of this Holy Communion, may be fulfilled with thy grace and heavenly benediction) ³.

3. Из молитвы ко св. причащению были исключены слова: «в этих святых Тайнах», после чего вышеприведенное место стало читаться (и ныне читается) в таком виде: «Даруй нам, милосердый Господи, так вкушать Плоть возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа и так пить Кровь Его, чтобы наши грешные тела очистились Его Телом и наши души омылись Его драгоценной Кровью, и чтобы мы постоянно обитали в Нем, а Он в нас» (Grant us therefore, gracious Lord, so to eat the Flesh of thy dear Son Jesus Christ, and to drink his Blood, that our sinful bodies may be made clean by his Body, and our souls washed through his most precious Blood, and that we may evermore dwell in him, and he in us) ⁴.

В 1552 году слова священника, обращенные к причастнику во время преподания ему Св. Даров, были дополнены следующими, отнюдь не благоприятствующими ни католическому, ни лютеранскому взгляду на причащение, наставлениями ⁵: «Прими и ешь *это* в воспоминание, что Христос умер за тебя, и *питайся Им* в твоём сердце *верою*, с благодарением» (Take and eat *this* in remembrance that Christ died for thee, and feed on him in thy heart by faith with thanksgiving).

«Пей *это* в воспоминание, что Кровь Христова пролита за тебя, и будь благодарен» (Drink *this* in remembrance that Christ's Blood was shed for thee, and be thankful).

С наибольшей четкостью цвинглианские тенденции справщиков выразились в так называемой «черной рубрике», т. е. примечании к чину литургии, в котором разъяснялся смысл коленопреклоненного состояния причастников в момент принятия ими Св. Таин. Коленопреклоненное положение, по словам примечания, должно означать наше смирение и благодарность за те благодеяния Христовы, какие получают достойными причастниками; но при этом вовсе не имеется в виду какое-либо боготворение (adoration) хлеба и вина таинства или «какое-то реальное и существенное присутствие» (real and essential presence) здесь естест-

¹ The Book of Common Prayer. Oxford, 1928, p. 349.

² Поскольку упоминание о «достойном» принятии Тела и Крови Христовых, очевидно, предполагает возможность и недостойного их принятия, а следовательно, и независимость присутствия их в Святых Дарах от достоинства принимающих.

³ The Book of Common Prayer. Oxford, 1928, p. 351.

⁴ Ibid., p. 348—349. Справедливость требует, впрочем, заметить, что даже и в этом сокращенном виде данное место допускает православный смысл причащения, не исключая, однако, при этом и других способов понимания.

⁵ Они произносятся и теперь. Ibid., p. 350.

венной Плоти и Крови Христовой. Хлеб и вино таинства остаются при своей природной сущности, а потому не должны быть обожаемы, ибо это будет идолослужение, ненавистное для христианина. Тело же и кровь нашего Спасителя, Христа, пребывают на небе, а не здесь. Было бы противно истинности естественного тела Христова в одно и то же время быть более, чем в одном месте¹.

Таким образом, в 1552 году были сделаны очень решительные изменения чина литургии в крайне-реформатском духе. Впоследствии (в 1559 году при Елизавете, в 1662 году при Карле II) резкие выражения, коими решительно отвергалось реальное присутствие Тела и Крови Христовых в таинстве Евхаристии, были частью сглажены, частью вовсе устранены. При этом, однако, не было сделано и малейшей попытки выразить учение о реальном присутствии в положительной форме. Руководители Англиканской Церкви хотели дать широкий простор для любого понимания сакраментальной стороны Евхаристии, начиная от цвинглианского и кальвинского и кончая католическим.

Современный чин англиканской литургии почти ничем не отличается от редакции 1662 года. Из его анализа невозможно составить себе ясное представление о преобладающем среди англикан мнении касательно образа присутствия Господа Иисуса Христа в Евхаристии. Несомненным является лишь то, что нынешняя редакция «в существе дела остается столь же всецело проникнутой протестантскими идеями, как и вторая редакция 1552 года»².

Вышеупомянутая «черная рубрика» в современной редакции чина англиканской литургии читается так:

«Хотя в этом последовании Вечери Господней и установлено, чтобы причастники принимали ее коленопреклоненно (чем хорошо выражается наше смиренное и благодарное исповедание благодеяний Христовых, дарованных в этом таинстве всем достойно приемлющим оное...), тем не менее, это коленопреклонение не должно ложно истолковываться по невежеству или злостному упорству... Предписанием коленопреклонения *совсем не имеется в виду* и не вменяется в обязанность какое-либо боготворение (adoration) принимаемых телесным образом (bodily received) сакраментальных хлеба и вина, или *поклонение телесному присутствию* (corporeal presence) *естественной Плоти и Крови Христовой (!)*. Ибо сакраментальные хлеб и вино продолжают оставаться в их естественной сущности, а потому и не могут быть предметом поклонения (это было бы идолослужением, от которого должны отвращаться все истинные христиане). *Естественные Тело и Кровь нашего Спасителя Христа* суть на небесах, а не здесь (!); и было бы противно истинности естественного Тела Христова пребывать в одно время более, нежели в одном месте».

Православные русские богословы нередко откликались на эти утверждения с сердечной болью. Так, например, Иоанн, епископ Аксайский, закончив свой перевод на русский язык англиканского чина приобщения, писал по поводу «черной рубрики»: «Это — заключительное примечание к последованию таинства Евхаристии — вот скала, о которую могут разбиться в прах все усилия, все переговоры о соединении Епископальной Церкви с нашей Православной»³.

Всегда осторожный в критике инославия и в высшей степени благожелательный в отношении к делу сближения с англиканами проф. В. А. Соколов не мог не придать «черной рубрике» значение важной помехи на этом желанном пути. «Англиканская Церковь,— говорит он

¹ В. Соколов, Реформация в Англии, стр. 508. Ср. И. П. Соколов. О действительности англиканской иерархии, стр. 36

² А. Рождественский. Символические и богослужебные книги Англиканской Церкви, стр. 415.

³ «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1881, ч. 3, стр. 435.

тотчас после указания на текст «черной рубрики», — отвергая пресуществление, исповедует лишь учение о действительном присутствии (*real presence*) Христа в Евхаристии, но присутствии не телесном (*corporeal*), а духовном (*spiritual*), причем, в точнейшем определении этого присутствия, богословствующая мысль современного англиканства иногда так далеко уклоняется от истины, что обнаруживает даже склонность приписать ему лишь субъективное значение в отношении к душе верующего. При таком положении дела, очевидно, никак нельзя утверждать, что по вопросу о пресуществлении разность между англиканством и Православием заключается скорее в словах, чем в учении»¹.

В 1928 году в Оксфорде было опубликовано новое издание Книги общих молитв, где наряду с узаконенной формой чина Вечери Господней можно найти и другую, вновь предложенную редакцию этого чина, так называемую «*An alternative order for the administration of the Lord's Supper or Holy Communion*». В этой редакции заметна довольно явная тенденция восстановить, хотя бы отчасти, многое из того, что входило в 1-ю редакцию Книги общих молитв (1549 г.), но было опущено при составлении 2-й ее редакции (1552 г.). В новом проекте имеется эпиклезис со словами: «Услыши нас, милосердый Отче, мы молим Тебя, и Своим Святым и Животворящим Духом благоволи благословить и освятить нас и эти Твои дары хлеба и вина»². Проект предусматривает также восстановление молитвы за умерших: «Мы вверяем Твоему милосердию, о Господи, всех Твоих рабов, преставившихся от сей жизни в вере и страхе Божием, умоляя Тебя даровать им вечный свет и мир»³.

Однако проект этот, одобренный обеими конвокациями и Общим Собранием Церкви (*the Church Assembly*), был отвергнут палатой общин. В связи с этим, издатели «*The Book of Common Prayer*» 1928 года нашли нужным сделать следующее предупреждение: «Публикация этой Книги не означает ни прямо, ни косвенно, что последняя может рассматриваться как санкционированная для употребления в церквях»⁴.

Заметим, кстати, что в упомянутом проекте «черная рубрика» была оставлена без изменений.

В XXVIII члене англиканского вероизложения находится прямое отрицание пресуществления:

«Пресуществление хлеба и вина в Евхаристии (*Panis et vini transubstantiatio in Eucharistia*) не может быть доказано Священным писанием; оно даже противоречит ясным словам писания (*apertis scripturae verbis adversatur*), ниспровергает природу таинства и подало повод ко многим суевериям».

Некоторые богословы — высокоцерковники, склонные признавать пресуществление, уверяют, что XXVIII членом отрицается лишь ложное схоластическое утверждение о том, будто при освящении хлеба и вина совершенно уничтожается материальная природа этих элементов таинства. Иными словами, *transubstantiatio*, как изменение, связанное с уничтожением «акциденций» (т. е. совокупности всех материальных качеств) хлеба и вина, как изменение самой «природы» (*φύσις*) этих веществ, — должно быть, согласно XXVIII члену, решительно отвергнуто; однако *μετεσώφωσις*, или обращение метафизической субстанции (*οὐσία*) хлеба и вина в субстанцию тела Христова, при сохранении материальной природы земных веществ, ничуть якобы не исключаются мыслью, заключающейся в выражениях данного члена. Справедливость требует, однако, заметить, что такое изъяснение смысла XXVIII члена «не только

¹ В. Соколов. «Голос из Америки» (К вопросу о сближении англиканства с Православием). См. «Богословский вестник», 1902, т. I, стр. 176—177.

² *The Book of Common Prayer with the additions and deviations proposed in 1928*. Oxford, p. 368—369.

³ *Ibid.*, p. 363.

⁴ *Ibid.*, p. V.

не есть единственно возможное, но и ни в коем случае не имеет больших оснований за свое принятие, чем протестантское толкование его»¹.

Заслуживает внимания тот факт, что в редакции 1553 года соответствующий по содержанию член (XXIX член из XLII «членов» Кранмера) содержал в себе следующие слова: «Никто не должен верить или исповедовать реальное и телесное присутствие Плоти и Крови Христовых в Евхаристии»². Место это составляет прямую параллель с «черной рубрикой» к чину литургии редакции 1552 года, где также отвергалось реальное присутствие Тела Христова. При пересмотре «членов» Кранмера в 1563 году приведенная нами фраза была опущена и заменена новым, недостаточно определенным, утверждением, которое с 1571 года и поныне остается в составе XXVIII члена:

«Тело Христово преподается, приемлется (*accipitur, is taken*) и сдается в Евхаристии только небесным духовным образом (*tantum coelesti et spirituali ratione*), а средство, которым Тело Христово приемлется (*accipitur, is received*) и сдается в Евхаристии, есть вера».

Несмотря на явно протестантский характер этого заявления, симпатизирующие католичеству и Православию англиканские богословы находят возможным изъяснять его в духе, приемлемом для сознания представителей Католической и Православной Церкви. Они обращают внимание на то, что здесь говорится о двух различных актах: а) акте внешнего принятия Св. Таин (что выражается глаголом *to take*) и б) акте внутреннего восприятия или усвоения их (на что указывает глагол *to receive*). Первый из этих актов имеет характер объективный, независимый от внутреннего расположения причастника, и «духовный» в смысле непостижимости для нас образа присутствия Тела и Крови Христовых в Св. Тайнах; второй акт субъективен, так как полезное для души человека (*profitably*) принятие Св. Таин возможно лишь при наличии искренней веры.

Нельзя не согласиться с тем, что составители члена в рассматриваемой части его действительно не имели в виду устранить всякую возможность веры в реальное и телесное присутствие Плоти и Крови Христовых в Евхаристии (в отличие от Кранмера). Они сознательно пользовались выражениями достаточно эластичными, чтобы их могли принять представители самых различных воззрений. При всем том нетрудно заметить в «Членах Религии», касающихся учения о сакраментальной стороне Евхаристии (XXVIII и XXIX члены), явно кальвинистскую тенденцию к рецепционизму. Мысль реформаторов останавливается не на существо Св. Таин, а на следствиях приобщения,— не на вкушаемом, а на результате вкушения. «Для того, кто искренно, достойно и с верой приемлет его, преломляемый хлеб есть причащение Тела Христова; точно так же чаша благословения есть причащение Крови Христовой...» (член XXVIII). «Нечестивые, а также не имеющие живой веры, хотя телесно и видимо вкушают таинства Тела и Крови Христовых, однако они нисколько не приобщаются Христа...» (член XXIX).

Общий вывод, получающийся при рассмотрении членов, затрагивающих вопрос о сакраментальной стороне Евхаристии, совпадает с результатами анализа чина современной англиканской литургии. Подобно этому чину, члены не выясняют вопроса о присутствии в Евхаристии истинного Тела и истинной Крови Господа Иисуса Христа³.

Из последующей истории англиканства отметим официальное заявление английских епископов — неприсяжников (*non-jurors*), сделанное ими в 1716 году в письме к православным восточным патриархам. Ука-

¹ А. Рождественский. Символические и богослужебные книги Англиканской Церкви, стр. 290.

² И. П. Соколов. О действительности англиканской иерархии, стр. 37.

³ Ср. А. Рождественский. Символические и богослужебные книги Англиканской Церкви, стр. 339.

зав на свою готовность к воссоединению, нонжурь отметили при этом 5 пунктов православного вероучения, с которыми они согласиться не могут. Пятый из этих пунктов выражал отказ англикан «признавать пресуществление в таинстве Евхаристии хлеба в самое Тело и вина в самую Кровь Христа-Спасителя и воздавать божественное поклонение таинственному Агнцу в Евхаристии»¹.

Верность Англиканской Церкви отрицательному взгляду на пресуществление официально засвидетельствовали англиканские архиепископы (Фредерик Кентерберийский и Вильгельм Йоркский) в своем ответе от 12 марта 1898 г. на католическую «Защиту папской буллы». — «Воззрение свое на католическое учение о пресуществлении Англиканская Церковь точно изложила уже давно, и они искренне принимают относящуюся к нему часть XXVIII члена религии». (См. Булгаков А. К вопросу об англиканской иерархии, стр. 20.)

Впрочем в истории англиканской богословской мысли можно заметить непрерывно существующее и развивающееся течение, допускающее в той или иной степени мысль о реальном объективном присутствии в Евхаристии Тела и Крови Христовых. Не исключена возможность, что в среде представителей этого течения самое отрицание пресуществления (*transsubstantiatio*) поддерживается, главным образом, сохраняющим свою силу и поныне вековым предубеждением против схоластических тенденций римского богословия и недостаточным знакомством с существом православного учения о пресуществлении. По крайней мере д-р Пьюзи не видел существенного различия между учением о реальном присутствии Тела и Крови Господа в Евхаристии, которого держались трактариане, и очищенным от схоластических домыслов учением о пресуществлении Римско-Католической Церкви, как оно изложено Тридентским Собором.

Переходя к вопросу о взгляде англикан на «жертвоприносящее священство» (*sacrificial priesthood*), мы должны прежде всего заметить, что из официального учения Англиканской Церкви об Евхаристии и о священстве, находящегося в «Книге общих молитв» и в «XXXIX Членах Религии», вытекает то следствие, что «содержание священной власти не мыслится там заключающим в себе полномочие освящать и приносить в жертву Тело и Кровь Христовы в собственном смысле, а разве лишь полномочие приносить такую жертву, какая возможна без действительного присутствия Тела и Крови Христовых на жертвеннике, т. е. жертву хвалы и благодарения или жертву воспоминания о крестной смерти Господа»².

Существенные изменения богослужебного характера, произведенные английскими реформаторами в середине XVI столетия, коснулись, как известно, не только чинопоследования литургии, но и чинов посвящения в различные степени священнослужения. Характер этих изменений свидетельствует о том, что составители новых чинов посвящения далеко не ограничивались стремлением приблизить чины к древней простоте, но преследовали, без сомнения, и доктринальные цели приспособления богослужения к новым верованиям.

Кранмер, главный составитель и нового чина литургии и нового Ординала, отрицал учение о действительном присутствии Тела и Крови Иисуса Христа в таинстве Евхаристии, отвергал мысль о бескровной евхаристической Жертве и доказывал, что Господь Иисус Христос не установил такого различия между священником и мирянином, чтобы священник имел власть приносить жертвы за мирянина. Подобно Кранмеру мыслили и учили его ближайшие сотрудники и современники: Барлоу,

¹ П. Образцов. О попытках к соединению Английской Епископальной Церкви с Православной. «Православное обозрение», 1866, янв., стр. 44.

² И. П. Соколов. О действительности англиканской иерархии, стр. 43.

Ковердаль, Ридли и другие. Латимер, еп. Уорчестерский, утверждал, например, что «жертвоприносящее священство», существовавшее в Ветхом Завете, теперь заменено «проповедающим священством», а христиане все без исключения сделались приносящими жертву священниками¹. Лиц духовного сана реформаторы предпочитали называть «служителями веры» (the ministers of religion), если же, наряду с этим, они употребляли и слова: «священник» (priest), «священство» (priesthood), то делали это лишь в виде уступки укоренившемуся обычаю.

Нужно ли удивляться тому, что при таком взгляде реформаторов на существо и природу священства, в составленном ими новом чине посвящения «не только не сделано никакого открытого упоминания о жертвоприношении, освящении, священстве, власти освящать и приносить жертву, но и малейшие следы этих учений, сохранившиеся в молитвах католического чина, не вполне еще отброшенных, были искусно устранены и изглажены»².

Англиканские реформаторы, — говорят в своей «Защите буллы „Apostolicae curae“» английские католические епископы, — удержав имена степеней священства, усвоили им только их этимологическое значение и выразили желание, чтобы впредь в рукополагаемых лицах видели не священнослужителей, уполномоченных приносить Жертву, а только пастырей, учителей, совершителей таинств (в их англиканском значении) и вообще духовных стражей³.

Известно, что изданная 13 сентября 1896 года булла папы Льва XIII «Apostolicae curae...» признала все англиканские рукоположения, преподаваемые по реформированному чину Эдуарда VI, совершенно недействительными и вполне ничтожными. Аргументация буллы не может быть признана удачной, поскольку она вращается по преимуществу около далеко не бесспорной мысли о том, что «не может считаться пригодной и достаточной для таинства та форма, которая опускает то, что она существенным образом должна выразить»⁴. Зато выдвинутое папой обвинение англиканских реформаторов в повреждении намерения Церкви — всегда иметь и чрез таинственное рукоположение восполнять свое богоустроенное жертвоприносящее священство — следует признать вполне справедливым, хотя, быть может, недостаточным для столь строгого и безоговорочного осуждения англиканских хиротоний, которое провозглашено папой в булле «Apostolicae curae».

Что касается возражений англикан на обвинение в искажении намерения Церкви, то их никоим образом нельзя признать сколько-нибудь убедительными и достаточными.

«Намерение наших отцов состояло в том, чтобы сохранять и продолжать должности служителей в Церкви Христовой, ведущие свое начало от древнейших времен, и благоговейно употреблять и почитать их — в том смысле, конечно, в котором они были приняты от апостолов и находились в употреблении до того времени»⁵. Такое заявление является не столько ответом на обвинение со стороны папы, сколько сознательным уклонением от обсуждения затронутого буллой вопроса о

¹ А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии, стр. 52.

² Булла «Apostolicae curae...» См. «Богословский вестник», 1896, ноябрь, стр. 322.

³ А. Булгаков. К вопросу об англиканской иерархии. «Труды Киевской дух. академии», 1898, № 8, стр. 13—14.

⁴ Убедительные возражения против аргументации буллы по вопросу о форме и материи таинства священства приведены англиканскими примасами в их «Ответе на апостольское послание папы Льва XIII». Обстоятельную критику буллы с православной точки зрения см. в историко-догматическом очерке проф. И. П. Соколова «Учение Римско-Католической Церкви о таинстве священства», стр. 312—317 и вообще главу III. Ср. «Странник», 1898, № 11, стр. 580; 1899, № 5, стр. 181—182.

⁵ Ответ Англии Риму, стр. 29.

жертвенном характере священства. В ответ же на прямой и ясный вопрос католических епископов: признает ли Англиканская Церковь «жертвоприносящее священство» в истинном значении этого понятия, т. е. священство, имеющее полномочие освящать и приносить в жертву истинное Тело и истинную Кровь Господа Иисуса Христа? — англиканские епископы и богословы ограничились несколькими краткими и бездоказательными утверждениями. — Невозможно признать, говорили архиепископы в своем «Ответе на Защиту буллы „Apostolicae curae“», чтобы Господу благоугодно было принятие в число Своих служителей поставить в зависимость от признания средневековых метафизических определений (т. е. *transsubstantiatio*), или от «таинственного дара, подаваемого в св. Евхаристии». Такое учение неизвестно Церкви первых времен ее существования, а повсюду распространилось оно только после утверждения его Римской Церковью в XIII веке¹. Подобно этому и ученый англиканский богослов д-р Моберли утверждал, что все возражение папы опирается лишь на выдаваемое им за непогрешимое римское определение священства, как состоящего, главным образом, в жертвоприношении, и что определение это есть крайность, возникшая в средние века и справедливо устраненная реформаторами в XVI веке².

Сделанное в настоящей (третьей) главе подробное сопоставление англиканского учения о священстве с соответствующим учением Православной Церкви показывает, что в символических и богослужебных книгах англиканства имеется несомненное и весьма значительное искажение истинного понятия о священстве. Оно проявляется, главным образом, в следующих двух пунктах:

1) Англиканская Церковь не признает священство таинством, то есть таким богоустановленным священнодействием, в котором рукополагаемому сообщается особая благодать священства, ни в каком смысле не принадлежащая нерукоположенному мирянину, и настолько необходимая, что лицо, не получившее ее, не только не имеет права, но и при любых условиях³ не в состоянии совершать свв. таинства, за исключением крещения (в особо предусмотренных случаях).

2) Англиканская Церковь, отрицая преложение хлеба и вина в истинное Тело и истинную Кровь Господа Иисуса Христа и не признавая за Евхаристией значения богоустановленного бескровного жертвоприношения (в частности жертвоприношения умиловительного), значительно уклоняется от истинного понятия о природе священства, или от намерения Христовой Церкви — иметь и восполнять (черз хиротонию) свою иерархию такими священнослужителями, к числу важнейших полномочий и обязанностей которых относится совершение в Церкви семи спасительных таинств, в том числе и превосходнейшего из них таинства божественной Евхаристии.

¹ А. Булгаков. К вопросу об англиканской иерархии. стр. 20.

² И. Соколов. В ответ на статью проф. В. А. Соколова. «Странник», 1899, май, стр. 182.

³ Известно, что Барлоу в комиссии 1540 года утверждал возможность, в исключительных случаях (например, если смерть лишит всю страну всех епископов и пресвитеров), совершения таинств (т. е. крещения и причащения), а также рукоположений, мирянами. См. А. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии, стр. 40—41. В книге «The Doctrine in the Church of England», изд. в 1938 г., выражено мнение евангелико-епископальной партии, в противовес точке зрения англо-католиков, что для совершения св. Евхаристии не требуется непременно рукоположенный священник, так как она может быть совершаема, по крайней мере в исключительных случаях, и мирянином. Деяния Совещания..., т. I, стр. 337, примеч. 38-е.